

**You have downloaded a document from
RE-BUŚ
repository of the University of Silesia in Katowice**

Title: Komissivnye recevye zanry : sopostavitel'nyj russko-pol'skij aspekt

Author: Oksana Mal'ysa

Citation style: Mal'ysa Oksana. (2014). Komissivnye recevye zanry : sopostavitel'nyj russko-pol'skij aspekt. Katowice : Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego.

Uznanie autorstwa - Użycie niekomercyjne - Bez utworów zależnych Polska - Licencja ta zezwala na rozpowszechnianie, przedstawianie i wykonywanie utworu jedynie w celach niekomercyjnych oraz pod warunkiem zachowania go w oryginalnej postaci (nie tworzenia utworów zależnych).

UNIwersYTET ŚLĄSKI
W KATOWICACH

Biblioteka
Uniwersytetu Śląskiego

Ministerstwo Nauki
i Szkolnictwa Wyższego

КОМИССИВНЫЕ РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ РУССКО-ПОЛЬСКИЙ АСПЕКТ

OKSANA MAŁYSA

WYDAWNICTWO
UNIwersytetu śląskiego
KATOWICE 2014

**Комиссивные речевые жанры
Сопоставительный
русско-польский аспект**

NR 3194

Oksana Małysa

**Комиссивные речевые жанры
Сопоставительный
русско-польский аспект**

Redaktor serii: Językoznawstwo Słowiańskie
Henryk Fontański

Recenzent
Halina Chodurska

Содержание

Введение	7
--------------------	---

Глава I

К вопросу о речевых жанрах

1. Жанр среди других речевых образований	15
1.1. Основные параметры жанра как вида речевого общения	15
1.2. Речевой жанр и речевой акт	18
1.3. Ситуативный критерий в парадигме речевого жанра	27
1.4. Положения коммуникативной грамматики в отношении к речевому жанру	31
2. Типы речевых жанров	37
2.1. Соотнесение форм речи с классификацией речевых жанров	38
2.2. Прагмалингвистический инструментарий как принцип рече-жанровой классификации	41
2.3. Речежанровая типологизация в ракурсе стиля и дискурса	47
3. Жанр в аспекте культуры	51
3.1. Речежанровая организация: выражение своеобразия и взаимопроникновения культур	52
3.2. Жанровая специфика национальных культур в разных коммуникативных ситуациях	58
3.3. Проявления культурной обусловленности жанров речи: исторические контексты, мировоззренческие установки и жанровое сознание	65
3.4. Проблема переводимости номинаций жанров	69

Глава II

Функционально-прагматические параметры интенции комиссивности

1. Классификация жанров по интенциональному признаку	77
2. Этимологический и словообразовательный срез наименований комиссивных жанров	78
3. Перформативные единицы в ассертивных, комиссивных и декларативных речевых образованиях	88
4. Перифрастические наименования с интенциональным характером комиссивности в аспекте проецируемых ими смыслов	101
5. Невербальные актуализации намерения выполнения действия на фоне вербальных воплощений комиссивности	110

Глава III

Коммуникативное и культурное пространство комиссивных жанров

1. Речевая системность комиссивных речевых жанров	127
2. Экспликации интенции комиссивности в повседневном общении	153
3. Аксиологические ценности комиссивных жанров в культурно-историческом контексте	176
4. Интенции комиссивности в жанрах разных типов	197
Заключение	217
Источники	223
Библиография	227
Streszczenie	239
Summary	241

Введение

Коммуникативно-ситуативные контексты вписываются в самый широкий спектр активности человека: социальной, экономической, культурной и др. Речевые действия, реализуемые в этих контекстах, обладают определенным интенциональным характером и приобретают соответствующую форму высказывания. В. Григорьева усматривает целесообразность соотнесения речевой интенции как непосредственной составляющей речевого взаимодействия с замыслом, намерением «сделать нечто с помощью такого инструмента, как язык — речь — высказывание»¹. Другие ученые также отмечают, что любое речевое действие ориентировано на достижение поставленной цели, а сами интенции проявляются в выборе субъектом речевой деятельности подходящих жанров². Их выбор, производимый адресатом, предполагает адекватную прагматическую интерпретацию и должен служить опознанию реципиентом интенционального смысла. При этом наряду с ситуацией на уместность допустимых в ней текстовых реализаций оказывают влияние ролевые, психологические, гендерные, возрастные и языковые характеристики участников общения.

---

¹ В.С. Григорьева: *Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагматический и когнитивный аспекты*. Тамбов 2007, с. 36.

² S. Gajda: *Gatunkowe wzorce wypowiedzi*. W: *Polska genologia lingwistyczna*. Red. D. Ostaszewska, R. Cudak. Warszawa 2008, с. 135; О.С. Исеев: *Коммуникативные стратегии и тактики русской речи*. Москва 2006, с. 231–232.

Не случайно интенциональную наполненность Дж. Серль трактовал как совокупность интенционального содержания и определенного психологического модуса³.

Передача интенционального содержания как прагматического фактора, доминирующего у адресанта, может осуществляться разными способами, облекаясь в различные жанры. Они не только передают ментальное состояние отправителя информации, но и учитывают характер его взаимоотношений с адресатом, указывают на тип ситуации, отражают подход к теме высказывания. В условиях коммуникативного намерения осуществить что-либо, например, пойти в кино, говорящий может использовать следующие жанровые формы: *предложение, просьба, приказ, приглашение, обещание* в русском речевом общении и *propozycja, prośba, rozkaz, zaproszenie, obietnica* в польском. Подобным образом стремление выяснить отношения находит выход в ряде жанров: *razgovor, spor, sspora / rozmowa, dyskusja, spór, kłótnia* и др. При этом в большинстве случаев наблюдаются достаточно устойчивые, конвенциональные формы выражения интенционального содержания, поэтому набор жанровых реализаций того или иного качества интенции по сути ограничен.

Выбирая характер высказывания даже на подсознательном уровне, адресант старается предвидеть возможную реакцию получателя информации. Ожидаемый им эффект непосредственно влияет на выбор жанровой формы, причем решающую роль может играть здесь тональность текста. Носители языка также, „как правило, отчетливо ощущают, когда в определенной коммуникативной ситуации используются средства, присущие «иному» жанру», несмотря на то, что не все интенциональные состояния получили свое жанровое оформление в определенной культуре⁴.

---

³ J. Searle: *Intentionality: An Essay in the Philosophy of Mind*. Cambridge 1983. Категория интенциональности в философии Дж. Серля рассматривается, к примеру, в работах В. Ладова и А. Домбровского, см.: В.А. Ладов: *Интенциональность в философии Д. Серля*. <http://philosophy.ru/library/ladov/inten2.htm> [доступ: февраль 2014], А. Dąbrowski: *Intencjonalność i semantyka*. Kraków 2013, с. 190–195.

⁴ В.В. Дементьев: *Непрямая коммуникация*. Москва 2006, с. 259.

Прагматический подход к изучению речевых жанров позволяет выделить глобальные конвенциональные мотивы, которыми руководствуются коммуниканты. Выдвигается мнение о том, что „в целом жанр мыслится как типологически значимое свойство текста входить в группу коммуникативных образований, имеющих сходное назначение (интенцию) в процессе речевой деятельности”⁵. Именно поэтому кажется естественным то, что среди предлагаемых исследователями жанровых классификаций часть из них опирается на теорию речевых актов, в которой понятие интенциональности играет важную роль. При категоризации речевых актов именно интенциональный критерий и иллокутивный компонент принадлежат к наиболее значимым показателям. В специфике речевых актов обнаруживается подобие соответствующих интенциональных состояний говорящего: пропозициональное содержание приравнивается к интенциональному, а иллокутивная сила сопоставима с психологическим модусом. Как вывод из сказанного можно трактовать утверждение о том, что речевая интенция, отражая в семантике высказывания содержательный момент внутреннего мира человека, относится к иллокуции как значение к функции⁶.

Интенциональность наряду с акцептабельностью нашла также свое применение в теории текста как один из прагматических квалификаторов текстуальности, отражающих отношения участников коммуникативного акта. На эту сторону текстовой организации обращают внимание Р. де Богранд и В. Дресслер⁷.

Собственно текстовое измерение, выход в которое открывает жанровый подход, дает возможность охватить высказывания с учетом не только прагматических параметров, но и композицион-

---

⁵ Н.Н. Семенюк, Н.С. Бабенко: *Жанр текста как лингвистическая реальность*. В: *Горизонты современной лингвистики. Традиции и новаторство. Сборник в честь Е.С. Кубряковой*. Ред. В.А. Виноградов, В.Ф. Новодранова, Н.К. Рябцева. Москва 2009, с. 721.

⁶ В.С. Григорьева: *Дискурс как элемент...*, с. 36.

⁷ R. de Beaugrande, W. Dressler: *Wstęp do lingwistyki tekstu*. Tłum. A. Szwedek. Warszawa 1990. Кроме интенциональности и акцептабельности, учеными выделяются такие текстовые категории, как когезия, когерентность, информативность, ситуативность и интертекстуальность.

ных, семантико-синтаксических, стилистических, а также культурных. Для речевых актов в классической концепции Дж. Серля признак перформативности, проявляющийся в соотносении речи с настоящим временем, обладает системообразующим свойством. В плане более широкого понимания важным становится то, что наряду с текстами, в основе которых лежит перформативное высказывание, можно выявить и иные разновидности перформативных жанров в разных типах дискурса⁸.

В настоящей работе как предмет исследования наибольший интерес для нас представляют жанровые реализации комиссивности. В этой связи рассмотрим ряд вопросов, которые способствуют обнаружению системных признаков комиссивных жанров и выявлению их специфики. К ним, в частности, относятся:

- жанровые номинации в ономаσιологическом, словообразовательном и лексикографическом освещении;
- перформативные формулы, которые лежат в основе комиссивных и других типов текстов, а также различные способы реализации коммуникативного намерения, в том числе невербальные;
- вербо-номинальные конструкции в зеркале проецируемых ими речеповеденческих смыслов;
- специфика комиссивных текстов в речевой системности;
- ситуативные контексты, в которых актуализируется интенция комиссивности;
- основные черты, которые формируют жанровое своеобразие комиссивных текстов в функционально-прагматическом аспекте;
- аксиологические ценности, связанные, с одной стороны, с номинациями речевых жанров и с категорией жанрового сознания, с другой же, проявляющиеся в содержании комиссивных текстов.

Все это тем более важно, что комиссивные жанры во многом связаны с предшествующей ситуацией, вносят в нее определенные изменения и предопределяют дальнейшее развитие проявлений деятельности человека, в том числе речевой.

---

⁸ В.В. Карасик: *Языковые ключи*. Москва 2009, с. 299.

Особое внимание обращается также на жанры, которые в определенной степени соприкасаются с комиссивными, а кроме того, на модификации отдельных видов комиссивных жанров.

Намеченная проблематика, рассматриваемая в сопоставительном ракурсе, позволяет обнаружить своеобразие жанровой картины комиссивных текстов в русской и польской культурах. Вместе с тем в отдельных случаях привлекается иллюстративный материал из других языков и культур. Обоснованием здесь может послужить тот факт, что на этом фоне некоторые положения, касающиеся проявления комиссивного характера текстов и их функционирования, приобретают, по нашему мнению, более убедительное звучание.

Обращение к обозначенным аспектам собственно комиссивных жанров предваряет сопоставление речежанровых концепций, типологизация речевых жанров, а также представление жанрового своеобразия сквозь призму культуры. Выдвигаемые в этой части работы положения способствуют выявлению параметров речевых жанров и механизмов их функционирования в коммуникативном пространстве разных культурно-языковых социумов.

Очерченный в книге подход к речевым жанрам позволяет несколько отойти от традиционных методов их изучения. Это становится возможным благодаря погружению жанра в ситуативный контекст, а также его трактовке как категории, объединяющей структурные элементы высказывания с его субъектом и поддерживаемой им системой ценностей. Такое направление исследований служит для обнаружения разных сторон динамической модели многообразных форм коммуникации, к одной из которых относятся рассматриваемые нами комиссивные жанры.

В процессе написания книги ее идеи подробно обсуждались с И. Любохой-Круглик и Х. Фонтаньским, которым выражаю искреннюю благодарность. За советы, сформулированные к отдельным главам, я благодарна рецензенту Х. Ходурской. Слова особой признательности направляются моим близким, благодаря поддержке которых стало возможным создание книги.

Глава I

К вопросу о речевых жанрах

1. Жанр среди других речевых образований

1.1. Основные параметры жанра как вида речевого общения

Речевой жанр принадлежит к таким инструментальным категориям, благодаря которым можно осмыслить механизмы речи и выявить модели коммуникации. До сих пор значительная часть современных исследователей жанровой проблематики исходит из теории, выдвинутой М. Бахтиным. Согласно ее положениям, «мы говорим только определенными речевыми жанрами, т.е. все наши высказывания обладают определенными и относительно устойчивыми типическими формами построения целого». Под понятием «жанр» подразумевается здесь некая система языковых действий с относительной стабильностью в тематическом, стилистическом и композиционном планах¹.

Первый из выделенных аспектов, тема, задается замыслом адресанта и конкретизируется в тексте, приобретая смысловую целостность. Это отличает ее от предмета речи, который на достаточно высоком уровне абстракции практически не имеет ограничений. Тема относится к предмету речи непосредственно, касаясь отдельных его сторон, или опосредованно. Предмет отражения, несмотря на то, что связан с содержанием текста, лишь изредка облада-

---

¹ М.М Бахтин: *Проблема речевых жанров*. В: М.М. Бахтин: *Эстетика словесного творчества*. Москва 1986, с. 271.

ет текстовым категориальным статусом, который всегда присущ теме.

В большинстве случаев разные отношения между предметом речи и темой текста прослеживаются именно в зависимости от жанра. В научных монографиях на обобщенном уровне можно говорить об их совпадении, что выявляется уже с заданного термином заглавия: „Цветные металлы” или „Stereotyp”. Озаглавленный таким образом научный текст обнаруживает сходность предмета речи и его темы. В художественном тексте — рассказе, повести или романе — вынесенный в заглавие элемент приобретает скорее символическое или метафорическое звучание. Это чаще всего существенно для развития сюжета, но, как правило, не сводимо к теме произведения. Подтверждением могут послужить хотя бы произведения, в заглавиях которых используется слово *klątwa*. Главной темой драмы „Klątwa” С. Выспяньского является вера, а одноименного романа П. Х. Грэм — любовь. Для сравнения, в научном исследовании А. Энгелькинг под заглавием „Klątwa” рассматривается именно проклятие в языково-этнографическом плане.

Реализация темы подчиняется правилам того функционального стиля, в рамках которого создается текст. Тематическое воплощение является не только жанрообразующим текстовым фактором, но и стилеобразующим. Любые темы, затрагиваемые в жанрах разговорной речи — семья, школа, здоровье, а также политика, спорт, культура и др. — пропускаются сквозь сугубо личностное отношение к ним говорящего. В публицистике их разработка приобретает общественную значимость.

По стилистическому критерию можно разграничить жанры, в основе которых лежит одно и то же название. К примеру, в русской речи — это *признание в любви* и *признание в суде*; *обещание* и *торжественное обещание*; *частное, открытое* и *сопроводительное письмо*, в польской — *esej naukowy* и *esej publicystyczny*, *skarga* и *skarga oficjalna*. Вместе с тем сознательный выбор и сознательная организация языковых единиц, которые укладываются в типическую форму, образуют и индивидуальный стиль каждого речевого жанра.

С формальной стороной текста довольно тесно связана композиция, понимаемая как тип построения целого, его завершенность и отношение говорящего к другим участникам речевого общения². Показательно выделение Б. Успенским трех уровней композиционного построения: семантического, синтаксического и прагматического³. На каждом из них прослеживается иное преломление точек зрения, которое исследователь показывает на материале художественных произведений. Семантика композиции рассматривает точки зрения в плане отношения к описываемой действительности. При синтаксическом подходе важным становится их внутреннее функциональное значение без выхода из текста. Проблемы композиции в плане прагматики концентрируются вокруг отношений между точками зрения автора и адресата. Таким образом, композиция не сводится исключительно к форме, образуя своего рода метатекст, операторы которого предreshают связь текста с действительностью.

Справедливо отмечается, что от реальности неотторжимы все составляющие жанра — тема, стиль и композиция⁴. Тема должна быть представлена таким образом, чтобы указать коммуникативную цель и способствовать ее осуществлению. Она направлена на установление контакта с адресатом и его ответную реакцию. Стиль, в свою очередь, подбирается в текстах, возникающих в конкретных ситуациях общения, в соответствии с оптимальным выражением запрограммированного значения и „входит как элемент в жанровое единство высказывания”⁵. Композиция расширяет свои стилистические возможности за счет метатекстовых элементов связи. Все это не остается безразличным в ракурсе прагматической интерпретации жанров, с чем перекликается видение стиля в формально-смысловых категориях прагматики тек-

---

² М.М. Бахтин: *Проблема...*, с. 268—296.

³ Б.А. Успенский: *Поэтика композиции. Структура художественного текста и типология композиционной формы*. Москва 1970. http://philologos.narod.ru/ling/uspen-poetcomp.htm#chapter_05 [доступ: февраль 2013].

⁴ В.В. Дементьев: *Теория речевых жанров*. Москва 2010, с. 35—36.

⁵ М.М. Бахтин: *Проблема...*, с. 255.

ста у Ю. Люкшина⁶. В этом плане важным становится не только фактор адресата, ситуативная обусловленность стиля и метатекстовые маркеры, но также интенциональность и сила высказывания. Стремление адресанта к тому, чтобы реципиент понял его коммуникативное намерение и отреагировал на него, распространяется на все жанровые образования, включая художественные тексты.

1.2. Речевой жанр и речевой акт

Далеко не случаен тот факт, что концепция речевых жанров возникла приблизительно в то же время, когда в западном мире развивались идеи речевых актов, выдвинутые Дж. Остином, а в дальнейшем разрабатываемые Дж. Серлем. Речевой акт понимается как целенаправленное речевое действие, совершаемое в определенной коммуникативной ситуации по отношению к определенному адресату и представляет собой текст-предложение. Согласно Дж. Серлю, существуют пять типов основных речевых актов (прямых или косвенных — в зависимости от степени явности выражения интенции), которые реализуют следующие иллокутивные цели:

- репрезентативы (ассертивы и констативы) — представление положения вещей;
- директивы — выражение волеизъявления;
- экспрессивы — передача чувств и отношений;
- комиссивы — принятие на себя обязательства совершить что-либо;
- декларативы — постулирование изменений в жизни⁷.

В глобальной классификации речевых актов Дж. Остина, учитывающей характер их иллокутивных целей, они подразделяют-

---

⁶ J. Lukszyn: *Стилистический анализ русского текста. Analiza stylistyczna tekstu rosyjskiego*. Warszawa 1990, с. 28—38.

⁷ Дж. Серль: *Классификация иллокутивных актов*. Пер. В.З. Демьянкова. В: *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 17. *Теория речевых актов*. Москва 1986, с. 170—194.

ся на констативные и перформативные⁸. Констативы „в качестве части своей иллокутивной силы имеют стремление сделать так, чтобы слова (а точнее — пропозициональное содержание речи) соответствовали миру”⁹. Перформативы — это высказывания, в которых образующие их глаголы употребляются в настоящем времени в форме первого лица при наличии соответствующих обстоятельств. Их цель заключается в том, чтобы „мир соответствовал словам”. На осуществление перформативности высказывания ориентированы комиссивы, декларативы и директивы, а с констативным компонентом соотносятся репрезентативы и экспрессивы. Важно отметить, что речь идет именно о направленности речевых актов, поскольку в современной прагматике общепринятым является положение о том, что каждый речевой акт реализует одновременно не одну, а несколько интенций, которые объединяются иллокутивной силой высказывания. Главенствующая же интенция речевого акта представляет собой его иллокутивную цель¹⁰.

Положения теории речевых актов, основанные на выявлении интенциональных смыслов минимальных текстов — предложений, подвергались неоднократной модификации. Среди общих тенденций заметно либо сужение типологии, либо ее детализация. Первая из них прослеживается в неразграничении комиссивов и декларативов¹¹. Их объединяет пропозиция будущности, но отличает то, что в декларативах положение вещей получает свое существование уже в силу объявления, заявления о нем, в том числе в силу институционального волеизъявления. Кроме того, декларация — это норма, которая адресована всем, «кого она каса-

---

⁸ Дж. Остин: *Как совершать действия при помощи слов?* В: Дж. Остин: *Избранное*. Пер. с англ. Л.Б. Макеевой, В.П. Руднева. Москва 1999, с. 13—135.

⁹ Дж. Серль: *Классификация иллокутивных актов...*, с. 173.

¹⁰ В этом плане подробно изучен речевой акт угрозы, в котором преобладающим является директивный компонент — требование, а комиссивный и экспрессивный относятся к побочным. См.: А.Г. Поспелова: *Речевые приоритеты в английском языке*. Дисс. докт. филол. наук. Москва 2001, с. 22; В.А. Маслова: *Введение в лингвокультурологию*. Москва 2010, с. 117—124.

¹¹ Т.В. Шмелева: *Модель речевого жанра*. В: *Жанры речи*. Выпуск 1. Ред. В.Е. Гольдин. Саратов 1997, с. 89—98.

ется и кто должен будет считаться с тем изменением мира, которое произошло, благодаря произнесенным словам»¹². Обещание же понимается как норма, адресованная прежде всего самому себе.

Дополнительная классификация выражается в выделении двух подтипов волеизъявления: как акции, имеющей свое воплощение в приказе, призыве и просьбе, и как реакции, проявляющейся в согласии, несогласии, запрете, разрешении¹³. Однако, как справедливо замечает А. Карабыков, перечисленные речевые типы реакций трудно считать директивами — согласие и несогласие гораздо ближе к экспрессивам, а запрет и разрешение — к декларативам¹⁴.

С позиций когнитивизма речевые акты группируются в три основных вида: информативный (ассертивы, вопросы об информации), облигативный (директивы и комиссивы) и конститутивный (экспрессивы и декларативы). Включение вопросов обосновывается тем, что ассертивы имеют много общих черт с вопросительными предложениями, задаваемыми с целью получить информацию, ср. *Jurek dużo pali. — Czy Jurek dużo pali?*¹⁵. Р. Гжегорчикова включает в этот вид речевых актов также констативы, гипотезы и постулаты¹⁶.

Наряду с заметной генетической близостью речевых актов и речевых жанров как единиц вербального общения прослеживаются и их отличия. Прежде всего это социологическое видение речевой коммуникации в концепции жанров и психологическое начало в теории речевых актов, а также находящийся в центре внимания жанров функциональный стилистический

¹² А.А. Ивин: *Логика. Учебник для гуманитарных факультетов*. Москва 2002 <http://ligis.ru/psylib/090417/books/ivina01/index.htm> [доступ: ноябрь 2012].

¹³ Л.П. Федорова: *Типология речевого воздействия и его место в структуре общения*. „Вопросы языкознания”, № 6, 1991, с. 46—51.

¹⁴ А.В. Карабыков: *Проблема функционирования языка в ее отношении к динамике жанровой системы речи*. „Вестник Томского государственного университета”, № 327 (октябрь), 2009, с. 14.

¹⁵ J. Vazques-Orta i in.: *Kognitywna klasyfikacja aktów mowy*. W: *Współczesna polszczyzna. Wybór opracowań*. T. 3. *Akty i gatunki mowy*. Red. J. Bartmiński, S. Niebrzegowska-Bartmińska, J. Szadura. Lublin 2004, с. 51—53.

¹⁶ R. Grzegorzczkova: *Świat widziany poprzez słowa. Szkice z semantyki leksykalnej*. Warszawa 2012, с. 41—42.

аспект и его отсутствие в основе выделения речевых актов. В то же время выдвигается мнение, что речевые акты „образуют ту первичную коммуникативную данность, с которой мы непосредственно имеем дело в речевом взаимодействии, а именно речевой жанр, оформляющий то или иное речевое событие”¹⁷. Тяготение речевого акта в сторону констати́ва или перформатива обуславливает специфику речевого жанра, в структуре которого акт составляет его ядро. Такое понимание жанров разрабатывается в трудах А. Вежбицкой, Цв. Тодорова, Ст. Гайды и др.

Согласно А. Вежбицкой, общая языковая природа и глобальные смыслы этих двух типов высказываний — речевых актов и речевых жанров — позволяют найти точки их соприкосновения и возможность описания на единой методологической основе. В статье *Genry mowy* текстовые модели, которые рассматривает автор, описываются при помощи предложений, выражающих мотивы, интенции и иные акты ментальной деятельности говорящего. В качестве одного из примеров приведем дефиницию автобиографии по А. Вежбицкой: *Я хочу писать о тех вещах, которые произошли в моей жизни. Я пишу это, потому что хочу, чтобы люди знали о моей жизни и могли себе ее представить. Я думаю, что люди хотели бы знать о моей жизни и хотели бы себе ее представить*¹⁸. Таким образом интерпретируются, с одной стороны, краткие речевые формы, которые по своей семантико-прагматической сущности совпадают с речевыми актами или выводятся из них (напр. *просьба, угроза, ostrzeżenie, podziękowanie*). С другой стороны, этот инструментальный аппарат применяется для анализа жанров, связь которых с речевыми актами уже не столь очевидна или вообще труднодоказуема, как в случае *лекции* или *автобиографии* и их польских соответствий — *wykład, autobiografia*. Цв. Тодоров, занимающийся жанрами художественной литературы¹⁹, считал, что повествовать — это тоже рече-

¹⁷ А.В. Карабыков: *Проблема функционирования языка...*, с. 13.

¹⁸ A. Wierzbicka: *Genry mowy*. W: *Tekst i zdanie. Zbiór studiów*. Red. T. Dobrzyńska, E. Janus. Wrocław 1983, с. 132.

¹⁹ При этом Цв. Тодоров различает три аспекта литературных произведений. Первый из них, словесный, поднимает проблемы свойств высказыва-

вой акт, а повесть — это жанр, в котором наверняка о чем-то повествуется. Однако, по меткому замечанию В. Дементьева²⁰, вряд ли кто-нибудь станет говорить о речевых актах *лекции, дискуссии, беседы*. В этот список войдут *повесть, блог, интервью*, а также *referat, reportaż, debata* и многие другие речевые образования.

Теория речевых актов находит наиболее широкое применение в исследовании разговорной речи. Здесь она служит одним из оснований упорядочения свойственных ей жанров. Польский ученый Ст. Гайда выделяет простые жанры, состоящие из одного иллокутивного акта (*prośba, вопрос / prośba, pytanie*), и сложные, которые он понимает как ряды актов, подвергшихся конвенционализации (*razговор / rozmowa*)²¹. Иллокутивный компонент, позволяющий интерпретировать реплики диалога или отдельное предложение в категориях жанра, обосновывает их статус и как отдельных жанровых образований²². Здесь можно говорить также о перемещении акцентов с *воздействия* на адресата на принцип *взаимодействия* с ним. Это объясняет специфику речевых актов как жанров или их структурных элементов, а кроме того, за-

ния как результата и как процесса, в связи с чем говорится также о регистрах речи или о стиле, а также об отправителе и получателе информации (в тексте), т.е. прагматических факторах. Второй — синтаксический — проявляется в логическом, временном и пространственном измерении. Последний из них семантический — или, цитируя Цв. Тодорова, «если угодно, „тематика” произведения». См.: Цв. Тодоров: *Введение в фантастическую литературу*. Пер. с французского Б. Нарумова. Москва 1997. <http://danshorin.com/liter/todorov1.html#1>. [доступ: ноябрь 2012]. Из этого следует, что все они повторяют жанровые постулаты М. Бахтина, эксплицируя при этом прагматическую составляющую.

²⁰ В.В. Дементьев: *Теория...*, с. 129.

²¹ S. Gajda: *Gatunkowe wzorce...*, с. 141.

²² Е. Бартмиński обращает особое внимание на то, что предложение может быть элементом в синтаксической структуре какого-либо жанра и само репрезентировать жанр. Предложение *Siwy wół wypił wody dół* интерпретируется как загадка только при распознавании адресатом коммуникативной цели отправителя сообщения. См.: J. Bartmiński: *Tekst jako przedmiot tekstologii lingwistycznej*. W: *Tekst. Problemy teoretyczne*. Red. B. Boniecka, J. Bartmiński, Lublin 1998, с. 15.

ставляет учитывать их взаимосвязь со стилистической интерпретацией²³. Сложные жанры, уточним, не являются лишь простой суммой входящих в них речевых актов. Они представляют собой новую ступень текстовой организации, имея, по словам М. Кожиной, «количественно и качественно более сложную природу»²⁴.

Жанровый статус простых образований признается не всеми исследователями. А. Вильконь, подвергая довольно острой критике теорию М. Бахтина²⁵, оспаривает, в частности, принадлежность к кругу жанров *вопроса, ответа, просьбы, угрозы, благодарности, декларации, извинения*. Исследователь исходит из того, что они включаются в состав большей целостности и представляют собой действие, название которого образовано от соответствующего глагола, к примеру: *отвечать* — *ответ*, *просить* — *просьба*, *pytać* — *pytanie*²⁶.

Однако широко известна способность вхождения в единое целое не только близких к речевым актам или отождествляемых с ними простых жанров, но и более крупных, сложных речевых образований²⁷. Я. Тшинадловски указывал на то, что даже несколько художественных жанров, типичных для той или иной историко-литературной эпохи, может входить в состав так

---

²³ См.: В.В. Дементьев: *Теория...*, М.Н. Кожина: *Стиль и жанр: их вариативность, историческая изменчивость и соотношение*. „Stylistyka” VIII. Opole 1999, с. 18—19, 55, К.Ф. Седов: *Становление дискурсивного мышления языковой личности*. Психо- и социолингвистические аспекты. Саратов 1999, с. 55—56, 62.

²⁴ М.Н. Кожина: *Стиль и жанр...*, с. 18.

²⁵ А. Вильконь считает, что видение жанров как определенной системы было вызвано схематическим мышлением, выводящимся из марксистского мышления и характерным для тоталитарных времен. Кроме того, он упрекает М. Бахтина в автоматическом перенесении языковых механизмов на речевые. См.: A. Wilkoń: *Spójność i struktura tekstu*. Kraków 2002, с. 207—213.

²⁶ Там же, с. 198, 210, 237.

²⁷ Упоминается также о жанрах, которые вообще не существуют как автономные, но распознаются лишь в составе сложных речевых образований как отдельные жанровые формы на основании иллокутивного критерия. См.: S. Gajda: *Gatunki wypowiedzi potocznych*. W: *Współczesna polszczyzna. Wybór opracowań*. T. 3. *Akty i gatunki...*, с. 144—152; B. Witosz: *Genologia lingwistyczna. Zarys problematyki*. Katowice 2005.

называемого главенствующего жанра²⁸. Достаточно вспомнить *письма* или *исповеди* героев повестей и романов А. Пушкина и Ф. Достоевского, *протоколы, судебные экспертизы* в детективах Б. Акунина и А. Марининой, *отчеты, биографии, воспоминания* в художественных репортажах Р. Капушинского и Х. Бадера. В некоторых жанрах вхождение в их структуру иных жанровых компонентов является даже обязательным: *молитва* и *заявление* требуют наличия *просьбы*, а *постановление* невозможно без ссылки на *положения закона*²⁹. При этом они не лишаются своей жанровой природы. Однако их трактовка, так же, как и простых речевых жанров типа *требование, совет, поручение, podziękowanie, prośba* в условиях другого текста, приобретает несколько иные оттенки, чем в том случае, если они сами составляют единое целое. Подробно исследован на материале польского языка особый характер *просьбы* в составе не только *молитвы, заявления, но и заветования, интервью, разговора*³⁰.

Данные явления можно понимать как интертекстуальные процессы, среди которых в отношениях текст — текст перечисляются поглощение и преобразование одним текстом другого текста³¹. Ст. Бальбус рассматривает интертекстуальность в категориях стилизации художественных текстов, выходя, однако, за пределы собственно стилистической интерпретации. Стилизация понимается им как одна из интерсемиотических стратегий, имеющих конкретные текстовые воплощения — текст, сконструированный из «чужих» форм, но актуализирующийся в современности³². Поэтому в выделенных им более чем двадцати ее видах находятся и транс-

²⁸ J. Trzynałowski: *Zmienność i stałość gatunku literackiego*. W: *Genologia polska. Wybór tekstów*. Wybór, opracowanie i wstęp E. Miodońska-Brookes, A. Kulawik, M. Tatara. Warszawa 1983, c. 45.

²⁹ B. Witosz: *Genologia lingwistyczna...*, c. 175—178.

³⁰ В частности, их специфика рассматривается в работах М. Wojtak: *O początkach stylu religijnego w polszczyźnie*. „Stylistyka” I, Opole 1992, c. 90—97; М. Makuchowska: *O języku modlitwy*. W: *Czterechsetlecie Unii Brzeskiej. Zagadnienia języka religijnego*. Red. Z. Leszczyński. Lublin 1998, c. 157—167.

³¹ Об этом, ссылаясь на работы Ю. Кристевой, пишет А. Вильконь, см.: А. Wilkoń: *Spójność i struktura...*, c. 60.

³² St. Balbus: *Między stylami*. Kraków 1996, c. 73.

формации пратекста в новый текст, и имитации жанрового образа, и ссылки на него, и реинтерпретация форм, функционирующих в прошлом. В ранг особого приема интертекстуальность возводится в произведениях постмодернизма, где она проявляется, в частности, в игровом, чаще всего пародийном, переосмыслении жанровых образований.

Для обозначения различных жанровых вкраплений, входящих в новое текстовое окружение и приобретающих в связи с этим новые функции, предлагается введение отдельных терминов. М. Кита вслед за Р. Вионом применяет термин *модуль*³³, называя таким образом разные жанры в составе *разговора*, являющегося их сложным синтетическим взаимодействием. Это могут быть *флирт, консультация, рассказ, анекдот, афоризм, рекламный слоган* и др. А. Вильконь, не отрицая существования диалоговых реплик и говоря о «тексте в тексте», принимает термин *инотекстовая вставка*³⁴.

Как относительно самостоятельные текстовые образования или простые жанры также понимаются функционально-смысловые типы речи: *описание / opis, повествование, рассказ / narracja, opowiadanie, рассуждение / rozważanie*³⁵. Их рассматривают прежде всего в качестве конститутивных компонентов других жанров, в том числе в контексте культуры и в диахроническом плане³⁶. Однако приравнивание этих речевых форм к жанрам вызывает определенные сомнения. Функционально-смысловые типы речи обладают более абстрактным характером по сравнению

³³ M. Kita: *Tekstowy status modułu rozmowy*. W: *Gatunki mowy i ich ewolucja*. T. II. *Tekst a gatunek*. Red. D. Ostaszewska. Katowice 2004, c. 408—409.

³⁴ A. Wilkoń: *Spójność i struktura...*, c. 239—240.

³⁵ См.: Т. Dobrzyńska: *Tekst — w perspektywie stylistycznej*. W: *Tekst i jego odmiany. Zbiór studiów*. Red. Т. Dobrzyńska. Warszawa 1996, c. 135; B. Witosz: *Genologia lingwistyczna...*, c. 165.

³⁶ Эта проблематика поднимается, в частности, в работах Я. Славинского, Б. Витош, А. Рейтера, см.: J. Sławiński: *O opisie*. W: *Studia o narracji*. Red. J. Błoński, St. Jaworski, J. Sławiński. Wrocław 1982, c. 215—240; B. Witosz: *Pragmatyczny wymiar opisu*. W: *Tekst. Problemy teoretyczne*. Red. B. Boniecka, J. Bartmiński. Lublin 1998, c. 197—211; A. Rejter: *Kształtowanie się gatunku reportażu podróżniczego w perspektywie stylistycznej i pragmatycznej*. Katowice 2000.

с жанрами и скорее могут служить для представления их свойств, а также уточнения признаков стиля или дискурса.

Большинство ученых сходится во мнении, что действие способно характеризовать тип сообщения и создавать жанр. В этом плане небезынтересно глагольное словосочетание *бить челом*, ставшее фразеологическим. Оно указывает на телодвижения адресанта, служит этикетной адресной формулой, выражая при этом низшую статусную позицию отправителя речи по отношению к адресату (*быю челом*). Кроме того, оно лежит в основе жанра, функционирующего в России до начала XVIII века, — *челобитная*³⁷.

Трудно подвергнуть сомнению и существование иных общепризнанных жанров, смысловое ядро которых составляют глаголы речевых действий: русские *приказ* ← *приказывать*, *рассказ* ← *рассказывать*, *договор* ← *договариваться* и польские: *rozkaz* ← *rozkażować*, *opowiadanie* ← *opowiadać*, *umowa* ← *umówić się* и др. Е. Бартминьски обращает внимание на то, что такими характеристиками обладают многие фольклорные жанры: *bajka* (от *bajać* ‘mówić, pleść’), *zagadka* (от *gadać* — первоначально ‘domyślać się, zgadywać, wróżyć’)³⁸. Такие отглагольные образования свойственны и названиям жанров русского фольклора: той же *загадке* (от ‘гадать’) или *сказке* (от *сказывать* — ‘извещать, молвить, баять; рассказывать, сообщать, повествовать’, ср. выражение *сказки сказывать*). В соотносении с глаголами, в которых проявляется интенциональная сторона, выделяет речевые жанры А. Вежицка. Данный подход, по мнению Е. Бартминьского, позволяет приблизиться к наивному сознанию носителей языка, в том числе и к жанровой категоризации действительности.

³⁷ Жанр *челобитная* определяется как письменное прошение, которое начиналось с фразы, обращенной к царю: *челом быю*, т.е. кланяюсь. См. об этом подробнее в статье А.А. Гиппиус: *Наблюдения над этикетными формулами берестяных грамот*. В: *Стереотипы в языке, коммуникации и культуре*. Ред. Л.Л. Федорова. Москва 2009, с. 279—300. Генетически к нему близки жанры *ходатайство*, *просьба* (к властям), *заявление*.

³⁸ J. Bartmiński: *Gatunki folkloru*. W: *Współczesna polszczyzna. Wybór opracowań*. T. 3. *Akty i gatunki...*, с. 169—175.

1.3. Ситуативный критерий в парадигме речевого жанра

Жанр во многом соотносится не только с иллокутивно-перформативным контекстом, но и с ситуативным критерием. Литературовед С. Скварчиньска выводит возникновение жанров, прежде всего художественных (в силу специфики своих научных интересов), именно из типичности ситуаций как фоновой основы³⁹. Занимаясь вопросом соотнесения коммуникативной и некоммуникативной деятельности, В. Гольдин отмечает, что связь жанра с ситуацией как формой события является наиболее естественной⁴⁰. Данная сторона жанра акцентируется в дефиниции В. Карасика, согласно которому жанр является исторически сложившейся ситуативной формой речевого поведения⁴¹.

Несмотря на неограниченные возможности создания различных ситуаций, можно отметить их повторяемость и аналогичность в разных культурах. Ситуация, как доминирующий элемент контекста, может служить почвой, по крайней мере, для трех типов речевых действий, закрепленных в общественной памяти: жанров, актов и фреймов⁴². В. Дементьев отмечает, что определение жанра у М. Бахтина в какой-то степени напоминает фрейм в подходе современных когнитивистов⁴³. Фрейм лежит в основе выделения А. Барановым когнитотипа — абстракции более низкого уровня по сравнению с жанром. Исследователь трактует когнитотип как „фрейм, отражающий инвариантные ментально-лингвистические характеристики массива текстов определенной предметной области”⁴⁴.

³⁹ S. Skwarczyńska: *Geneza i rozwój rodzajów literackich*. W: *Genologia polska...*, с. 47—78.

⁴⁰ В.Е. Гольдин: *Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи*. В: *Жанры речи*. Выпуск 1..., с. 23—33.

⁴¹ В.И. Карасик: *Языковые ключи*. Москва 2009, с. 266.

⁴² M. Szymoniuk: *O wyborze w działaniu komunikacyjnym w kręgu styl — gatunek*. W: *Gatunki mowy i ich ewolucja*. T. III. *Gatunek a odmiany funkcjonalne*. Red. D. Ostaszewska. Katowice 2007, с. 176—183.

⁴³ В.В. Дементьев: *Теория речевых...*, с. 9.

⁴⁴ А.Г. Баранов: *Когнитотипичность текста. К проблеме уровней абстракции текстовой деятельности*. В: *Жанры речи*. Выпуск 1..., с. 8.

В трудах зарубежных ученых, вслед за идеями родоначальника фреймовой теории М. Минского, говорится, что фреймы служат представлению типичной экстралингвистической ситуации и являются культурно обусловленным ожиданием, если речь идет о структуре и элементах жанра. По словам Т. ван Дейка, они „определенным образом организуют наше поведение и позволяют правильно интерпретировать поведение других людей”⁴⁵. Из этого вытекает тот факт, что в польской лингвистической литературе по отношению к фрейму применяется также термин *rama interpretacyjna* (интерпретационная рамка). При анализе генезиса и эволюции понятия *framing* обращается внимание на то, что под ним подразумеваются когнитивные схемы и интерпретационные рамки для общественных событий и ситуаций⁴⁶.

Продолжая и развивая мысли одного из основоположников теории фреймов Ч. Филлмора⁴⁷, Р. Токарски приходит к выводу о том, что выдвигаемые американским ученым положения следует трактовать двояко. Рамка как некая система понятий активизирует определенную сцену как модель действий, знаний и опыта человека, но и сцена актуализирует рамку в конкретных текстах⁴⁸. Р. Гжегорчикова склоняется к тому, что сцена является более широким понятием, чем интерпретационная рамка. Это обуславливается тем, что сцена включает элементы знания о ситуации, которые могут не находить своего языкового выражения. Лишь обладание схематичными знаниями о типичных ситуациях делает возможным восполнение адресантом элементов, не выраженных в языковом плане. Так, знание на тему типичного поведения в ресторане облегчает понимание текста, хотя не все со-

---

⁴⁵ Т.А. Дейк ван: *Контекст и познание: Фреймы знаний и понимание речевых актов*. В: Ван Дейк Т.А.: *Язык. Познание. Коммуникация*. Пер. с англ. В.В. Петрова. Москва 1989, с. 17.

⁴⁶ A. Pluwak: *Geneza i ewolucja pojęcia framing w naukach społecznych*. „Global Media Journal — Polish Edition”, No 1(5) 2009, с. 53.

⁴⁷ Ч. Филлмор: *Фреймы и семантика понимания*. Пер. с англ. А.Н. Баранова. В: *Новое в зарубежной лингвистике*. Выпуск XXIII. Москва 1988, с. 52—92.

⁴⁸ R. Tokarski: *Pola znaczeniowe i ramy interpretacyjne — dwa spojrzenia na język*. „LingVaria”, Rok I (2006), nr 1, с. 38.

ставляющие этой сцены эксплицируются в языке⁴⁹. Авторы „Когнитивной культурологии” подчеркивают, что „фреймы позволяют нам адекватно толковать высказывания и поведение других людей, обеспечивая тем самым процесс социального и культурного взаимодействия”⁵⁰.

Из разных типов коммуникативных ситуаций исходят при выявлении городских стереотипов и микродиалогов Н. Розанова и М. Китайгородская, ссылаясь при этом на теорию фреймов. Они приравнивают их к малым жанрам разговорной речи, „которые реализуются в высокочастотных ситуациях повседневного городского общения между незнакомыми людьми в форме определенного набора речевых и прагматических клише”⁵¹. При этом вводится понятие речевого события как коммуникативно-процессуального явления, состоящего из ряда микроситуаций и реализующего разные жанры. Данные положения рассматриваются на примере поездки в маршрутном такси. Она понимается как коммуникативное событийное пространство, куда входят типовые микроситуации с учетом ролевых позиций говорящих (водителя и пассажиров): посадка, оплата проезда, дорога, остановки, а также возникающие там жанры: *информационный диалог, просьба, требование*. Используя терминологию Т. ван Дейка и В. Кинча, это можно назвать коммуникативной моделью контекста, которая представляет „речевые акты и лежащие в их основе намерения, а также дополнительную информацию о говорящем, слушающем и контексте”. Она устанавливает „связь между моделью ситуации и репрезентацией текста. Репрезентация текста — это, так сказать, семантическое „содержание” коммуникативного акта, референциальной основой которого является модель ситуации”⁵².

⁴⁹ R. Grzegorzczkova: *Świat widziany poprzez słowa...*, с. 20.

⁵⁰ Е.Я. Режабек, А.А. Филатова: *Когнитивная культурология*. Санкт-Петербург 2010, с. 145.

⁵¹ Н.Н. Розанова, М.В. Китайгородская: *Городская коммуникация в стереотипных ситуациях и жанрах*. В: *Стереотипы в языке...*, с. 450.

⁵² Т.А. Дейк ван, В. Кинч: *Стратегии понимания связного текста*. Пер. с англ. В.Б. Смиренского. В: *Новое в зарубежной лингвистике*. Выпуск XXIII. *Когнитивные аспекты языка*. Москва 1988, с. 155—211.

А. Плювак обращает внимание на то, что понятие *фрейм* используется по отношению к описанию статических ситуаций. Для обозначения динамической смены событий служат понятия *ситуация* и *скрипт*⁵³. Таким образом, фрейм, понимаемый как элемент определенного сценария события, реализуется в его отдельных фрагментах с их языковым наполнением. В приводимой Ч. Филлмором сцене „торгового события” на лексическом уровне проявляются такие глаголы, как *купить, продать, стоить, заплатить, выдать на что-то*. При этом важной становится валентность каждого из них, обуславливающая такие слагаемые ситуации, как продавец, покупатель, товар и цена⁵⁴.

Фрейм представляется не только рядом лексем, но и сводится к языковым шаблонам. Структуризация сценария и регламентированность речевого поведения зачастую требует воспроизведения стереотипных конструкций, «которые являются относительно постоянными формами выражения соответствующих смысловых потенциалов»⁵⁵. К примеру, в ситуации телефонного разговора в русском языке могут прозвучать такие устойчивые фразы: *Позовите, пожалуйста, Аню к телефону. / Аня дома? Позовите ее, пожалуйста, к телефону*. В польском языке в аналогичной ситуации начала разговора по стационарному телефону используется конструкция не с повелительным наклонением, а вопросная форма с модальным глаголом *móc* или экзистенциальным *być*: *Czy mogę rozmawiać z Anią? / Mogę poprosić Anię do telefonu? Czy jest Ania?* В случае, когда набран не тот номер, в польской среде воспроизводится фраза *(To) pomyłka*, в русской — *Вы ошиблись номером. / Вы не туда попали*. Разговоры по сотовому телефону также выработали свои клишированные реплики: в начале диалога возможно появление фразы *Możesz rozmawiać?* и *Ты не занят(а)? / Ты можешь говорить?* В польском языке ответом на приветствие или благодарность в армии, полиции, в пожарных от-

⁵³ А. Плювак: *Geneza i ewolucja...*, с. 72.

⁵⁴ R. Tokarski: *Pola znaczeniowe...*, с. 41.

⁵⁵ В. Хлебда: *Фразеология жанров речи — ресурсы русского языка в новом освещении*. „Studia Rossica Posnaniensia”. Vol. XXIV. Poznań 1993, с. 162.

делениях и в харцерских организациях служит фраза *Ki chwale Ojczyzny!*, часто дополняемая обращением к командиру или начальнику. В русском языке военнослужащие и сотрудники органов внутренних дел отвечают *Служу Российской Федерации!*, где форма глагола в единственном числе подчеркивает ответственность каждого за себя.

Представленные теории сближает лежащая в их основе мысль о конвенциональности языкового поведения, которое обуславливается контекстом высказывания. Таким образом, можно сказать, что в основе речевого жанра лежит не просто отбор речевых актов или полное поглощение одного из них. Он опирается также на воспроизведение хранящихся в культурной памяти фрейм-моделей со своим набором реализующих их средств. При этом возможным оказывается установить тесную связь фреймов с жанровым сознанием⁵⁶.

Исследовательский инструментарий когнитивной лингвистики позволил выдвинуть и прототипическую теорию жанров. В этом понимании жанр (прототип текста в терминологии когнитивистов — Э. Рош, Дж. Лакоффа, Р. Лангакера и др.) является категорией, обнаруживающей себя по принципу семейного подобия в конкретных текстовых реализациях⁵⁷. Принимается, что в отдельной актуализации находят проявление прототипические для данного жанра черты, позволяющие выявить его жанровую принадлежность. Степень их насыщенности размещает текст в центре или на периферии жанрового образца, что может быть особенно важным при установлении жанровой принадлежности новых генологических явлений.

1.4. Положения коммуникативной грамматики в отношении к речевому жанру

Дополнительные возможности предоставляет рассмотрение жанровой специфики с точки зрения регистровой характеристики

⁵⁶ Н.Н. Семенюк, Н.С. Бабенко: *Жанр текста...*, с. 715.

⁵⁷ D. Zdunkiewicz-Jedynak: *Wykłady ze stylistyki*. Warszawa 2008, с. 78—79.

ки. Понятие регистра является одним из основных в концепции Г. Золотовой и ее последователей — Н. Онипенко и М. Сидоровой. Г. Золотова выделяет пять основных коммуникативных типов речи, которые на уровне предложения выражают интенции говорящего, отражающие отношение к внеязыковой действительности. Они разграничиваются прежде всего на основании пространственно-временной позиции субъекта речи по отношению к содержанию сообщения. Репродуктивный регистр служит воспроизведению в речи наблюдаемого, информативный сообщает адресату уже известное или подвергающееся осмыслению. Генеритивный регистр представляет собой обобщенные мысли, соотносимые с жизненным опытом и выходящие за рамки хронотопа конкретного текста. Волонтивный регистр выражает побуждение адресата к действию, реактивный — оценочную реакцию на ситуацию⁵⁸.

Здесь прослеживаются параллели регистров с функционально-смысловыми типами речи и типовыми интенциями речевых актов. Выделяемые авторами *Коммуникативной грамматики русского языка* информативный и репродуктивный регистры совпадают с описанием и повествованием; генеритивный регистр тяготеет к рассуждению. Все три перечисленных вида выводятся из класса репрезентативов по Дж. Серлю. В свою очередь, волонтивный регистр сходен с директивами, а реактивный — с экспрессивами. Однако здесь уже не представлены комиссивы и декларативы — перформативные глаголы *благодарю, клянусь, прошу* упоминаются только в контексте совпадения в них субъекта диктума и модуса во времени и пространстве. Вместе с тем в теории речевых актов не ставится во главу угла семантико-синтаксический аспект предложения, столь важный в коммуникативной грамматике. По словам ее авторов, „судить о мыс-

---

⁵⁸ Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова: *Коммуникативная грамматика русского языка*. Москва 1998, с. 32—33. Кроме того, разграничиваются два подтипа репродуктивного и информативного регистров: повествовательный и описательный, а также генеритивно-волонтивативная, наглядно-примерная, потенциально-обобщенная регистровые разновидности.

лительных и познавательных процессах пока можно только по языковому их выражению⁵⁹.

Несмотря на то, что у исследователей, занимающихся проблематикой текста, вопрос о приравнивании регистров к жанрам не возникает, прослеживаются закономерности, которые определяют выбор регистровых форм и их соотношение в том или ином жанре. „Их свободные, подвижные комбинации в одних случаях или жесткие, регламентированные — в других — организуют композицию текстов разнообразных родов и жанров общественно-речевой практики”, — подчеркивают ученые⁶⁰.

Отдельным жанром, состоящим главным образом из одного предложения, может быть присуща одна регистровая основа. Генеритивная оформленность свойственна *афоризмам, максимам, многим рекламным слоганам, избирательным лозунгам* и соответствующим польским жанрам *aforyzm, maksyma, slogan reklamowy, hasło wyborcze*. Волюнтивный регистр организует *рекомендации, советы, наставления, инструкции, приказы* и ряд польских жанровых реализаций: *rekomendacje, rady, porady, instrukcje, pouczenia, nakazy*. В некоторых жанрах представлен генеритивный регистр, структура которого реализуется волюнтивным вариантом. Это наблюдается в подклассе жанров *пословица / przysłowie*⁶¹: *На Бога надейся, а сам не плошай / Nie radź się starego, ale bywałego*. Однако за выраженной императивностью часто в пословицах скрывается двусоставная структура сложноподчиненного предложения: *Семь раз отмерь, один отрежь*, т.е. надо семь раз отмерить, чтобы один раз отрезать. В свою очередь, паремии повествовательного плана содержат рекомендации подчиниться правилам и нормам иного места: *В Тулу со своим самоваром не ходят / Nie wozi się drewna do lasu*, являются призывом жить в согласии: *Худой мир лучше доброй ссоры / Zgoda buduje, niezgoda rujnuje* и т.п.

Непосредственно соотносятся с информативным регистром такие жанры публицистики, как *заметка, отчет, корреспонден-*

⁵⁹ Там же, с. 391.

⁶⁰ Там же, с. 35.

⁶¹ Там же, с. 438.

ция, *wzmianka*, *notatka*. Преимущественно этот регистр характерен для научных жанров, к которым принадлежат среди прочих *научная статья*, *резюме*, *монография*, *artykuł naukowy*, *referat*. Наряду с этим в них широко используется и генеритивный регистр как представляющий вневременные умозаключения. Это не исключает воспроизведения в данных жанрах и более сложной системы регистровых блоков, которые, учитывая их основополагающую роль в создании композиции текста, предлагается называть композитивами. Как текстовая реализация коммуникативных регистров композитивы неоднородны по своему объему, представляя собой предложение или его полупредикативный фрагмент, группу предложений, абзац, сверхфразовое единство.

Способы и принципы взаимодействия в композиционной канве различных регистровых воплощений рассматриваются на примерах разных жанров⁶². Детально разрабатывая положения теории регистрового анализа, Х. Фонтаньский пишет: „Применение основного критерия выделения регистров к некоторым типам текстов выявляет проблему соотношения регистрового потенциала моделей предложений или их компонентов и общего коммуникативного намерения говорящего, проявляющегося или в определенном жанре (инструкция, реклама, путеводитель, биография, статья в энциклопедии, афоризм) или в текстовом блоке (повествование, описание, рассуждение)”⁶³.

В ином освещении представляется коммуникативная грамматика у А. Авдеева и Г. Хабрайской. Значение языка понимается ими как реализующийся в форме разных жанров процесс вербализации человеком его интенций: дескриптивных, если речь идет

⁶² См., к примеру, статьи Х. Фонтаньского: H. Fontański: *Gramatyczne wyznaczniki kompozycyjne opowiadań i humoresk temkowskich Teodora Kuźniaka*. W: *Gramatyka a tekst*. Red. H. Fontański, J. Lubocha-Kruglik. Katowice 2007, с. 69—94; М. Борек: *Регистровая характеристика жанра репортажа в современном русском языке*. „Prace Językoznawcze” 20. Katowice 1993, с. 71—79 и ее же: *Композитивы в „Стихотворениях в прозе” И. Тургенева*. В: *Gramatyka a tekst*. Т. 2. Red. H. Fontański, J. Lubocha-Kruglik. Katowice 2009, с. 94—107.

⁶³ Х. Фонтаньский: *Методологические вопросы регистрового анализа*. В: *Традиции и тенденции в современной грамматической науке*. Ред. Г.А. Золотова. Москва 2005, с. 174.

об описании мира, и прагматических, цель которых заключается в воздействии на адресата⁶⁴. Размышляя над вопросом регулярных жанровых установок в категориях грамматики текста, Б. Витош замечает, что их рассмотрение в этом плане требует оговорок. Жанровая модель обычно не строго определяет черты текста, а лишь обуславливает их, допуская эластичный способ использования законов жанра. Однако то, что она является способом упорядочения наших знаний о речевом поведении и нашей коммуникативной практики, позволяет говорить и о ее грамматическом характере⁶⁵.

В современной лингвистике наблюдается тенденция к обобщению различных подходов к теории речевых жанров, ее синтетическая интерпретация. Это обусловлено тем, что жанр относится к сложному образованию, которое охватывает, по словам Ст. Гайды, не только формально-языковые показатели, но и категории познания — более или менее упорядоченный образ мира и определенную систему ценностей. Кроме того, жанр включает в себя прагматические характеристики коммуникантов и цели их действий⁶⁶. Немаловажное значение приобретает то, что понятие „жанр” распространяется сегодня и на разновидности мультимедийной сферы, соответственно не только с речевым, но также со звуковым, визуальным, полисемиотическим оформлением⁶⁷.

Многие стороны рассматриваемых явлений нашли свое воплощение в модели речевого жанра, предложенной Т. Шмелевой⁶⁸. Она выделяет семь конститутивных черт жанра. Наряду с лексико-грамматическими и стилистическими особенностями жанров к ним принадлежат коммуникативная цель, образ автора и образ адресата, соотносимые с прагматическими параметрами, с фреймовой и регистровой характеристикой. Образ

---

⁶⁴ A. Awdziejew, H. Habrajska: *Wprowadzenie do gramatyki komunikacyjnej*. T. 1. Łask 2004, с. 19.

⁶⁵ B. Witosz: *Gatunek jako gramatyka (?) tekstu*. W: *Gramatyka a tekst*. T. 2..., с. 57—60.

⁶⁶ S. Gajda: *Gatunkowe wzorce wypowiedzi...*, с. 130.

⁶⁷ D. Zdunkiewicz-Jedynak: *Wykłady...*, с. 79.

⁶⁸ Т.В. Шмелева: *Модель речевого жанра*. В: *Жанры речи*. Выпуск 1..., с. 88—98.

прошлого и образ будущего, диктумное содержание связаны с фреймовой и регистровой характеристикой.

Принимая во внимание эти факторы, под жанрами в настоящее время чаще всего понимается, во-первых, модель с относительно стабильной структурой и семантико-стилистическими особенностями, а во-вторых, элемент определенного коммуникативного пространства, обусловленного ситуацией и внеязыковым контекстом, интенцией и функцией сообщения, спецификой отношений отправителя и адресата, взаимодействием с невербальными кодами — мелодическим, соматическим, предметным⁶⁹. Тематика и композиция, как жанровые признаки, оказываются наиболее релевантными для сложных типов текстов: художественных, публицистических, официально-деловых. Более простые речевые образования определяются прежде всего с учетом ситуации общения и коммуникативных целей ее участников. Именно поэтому важно сопоставление жанров со смежными явлениями речевой действительности: с речевыми актами, фреймами, регистрами, речевым событием.

Связь жанров с генетически родственными понятиями, близкими, но главным образом не идентичными, позволяет дополнить новыми аспектами методологическую основу их изучения. Однако для того, чтобы избежать размытости границ понятия речевого жанра, наблюдаемая тенденция к его расширению должна сопровождаться внутренней детальной дифференциацией жанров и выделением разных их типов. Данный постулат, выдвинутый В. Дементьевым⁷⁰, кажется нам наиболее приемлемым для развития теории речевых жанров.

---

⁶⁹ Такая точка зрения выдвигается в уже перечисленных нами исследованиях М. Кожиной, В. Дементьева, Ст. Гайды, Б. Витош, а также в статье М. Киты, Э. Енджейко, см.: E. Jędrzejko, M. Kita: *Wszystkiego najlepszego! Życzenia jako akty językowo-kulturowe: konwencje i kreatywność*. W: *Śląskie studia lingwistyczne*. Red. K. Kleszczowa, Katowice 2003, с. 197—207 и др.

⁷⁰ В.В. Дементьев: *Теория...*, с. 144.

2. Типы речевых жанров

Общая классификация речевых жанров представляется с учетом разных параметров. Среди них можно выделить формы речи, функциональное основание, разную степень конвенциональности и стандартизации, интенциональные признаки, риторический инструментарий, стилевую и дискурсивную принадлежность и т.д.

С точки зрения стратегии говорящих жанры систематизируются как кооперативные (*беседа, просьба, похвала, договор о совместной деятельности, prośba, umowa o pracę, konwersacja, small talk*), некооперативные (*ссора, издевка, упрек, перебранка, kłótnia, wymówka*) и реализующие оба типа стратегий в зависимости от ситуации и тематики (*разговор, rozmowa*)⁷¹.

Выделяются также наборы конвенциональных (к примеру, *вопрос, приветствие, pożegnanie, kondolencje*) и неконвенциональных жанров, соотносимых с многообразием интенциональных установок; жестких, в которых жанровые модели создания текстов наиболее строгие, формализованные, практически без отступлений (*инструкция, воинская присяга, ślubowanie poselskie*) и мягких (*рассказ, żart*); риторических, обслуживающих преимущественно область публичной коммуникации (*светская беседа, застольная речь, проповедь, przemówienie, laudacja, toast*) и нериторических (*разговор, ссора, rozmowa, kłótnia*). Известны типологии в зави-

---

⁷¹ Л.К. Граудина, Е.Н. Ширяев: *Культура русской речи*. Москва 2001, с. 83—85.

симости от тематики жанров⁷² и их назначения. В польском жанроведении отдельно рассматривается соответствующий класс текстов, *gatunki użytkowe* — *прикладные жанры*, куда входят *abstrakt, biogram, dedykacja, podanie, petycja, referat, poręczenie* и т.п.

2.1. Соотнесение форм речи с классификацией речевых жанров

Учитывая формы речи, существует разделение жанров на диалогические (*bеседа, ссора, диспут, konwersacja, dyskusja, debata*) и монологические (*рассказ, история, исповедь, сказ, opowiadanie, anegdota*). Речеганровая типологизация затрагивает также такие аспекты, как устный и письменный способ высказывания. Жанровая дифференциация текстов в их устной разновидности обширна, что обусловлено потребностью повседневных межличностных контактов. К числу устных жанров принадлежат *разговор* и *беседа, дискуссия* и *дебаты, собеседование* и *переговоры, лекция* и *выступление, молитва* и *проповедь*.

Такой же широкий стилистический охват — от разговорного по религиозный стиль — характерен в этой области и для польских жанров. К устным жанрам здесь среди прочих относятся *konwersacja, rozmowa kwalifikacyjna, dysputa, negocjacje, referat, kazanie*. Следует отметить возрастание устной формы общения в научной сфере, связанное с повышением роли науки и расширением научных контактов. Это не исключает того, что устная речь в научном стиле отличается вторичностью, поскольку в таком виде воспроизводят, как правило, ранее написанный текст.

Противопоставляя два этих способа осуществления речевой деятельности, У. Онг рассматривает различные стороны перехода от устного к письменному оформлению высказываний: не только языковую и литературную, но также философскую, социологическую, экономическую и др. Устная и письменная традиции

---

⁷² Шире см. об этом, в том числе на указание библиографических источников: В.В. Дементьев: *Теория...*, с. 67—69.

коммуникации стали для американского ученого одной из правовых точек для выделения этапов развития общества⁷³. В свое время письменность, согласно У. Онгу, стала показателем новых ментальных матриц и привела к необходимости обучения письму и чтению. Мысль ученого продолжает польская исследовательница У. Жидек-Беднарчук. Она отмечает, что письменная организация текста способствует его упорядочению и логичности, линейной развернутости, тематической концентрации, а композиция вместе со структурно-лексическими особенностями определяет жанровые различия между письменными текстами. Кроме того, текст в письменном виде требует следования выработанным языковым нормам и правилам⁷⁴.

Существующее до недавнего времени разграничение устных и письменных текстов теперь подвергается верификации. Это главным образом связано с возможностью представления разговорных текстовых образований практически во всех фактурных формах, что предопределяется появлением новых технологий. Речь идет прежде всего об использовании сотовой связи и Интернета, с помощью которых были созданы модифицированные формы общения. Учитывая возникновение электронных средств связи, У. Онг разработал концепцию «вторичной устности». В ее основе лежит выявление сознательной неформальной оформленности отдельных электронных видов письменного текста, наподобие устного, со всеми характерными для него чертами: нарушением правильности, спонтанностью, незаконченностью мысли, эмоциональностью (роль которой во многом перенимают так называемые „смайлики”— изображения разных эмоциональных состояний). Имеется в виду запись появившихся благодаря интернет-технологиям таких жанров, как *чат* или *дискуссионный форум*, где руководствуются принципом *пиши так, как будто ты говоришь*. Здесь отмечаются

---

⁷³ W. Ong: *Oralność i piśmienność. Słowo poddane technologii*. Przełożył i wstępem opatrzył J. Japola. Lublin 1992.

⁷⁴ U. Żydek-Bednarczuk: *Tekst w Internecie i jego wyznaczniki*. W: *Dialog a nowe media*. Druga Internetowa Konferencja Naukowa. Uniwersytet Śląski, Katowice, marzec-kwiecień 2003, <http://uranos.cto.us.edu.pl/~dialog/archiwum/zydek-bednarczuk.pdf> [доступ: январь 2013], с. 4.

перемещения не только на линии устность и письменность, но также сдвиги в монологической и диалогической формах. К примеру, если *дневник* по своей сути является монологом, то *электронный дневник*, или *блог*, как его интернет-разновидность, отличается от своего предшественника возможностью появления *комментария*, *вопросов*, *советов*. Кроме того, важной особенностью виртуальной коммуникации является то, что можно не только вести одновременно несколько разговоров, но даже общаться в разных жанрах. Так, разговор с несколькими собеседниками в ICQ может чередоваться с сообщениями на форумах⁷⁵.

С формами речи связано также намеченное М. Бахтиным подразделение на первичные и вторичные жанры. Первичные жанры, которые функционируют в сфере бытового непосредственного общения, выступают прежде всего в устном виде. Вместе с тем среди первичных ученым перечисляются письменные жанры *личное письмо*, *дневник*, которые имеют свое воплощение и на уровне вторичных литературных жанров.

Вторичные жанры, возникающие в условиях высокоразвитой коммуникации, соотносятся с письменной формой. Однако здесь прослеживаются не совсем четкие критерии разграничения, что нередко становилось предметом критики⁷⁶.

В ходе дальнейшей разработки этого деления к простым первичным жанрам были приравнены отдельные речевые акты, реализующиеся в ситуации *я — ты — здесь — сейчас*, а сложные первичные (к примеру, *разговор*, *беседа*, *rozmowa*) — к их последовательности. Вторичные жанры (простые и сложные) понимаются часто как производные от первичных, их текстовые дериваты⁷⁷. Они

---

⁷⁵ М.Ю. Сидорова: *Интернет-лингвистика. Русский язык. Межличностное общение*. Москва 2006, с. 19—20. Ученая подробно рассматривает специфику интернет-общения в сопоставлении с иными типами коммуникации в разных ракурсах, подробно останавливаясь на жанрах интернет-дневника, чата, форума.

⁷⁶ См. об этом подробнее: D. Zdunkiewicz-Jedynak: *Wykłady...*, с. 72—73.

⁷⁷ См.: S. Gajda: *Podstawy badań stylistycznych nad językiem naukowym*. Wrocław 1982, J. Bartmiński: *Tekst folkloru jako przedmiot folklorystyki*. W: *Nowe problemy metodologiczne literaturoznawstwa*. Red. H. Markiewicz, J. Sławiński.

противопоставляются также по признакам „неофициального межличностного общения как первичного официальному, публичному в качестве вторичного. С этой точки зрения *бытовая беседа, рассказ, спор, извинение* в равной мере первичны, тогда как *доклад или интервью, дискуссия или исповедь*, безусловно, вторичны”⁷⁸. Взаимодействие теории жанра с положениями прагмалингвистики, стилистики, дискурса представляется плодотворным и при создании жанровой типологизации.

2.2. Прагмалингвистический инструментарий как принцип речежанровой классификации

В исследованиях по проблемам речевой системности подчеркивается, что „жанровый образец текста формируется на основании речевых актов и наследует их определенные особенности, связанные с участниками коммуникативного акта, их знаниями о мире и интенциями, которыми они руководствуются”⁷⁹. Принимая во внимание, что коммуникативная интенция считается наиболее важной для выделения жанра, возможным оказывается разграничение жанров по иллокутивному критерию. Интенции, адресант, реципиент, культура вместе с поведенческими установками и картиной знаний конкретизируют интенциональность как онтологическую категорию.

В интенциональном плане рассматриваются различные по объему речевые образования, входящие в рамки разной стилистической принадлежности. В таком случае принимается во внимание, конечно, не совокупность высказываний, которым свойственна та

Kraków 1992, T. Dobrzyńska: *Gatunki pierwotne i wtórne. (Czytając Bachtina). W: Typy tekstów. Zbiór studiów.* Red. T. Dobrzyńska. Warszawa 1992. Ст. Гайда, например, говорит о примарных и секундарных (производных) жанрах, см.: Ст. Гайда: *Жанры разговорных высказываний.* Пер. В.В. Дементьева. В: *Жанры речи.* Выпуск 2. Ред. В.Е. Гольдин. Саратов 1999, с. 110.

⁷⁸ В.Е. Гольдин: *Имена речевых событий...*, с. 29.

⁷⁹ J. Bartmiński, S. Niebrzegowska-Bartmińska: *Tekstologia.* Warszawa 2009, с. 122, 133.

или иная иллокутивная сила, а глобальная коммуникативная цель жанра⁸⁰ и „функция целого текста в процессе общения”⁸¹. Нередко при этом наблюдается совпадение интенций и функций текста. Согласно данному подходу, на почве русского и польского языков к репрезентативам, среди прочего, принадлежат *научная статья, протокол* / *artykuł naukowy, protokół*, к директивам — *совет, просьба, требование* / *rada, porada, prośba, żądanie, wymóg*. Т. Шмелева и Б. Витош называют директивы императивными жанрами, цель которых заключается в осуществлении или неосуществлении действий, необходимых, желательных, или, напротив, нежелательных для какого-либо участника общения⁸². В круг комиссивов на этом основании включаются, в частности, *обещание, клятва, гарантийное письмо, договор* / *obietnica, przyrzeczenie, gwarancja, umowa*, декларативов — *распоряжения, указы, инаугурационные речи* / *rozporządzenia, exposé*, а экспрессивов — *согласие, несогласие* / *zgoda, sprzeciw*. Говорится также о перформативных жанрах, в том случае, когда „перформативные акты сообщают свой характер определенному цельнооформленному комплексу простейших коммуникативных действий”⁸³.

Не всегда коммуникативная цель жанра может отождествляться с иллокутивной. Специфические цели, которые необходимо специально укрывать, преследуют такие жанры, как *флирт, ироническое высказывание* / *flirt, wupowiedź ironiczna*. Соккрытие целей присуще и жанру *розыгрыш*, который в русской обыденной речи определяется также как *прикол, примочка, подкол, хохма*⁸⁴. В поль-

⁸⁰ B. Witosz: *Genologia lingwistyczna...*, с. 52—53.

⁸¹ В.А. Салимовский: *Речевой акт. Речевой жанр*. В: *Стилистический энциклопедический словарь русского языка*. Ред. М.Н. Кожина. Москва 2003, с. 353.

⁸² Т.В. Шмелева: *Повседневная речь как лингвистический объект*. В: *Русистика сегодня. Функционирование языка: лексика и грамматика*. Ред. Ю.М. Караулов, с. 5—15. Москва 1992; B. Witosz: *Genologia lingwistyczna...*, с. 171.

⁸³ А.В. Карабыков: *Система сакральных перформативов и их роль в культуре и жизни Рима I в. до н.э. — I в. н.э.* „Вестник Томского государственного университета. Филология”, № 3 (11), 2010, с. 26.

⁸⁴ См.: Т.Г. Никитина: *Толковый словарь молодежного сленга*. Москва 2004, с. 518, 553, 555, 782. Функционирование жанровых названий *прикол, примочка, подкол, хохма* в русском языке не ограничивается лишь молодежной средой.

ском языке названиям этого жанра эквивалентны фразеологические сочетания с разговорной окраской *zrobienie (komuś) dowcipu*, *zrobienie (komuś) kawału*, *zrobienie (komuś) numeru*, *splatanie (komuś) figla*. Кроме того, используются такие обозначения, как *wkręcanie kogoś*, *nabieranie kogoś*. Их можно услышать, например, в развлекательных программах польских радиостанций, целью которых является розыгрыш слушателей.

В российском виртуальном пространстве получил распространение основанный на розыгрыше жанр *фейковые новости*, т.е. ложная информация, которая выдается за реальную. Этот жанр берет начало от известных из других массмедиа сообщений, определяемых как *газетная (журналистская) утка*, чему в польском языке соответствует название *kaczka dziennikarska*. Он близок также первоапрельским шуткам, которые свойственны и польским СМИ. Однако фейковые новости функционируют независимо от общепринятых обычаев и как интернет-жанр пронизаны интерактивностью.

Тематика фейковых новостей базируется на мотивах, связанных с известными людьми, крупными корпорациями, наболевшими проблемами, и часто находит широкий отклик во всех видах средств массовой информации. К примеру, особую популярность приобрели сообщения о пропаже и поисках кота Дмитрия Медведева или о закрытии в России сети ресторанов McDonald's. Это вызвало целый ряд комментариев и стало предметом дальнейшей игры данными мотивами.

В других жанрах происходит совмещение иллокуций, которые не входят друг с другом в иерархические отношения. Это свойственно, к примеру, жанру *разговор / rozmowa*. Столкновением разнонаправленных интенций характеризуются *спор / spór*, *ссора / kłótnia*.

Известные попытки систематизации разговорных диалогических форм на основании их иллокутивной силы дополняются функциональными характеристиками. Присущие *разговорному диалогу* прагматические доминанты позволяют Н. Арутюновой выделить пять его типов: 1) информативный диалог, 2) прескриптивный, 3) диалог, в котором происходит обмен мнениями для

того, чтобы установить истину, 4) диалог, целью которого является установление или урегулирование межличностных отношений, а также 5) праздноречевой⁸⁵.

Перемещение активности жанра и иные условия его существования, претерпевание жанром не только внешних, но и внутренних преобразований приводят к тому, что даже при сохранении жанра может меняться его иллюкутивная цель. В качестве иллюстрации данного утверждения А. Карабыков приводит жанр церковной анафемы. Если в средние века она исходила из проклятия, то в настоящее время, согласно мнению богословов, ее назначение заключается в констатации уже совершившегося факта отлучения человека от церкви. Таким образом, ее ведущая интенция преобразовалась из декларатива в репрезентатив, т.е. перформативный жанр перешел в разряд констативных⁸⁶.

При неизменности доминирующей интенции может происходить перераспределение побочных значимостей, составляющих жанр. К примеру, в основе *благословения* лежит апелляция к высшим силам. Использование этого жанра на протяжении многих столетий базировалось на том убеждении, что блага могут быть

⁸⁵ Н.Д. Арутюнова: *Язык и мир человека*. Москва 1999, с. 650.

⁸⁶ А.В. Карабыков: *Проблема функционирования языка...*, с. 15. В энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона под статьей «анафема» читаем: „В Новом Завете А. часто употребляется в смысле осуждения на вечную гибель, и отсюда церковное употребление этого слова в смысле проклятия, особенно в провозглашавшейся против еретиков и грешников формуле: *anathema esto*, то есть будь проклят или — да постигнет тебя кара Божия. А. часто провозглашалась соборами и папами; действие ее состояло в отчуждении от «тела церкви», и так как вне церкви не могло быть спасения, то А. была равносильна осуждению на вечные муки, если грешник не откажется вовремя от своих заблуждений. В средние века А. означала великое отлучение (см. церковное отлучение) в отличие от экскомуники, или малого отлучения.” См.: *Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и Е.И. Ефрона*. http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron [доступ: март 2013]. В современный период, согласно Кодексу канонического права, который вступил в силу в 1983 году, термин *анафема* в римско-католической церкви не используется. В православных религиозных источниках обращается внимание на то, что анафема не является проклятием, а свидетельством церкви об отлучении от нее одного из его членов. Это не закрывает пути возвращения в церковь. См.: *Азбука веры*: <http://azbyka.ru/dictionary/01/anafema.shtml> [доступ: март 2013].

даны человеку только свыше. Теперь этот прагматический компонент исчез, что привело к уподоблению *благословения* жанрам *торжественного пожелания* или *напутствия*. В таком качестве *благословение* до сих пор функционирует в американской речи.

Во многом сходна с классификацией, основанной на иллокутивном потенциале целого текста, типология жанров, в которой на первый план выдвигается текстовая функция. С этой точки зрения Б. Витош предлагает разграничение по следующим направлениям⁸⁷:

- информативные жанры (сюда входят, к примеру, *вопрос, ответ, просьба, pytanie, odpowiedź, prośba*, жанры информативного подстиля публицистики, жанры научной речи);
- облигативные жанры, т.е. имеющие обязывающий характер (*совет, обещание, гарантия, rada, zobowiązanie* и др.);
- жанры с доминирующей воздействующей функцией (*рекламное объявление, рекламный слоган, избирательный лозунг, hasło reklamowe, hasło wyborcze, przemówienie wyborcze* и т.п.);
- жанры-установления (среди прочих *указ, обвинительный акт, объявление войны, nominacja, rozporządzenie, ogłoszenie stanu wojennego*).

Наиболее отчетливо здесь прослеживаются сходства между репрезентативами и информативными жанрами, декларативами и жанрами-установлениями. Но уже комиссивы и директивы объединяются в одну группу облигативных жанров, а разновидностью экспрессивов можно считать воздействующие жанры.

Список жанрового подразделения по функциональному критерию можно дополнить. Исходя из функций, типологизирующих жанры в лингвистической традиции, перечисляются тексты с установкой на контакт, фатические (*комплимент, флирт, похвала, шутка, анекдот, komplement, dowcip* и т.п.), игровые (куда входят *анекдот, смешная история, anegdota, kawał*), воспитательно-го плана (*проповедь, нравоучение, нотация, kazanie, pouczenie*), с магическим и ритуальным характером (*клятва, заклание, молитва, przysięga, klątwa, zaklęcie*), собственно ритуальные (*инаугу-*

⁸⁷ B. Witosz: *Genologia lingwistyczna...*, с. 171.

рациональное выступление, юбилейная речь, *owa pogrzebowa*) и др. Отмечаются разные функции жанров, даже одного, в зависимости от ситуации использования: польская *anegdota* может быть юмористической (игровая функция) или поучительной (воспитательная функция)⁸⁸, подобно жанрам *анекдот* или *смешная история* в русской генристике. Наблюдается и вторичное использование жанра, как в случае жанров *проповедь* или *kazanie*. В первичной функции этот религиозный жанр может быть произнесен только в установленном месте и только уполномоченным духовным лицом. В разговорной речи таким образом метафорически осознаются высказывания нравоучительного характера: *Что ты мне проповеди читаешь? / Co ty mi prawisz kazania?*

Динамика жанровой системы речи проявляется в смещении акцентов в области информативного и фатического способов организации коммуникации. А. Карабыковым подчеркивается, что речь здесь идет об общем характере дискурса, а не об отдельных входящих в его состав речевых единицах. На разных этапах исторического развития господствующий тип общения способствовал формированию и активизации тех или иных жанров. В древности и средневековье были широко востребованы ритуальные формы, тяготеющие к фатике. В последующем в европейской культуре получает распространение культ знаний и рациональный подход к миру, что способствует развитию информативных жанров. Важным в этом отношении является и факт появления книгопечатания.

По мнению А. Карабыкова⁸⁹, сегодня наблюдается смещение акцентов в область фатики, что выводится из глобальной потребности в общении как таковом. Неизбежной становится переакцентуация иллокутивных компонентов, входящих в определенный жанр. В меньшей степени фатизации подвергаются те информативные жанры, в которых доминирует перформативный элемент, предполагающий достаточно высокую ответственность адресанта за сказанное. В. Карасик обращает внимание на то, что перформативность «организует факты в сознании носителей языка в со-

⁸⁸ А. Wilkoń: *Spójność i struktura...*, с. 199.

⁸⁹ А.В. Карабыков: *Проблема функционирования языка...*, с. 17.

ответствии с культурными доминантами, определяющими ценностную картину мира определенного этнокультурного и социокультурного сообщества, с одной стороны, и в соответствии с актуальными смыслами реального общения, с другой стороны»⁹⁰. Выдвинутая же на первый план констативная жанровая составляющая приближает их к области фатики, которую прежде всего репрезентируют праздноречевые жанры.

2.3. Речежанровая типологизация в ракурсе стиля и дискурса

Одним из наиболее устоявшихся оснований жанрового членения можно считать функционально-стилистический ракурс. Каждое обобщенное описание функциональных стилей — официально-делового, научного, публицистического, разговорного, религиозного, художественного (с подразделением на стиль прозаических и поэтических произведений)⁹¹ — содержит ряды типичных для них жанровых форм. В польской лингвистической традиции общепринято выделение следующих стилей: *urzędowy*, *naukowy*, *potoczny*, *artystyczny*, в то время как существование таких стилей, как *publicystyczny* и *religijny* признается не всеми учеными⁹². В свою очередь, в качестве отдельного трактуется *риторический стиль* (*styl retoryczny*) как разновидность, обслуживающая разные формы публичных высказываний⁹³.

⁹⁰ В.И. Карасик: *Языковые ключи...*, с. 303.

⁹¹ См., в частности, описание функциональных стилей в книге Ю. Люкшина: J. Lukszyn: *Стилистический анализ...* В работе термин *стиль* трактуется наравне с термином *язык*, что свойственно и исследованиям в области польского языка, ср. *język publicystyki*, *język potoczny* и т.д. Ярким примером может послужить название серии *Język artystyczny*, выходящей в Силезском университете.

⁹² J. Bartmiński, S. Niebrzegowska-Bartmińska: *Tekstologia...*, с. 112—115. В издании „*Encyklopedia kultury polskiej XX wieku*”. Т. 2. Red. J. Bartmiński. Wrocław 1993 в главе, посвященной стилевым разновидностям польского языка, публицистика также не упоминается.

⁹³ D. Zdunkiewicz-Jedynak: *Wykłady...*

Иная стилевая интерпретация приводит к другому размышлению аналогичных жанров. Кроме того, отношения между стилем и жанром носят динамический характер и во многом зависят от исторического периода, способов коммуникации, практики текстообразования. Отдельные жанры имеют межстилевой характер, а на их принадлежность тому или иному стилю указывают определения или дополнения, к примеру: *письмо* — *частное* (разговорный стиль), *деловое* (официально-деловой), *открытое письмо*, *письмо в редакцию* (публицистический). Подобное явление свойственно также польской жанровой традиции, в которой наряду с соответствиями перечисленных русских названий выделяется широкий ряд разновидностей жанра *list*: *dedykacyjny*, *intencyjny*, *pasterski*, *gończy*, *przewozowy*, *uwierzytelniający*, *żelazny*, *listy komisyjne* и др. С точки зрения формы, языка, стиля между ними заметны значительные расхождения. В русском жанроведении из перечисленных в категориях письма рассматриваются только *list dedykacyjny* — *письмо-посвящение* и *list intencyjny* — *письмо о намерениях*. Остальные приведенные типы польских текстов помещаются в рамки других жанров — это в порядке очередности *послание патриархов*, а также *пастырское (архиерейское) послание*, *объявление в розыск (ориентировка)*, *накладная*, *верительная грамота*, *охранная грамота*, *консульский патент*. Но для официальных писем в польском языке фиксируется другое жанровое наименование, *pismo urzędowe*. Обнаруживая генетическую связь с номинацией *письмо*, в польскоязычной среде оно подчеркивает принадлежность обозначаемых им жанровых реализаций именно к деловой сфере.

Некоторая перестановка акцентов в изучении текстов с дискурсивной позиции, активизировавшейся в последние годы, стала толчком и для нового типологического осмысления жанров. Выделение самих типов дискурса, понимаемого как некий формат общения, помещенный в культурно-ситуативный контекст, осуществляется на разных основаниях. Это в самом широком плане социолингвистическое начало, которым предопределяются две базовые разновидности дискурса: 1) институциональный / ритуальный — с ориентацией на статус, а также 2) бы-

тийный и бытовой, ориентированные на личность⁹⁴. Кроме того, принимаются во внимание возрастное разграничение (молодежный, подростковый дискурс), гендерный подход (феминистический дискурс), мировоззренческие установки участников общения (ксенофобический, расистский разновидности дискурса), тематическая направленность и конкретизация сфер общения и социальных институтов (политический, медицинский, педагогический, юридический, правовой, экономический, дипломатический, рекламный и подобные виды дискурса). В прагмалингвистическом аспекте можно рассматривать собственно жанровую подоплеку (пародийный, автобиографический типы дискурса), параметры композиционно-смысловых типов речи (повествовательный, аргументативный дискурс), стилистическое обоснование (религиозный, научный, публицистический дискурс), в том числе индивидуальное (дискурс языковой личности), тональностное звучание (торжественный, юмористический дискурс). При определении сетевого дискурса учитываются информационные носители.

Дискурсивная трактовка речевой деятельности является весьма продуктивной и во многом снимает вопрос о жанровой неоднородности и значительных расхождениях официального стиля, к дифференциальным чертам которого относится, в частности, невыраженная субъектность. В то же время деловой переписке конкретность и личный характер выражения присущи в гораздо большей степени, чем, например, законодательным актам. Иное, чем в официальном стиле, распределение дифференциальных признаков и степень их проявления составляют специфику выделяемого в нем языка политиков. Однако его дискурсивная обособленность объясняет наличие в нем целого спектра жанров разной стилиевой принадлежности — от официальных письменных постановлений, до устных публичных дебатов и по политические комментарии.

В каждом типе дискурса имеются не только свои собственные жанры, но и жанры, уточняемые в зависимости от тематики и ситуации. Одной из иллюстраций может послужить перечисле-

---

⁹⁴ В.И. Карасик: *Язык социального статуса*. Москва 1992, с. 13—14; В.И. Карасик: *Языковые ключи...*, с. 278—279.

ние З. Новоженовой жанров эзотерического дискурса, среди которых находятся не только *откровение, предсказание, поучение*, но и *астрологический прогноз, эзотерический трактат, эзотерическая реклама*⁹⁵. Важно то, что «в жанре дискурсивные практики предстают как структура, фиксированная последовательность и связываются с конкретным коммуникативным намерением»⁹⁶.

Хотя довольно трудно говорить о какой-либо единой классификации речевых жанров, несомненной представляется взаимосвязь между наиболее глобальными дихотомическими подразделениями, вытекающая из универсальной природы коммуникации, а также развития общественных отношений и культуры. Речь идет о разграничении общения на повседневное и широко понимаемое институализованное. Отсюда выводятся первичные и вторичные жанры, с которыми, в свою очередь, соотносятся жанры риторические и нериторические, конвенциональные и неконвенциональные. Противопоставление жанров по разным признакам востребовано в зависимости от того, какой из аспектов речевой деятельности выдвигается в исследованиях на первый план. Исходная методологическая база часто дополняется другими критериями, что обуславливается целым комплексом свойств реального общения или признаков художественного мира.

Представление жанров в аспекте их типологического разнообразия относится к традиционно рассматриваемой в жанроведении проблеме, однако приведенную классификацию трудно считать исчерпывающей. Интересной видится проблематика типологизации жанров и их отдельных составляющих в сопоставительном плане, что во многом требует принятия во внимание национально-культурного фона.

---

⁹⁵ З. Новоженова: *Эзотерический дискурс в современной России: жанры и языковые особенности*. „Rossica Olomunensia” L. XXI. Olomoucké Dny Rusistů, Red. L. Vobožil. Olomouc 2011, с. 231—234.

⁹⁶ А.Н. Баранов: *Лингвистическая экспертиза текста. Теоретическое основание и практика*. Москва 2009, с. 147.

3. Жанр в аспекте культуры

В концепции описания жанров А. Вежбицкой идея сравнения культур на основании универсальной жанровой типологии и национально-специфических жанровых образований считается наиболее существенной и актуальной⁹⁷. В ее работе подчеркивается, что в настоящее время уже не требует доказательства факт возможности исследования культуры сквозь призму жанров, характерных для того или иного языка. Жанры отражают общественный и культурный мир народов, подобно климатической, биологической, этнической специфике этносов⁹⁸. Такой подход служит обогащению речеганровой традиции, поскольку в жанрах „с максимальной полнотой проявляется культурное своеобразие эпох и народов — своеобразие, охватывающее характер употребления языка, переживания и осмысления его природы”⁹⁹.

В этой области намечаются перспективы исследований по нескольким направлениям, в частности:

- установление наборов жанров для разных культурно-языковых общностей, в том числе для различных исторических периодов, и выявление их специфики;
- выявление в разных культурах различных типов текстов, порождаемых тождественной коммуникативной ситуацией, либо обнаружение их отсутствия;

---

⁹⁷ В. В. Дементьев: *Теория...*, с. 10.

⁹⁸ A. Wierzbicka: *Genry theory...*, с. 135.

⁹⁹ А.В. Карабыков: *Система сакральных перформативов...*, с. 26.

- определение ситуаций, характерных только для одного общества и предопределяющих в нем создание речевого жанра;
- изучение своеобразия характерных для разных языков совокупностей гомогенных жанров, которые реализуют доминирующую в них подобную интенцию или речевой замысел, обладают похожей степенью структурно-семантической жесткости или свободы, осуществляют прямые или косвенные типы общения, основанные на интерпретативной деятельности адресата и т.д.;
- сопоставление жанрового сознания представителей разных языков и культур, с учетом жанровых номинаций, а также оценочного отношения к жанрам, которое связано с ценностными ориентирами, функционирующими в той или иной культуре;
- исследование эквивалентности жанровых наименований.

Остановимся несколько подробнее на этих аспектах речевой деятельности, привлекая в качестве иллюстративного материала жанровые образования преимущественно русской и польской культуры, но в некоторой степени учитывая жанры иных культурных сообществ.

3.1. Речежанровая организация: выражение своеобразия и взаимопроникновения культур

О специфике речи, обусловленной культурно-национальными различиями коммуникативного поведения, говорит уже несколько иной спектр жанров в разных языках. Он расходится как в кругу текстов отдельных языков, в том числе близкородственных, так и в более широком аспекте глобальной классификации культур — европейской, восточной, англо- и иберо-американской и т.д. Этот факт дает также возможность сравнивать понимание и рецепцию жанров в родной для них и инородной среде.

Жанры, выработанные только в одной из культур, закономерно ведут к межкультурной жанровой асимметрии и лакунарности. Не случайно в польском словарном издании о художественных жанрах во введении к статьям о японских и персидских текстовых

образцах находится предупреждение его составителей о том, что представленные в нем жанры не имеют своих соответствий в классификации средиземноморской литературы. Этим обуславливается то, что авторы не могут взывать к чувству жанра у читателя¹⁰⁰.

Среди жанров, которые принадлежат только одной культуре, можно перечислить следующие ряды. Это русские фольклорные жанры *былина*, *частушка*, *сказ*, жанры разговорной речи *светская беседа*, *разговор по душам* и его разновидность — так называемый „кухонный разговор”, а также *разговор в бане* и *вагонные споры*¹⁰¹. В польском кругу это повествовательный жанр *gawęda szlachecka*, поэтический жанр *fraszka*¹⁰² — выводящийся из эпиграммы, но более шуточный и пикантный, разговорные формы *pogadanka*, (*męskie*) *rozmowy przy wódce* и др. Особыми свойствами отличаются восточные поэтические формы *рубаи*, *касыда*, *газель* и японская *се-о-ка*, отдельные речевые образования, такие, как австралийский жанр *deadpan jocular irony* — ирония „с каменным лицом”¹⁰³, чешский *hospodské debaty* — мужской разговор главным образом о спорте и политике в пивном ресторанчике, немецкий *Musikkritik* — род оценки музыкальных произведений и др.

---

¹⁰⁰ M. Biernacki, M. Pawlus: *Słownik gatunków literackich*. Bielsko-Biała 2005, с. 25. Жанры многих культур рассматриваются также в издании: *Słownik rodzajów i gatunków literackich*. Red. G. Gazda, S. Tyniecka-Makowska. Kraków 2006.

¹⁰¹ Интересны наблюдения М. Сидоровой о мотиве „вагонных споров” в русской бардовской песне и в рок-поэзии. Исследовательница также обращает внимание на культурную значимость „кухонных разговоров”. Это проявляется в копировании данной жанровой номинации как особого раздела в периодических изданиях и в ее использовании в названиях чатах и форумах на всем постсоветском пространстве. См.: М.Ю. Сидорова: *Интернет-лингвистика...*, с. 26.

¹⁰² В качестве литературного термина это заимствование из итальянского языка было введено в польский язык поэтом Я. Кохановским.

¹⁰³ Данный вид иронии имеет отношение к понятию „солидарность” и, как правило, предполагает непрямую критику. На эти стороны специфического жанра австралийской культуры указывает К. Годдард в статье „Играй лучше, Мартина!” (ирония „с каменным лицом” и этнопрагматика австралийского варианта английского языка). Пер. с англ. В.В. Дементьева и Е.Б. Ковельевой. В: *Жанры речи*. Выпуск 5. *Жанр и культура*. Ред. В.В. Дементьев. Саратов 2007, с. 159—183.

Автономность присуща, в частности, жанрам, возникшим на почве разных культурно-религиозных традиций. К примеру, это особый жанр богослужения в буддизме — *коан*, в католицизме — литургическая молитва, чаще всего имеющая заступнический характер, *Officium parvum Beatae Mariae Virginis* — *godzinki* (малые часы, литургические часы), *папская булла* и *папская энциклика*. В православной церкви — подобное энциклике *окружное послание*, литургическое песнопение на библейский сюжет *стихира*, хвалебное *акафист*, а также праздничные виды песнопения *кондак* и *тропарь*.

Иные системы общественного устройства в разных государствах также предопределяют отличия в жанровой классификации. В российском законодательстве регламентированы *обвинительный акт* и *обвинительное заключение*, которые составляются соответственно следственными органами и органами дознания. В польской правовой области в обоих случаях используется жанр *akt oskarżenia*.

Многие жанры, первоначально свойственные только одной культуре, пересекают границы в результате переводческой деятельности. Благодаря подражанию текстам оригинала они приобретают новую жизнь в других речевых системах. К обогащению и оживлению жанровых канонов особенно восприимчивой оказалась поэзия, быть может, в силу своей особой устремленности соединить личное и чужое. В польской литературе укоренился жанр *limeryk*, который выводится из английской поэтической традиции и отличается иронико-комическим характером. Лирический персидский жанр *газель* был усвоен немецкой романтической литературой¹⁰⁴ и русской поэзией, прежде всего Серебряного века. Из-под пера В. Брюсова, А. Белого, Вяч. Иванова вышли также циклы стихотворений в подражание японским традиционным литературным формам — *хайку* и *танка*. Собственные стихи по подобию *ханка* создавал в начале прошлого века американский поэт-модернист Э. Паунд, который занимался переводом культурного наследия Дальнего Востока. На современном этапе в силу тенденций глобализации, вея-

¹⁰⁴ А. Wilkoń: *Spójność i struktura...*, с. 200.

ний моды и потребности в новых эстетических впечатлениях можно говорить о еще большей популярности традиционной японской поэзии на почве иных культур, в том числе русской и польской. Наряду с адекватным осознанием *хайку* и *танка* в национальных литературах происходит создание их новых вариантов¹⁰⁵, подчиненное особенностям того или иного языка и сопряженное с западным миром восприятия и эстетики. Кроме того, отмечается их переигрывание, которое отсылает к известному образцу и поэтому возможно лишь при высокой степени узнаваемости исходного жанра.

Прежде всего заметно проникновение в новые социокультурные области жанров англосаксонской культуры. Еще не столь давно, в 1997 году, А. Вежбицка, эмигрировавшая в свое время из Польши, писала, что никогда не обучится некоторым способам речевых форм, ключевым в традиции англо-американского общения, поскольку они идут вразрез с ее понятийным аппаратом и менталитетом. Это утверждение иллюстрируется, в частности, таким жанром, как *small talk*, т.е. ни к чему не обязывающим разговором, в принципе ни о чем, целью которого является сохранение гармонии общения¹⁰⁶. Теперь, главным образом по причине изменения отношения человека к миру, он выходит за пределы существования в одном языково-культурном коллективе и довольно широко укореняется в других социумах. Об этом свидетельствует хотя бы его включение в появляющиеся и в России, и в Польше новые правила хорошего тона, трактующие об искусстве ведения беседы не только в инокультурной среде.

В. Дементьев, подготавливая материалы для энциклопедии речевых жанров, сравнивает жанры *светская беседа* и англо-американский *small talk*, которые в настоящее время иногда определяются как эквивалентные. Однако сопоставление их функционирования в культурном срезе показывает, что жанр русской культуры *светская беседа* соотносится с избранностью и приви-

---

¹⁰⁵ О польских имитациях японских жанров см. P. Michałowski: *Polskie imitacje haiku*. W: *Polska genologia. Gatunek w literaturze współczesnej*. Red. R. Cudak. Warszawa 2009, с. 165—175.

¹⁰⁶ А. Wierzbicka: *Moje podwójne życie: dwa języki, dwie kultury, dwa światy*. „Teksty Drugie”, nr 3(45), 1997, с. 85—86.

легированностью, отличаясь занимательностью содержания, повседневностью тематики, вниманием к форме текстового воплощения. Попутно отметим, что он близок польскому жанру *konwersacja*, который А. Вильконь ставит на ступени старательной речи, создающей развернутый код, и включает в список жанров культуры¹⁰⁷. Вместе с тем при реализации этого жанра существенное значение приобретают не только элитарность и языковая игра, но также бóльшая осведомленность, компетентность, собственный опыт говорящих, их заинтересованность поднимаемыми темами. Для жанра же *small talk* однозначно, что великосветскость и аристократичность как его фоновые характеристики исчезли. В современном понимании, как указано выше, он представляется как малоинформативный контактоустанавливающий жанр неофициальной коммуникации¹⁰⁸.

Небезосновательно такие явления происходят в пределах жанра разговора, который составляет ядро человеческого общения и отличается универсальным характером. Здесь наблюдается также перенесение его медийных разновидностей — например, *talk show* — из американской на другие почвы. Но уже свойственные ей иные жанры не обладают такими широкими возможностями выхода в чужеродные сферы. Польский актер и сатирик М. Штур в одном из интервью¹⁰⁹ обращает внимание на то, что американцы, в отличие от поляков, особо не привязаны к традиции, связанной с жанром эстрадного сатирического театра, называемого по-польски *kabaret*. В США более распространен жанр *stand-up comedy*, который вписывается в иную стилистику контакта с публикой и балансирует на грани провокации. Именно поэтому, учитывая национальные особенности речевого поведения поляков, он практически не находит у них своего применения. Исключение составляет, по словам М. Штура, единственный жанр „*stand-up alla polacca*”, созданный поэтом и сатириком

¹⁰⁷ А. Wilkoń: *Spójność i struktura...*, с. 228—235.

¹⁰⁸ В.В. Дементьев: *Теория...*, с. 357—360.

¹⁰⁹ Интервью было опубликовано в приложении к ежедневнику «Газета Выборча». См.: Maciej Stuhr: *Jestem w nastroju epistolarnym — wywiad z Joanną Derkaczew*. „Gazeta Wyborcza” — „Gazeta Telewizyjna”, 4.11.2011.

А. Понедзельским и представляющий собой смягченную версию исходного жанра. По отношению к другим текстам, сочиненным наподобие американского жанра, встречается обозначение *coś w rodzaju stand-up comedy*¹¹⁰. Можно, конечно, сомневаться в том, смогут ли так определить его адресаты, в восприятии которых он скорее всего будет классифицирован как жанровая модификация хорошо известной им сатирической формы, какой является в Польше *cabaret*.

В России жанр *стендап-камеди* приобрел гораздо большую популярность и реализуется в развлекательных телевизионных передачах на многих каналах, однако претерпевает там изменения в связи с установленными редакторами правилами¹¹¹.

К одному из проявлений национально-культурной принадлежности жанра относится также его определение соответствующими прилагательными. Они прежде всего отсылают к уточнению характеристик какого-либо повсеместно известного жанра, но обладающего специфическими чертами в той или иной культуре. К примеру, *детектив* может определяться как английский. Таким же образом он воспринимается даже в том случае, если его автором не является англичанин. Конвенция, однако, детерминирует то, чтобы произведение было подписано английской фамилией. Неудивительно поэтому, что под псевдонимом Joe Alex скрывается поляк М. Сломчиньски (который, меняя маски, к тому же выдает себя за переводчика своих текстов), а Patrick G. Clark — это Я. Мавевски. Пьеса последнего автора, *Upiór w kuchni* (*Упырь на кухне*), соотносится с наиболее британским из театральных жанров — детективной комедией. Это дало основание озаглавить статью о постановке спектакля как *Bardzo angielski polski kryminal*¹¹², где прилагательное *angielski* задает место действия и особую интер-

---

¹¹⁰ Один из известных польских прозаиков именно так определяет жанр своих встреч с читателями: *Jestem miły, wesoły i często robię coś w rodzaju stand-up comedy*. См.: М. R. Chebab: *Pisarska lista plac, czyli ile zarabiają pisarze i w jaki sposób*. „Gazeta Wyborcza”, 14.03.2014.

¹¹¹ Стендап_(жанр) <http://ru.wikipedia.org/wiki> [доступ: февраль 2014].

¹¹² J. Wierzbicki: *Bardzo angielski polski kryminal*. „Gazeta Wyborcza” — „Gazeta Telewizyjna”, 13.01.2012.

претацию событий, в то время как *polski* указывает здесь на автора произведения и постановку спектакля в Польше.

Наряду с впитыванием заимствованных жанровых образований в культурной памяти сохраняются также формы, которые в процессе исторического развития хотя и уходят на второй план, но обнаруживаются в виде особых семантико-стилистических приемов в повествовании. В русском языке *сказ* как фольклорный жанр обладает специфической манерой изложения. Она воспроизводится в художественных произведениях в качестве основы для имитации устной речи нарратора или персонажей (*характерный сказ*) либо для создания безличного многоголосия (*орнаментальный сказ*) — в текстах Н. Гоголя, Н. Лескова, М. Зощенко, Л. Леонова¹¹³. Распознавание данных метаязыковых соотношений — как самого сказа, так и сказового тона — может на современном этапе вызывать затруднения и у самих носителей русского языка. В этом проявляется модификация культурно-значимых отношений, отражающихся в речеганровой системности внутри одного коммуникативного социума.

3.2. Жанровая специфика национальных культур в разных коммуникативных ситуациях

Похожие коммуникативные ситуации дают начало возникновению различных жанровых моделей или иной конфигурации речевых образований, свойственных многим культурам. После получения подарка, после торжества по случаю дня рождения или других вечеринок в американском обществе принято высылать *thank you notes* — открытки с формальными словами благодарности¹¹⁴. В иных культурах в аналогичных ситуациях благодарность выражается в устной форме либо сразу (после получения подарка), либо на сле-

¹¹³ В. Шмид: *Нарраталогия*. Москва 2008, с. 179—187.

¹¹⁴ На это обращает внимание польский журналист М. Валкуски, работающий радиокорреспондентом в Америке. См.: М. Wałkuski: *Walkowanie Ameryki*. Gliwice 2012, с. 26.

дующий день по телефону (после вечеринки). В ситуации праздника в польской традиции реализуется жанр *życzenia* (пожелания), а в русской доминируют *поздравления* и *пожелания*. Раньше, еще до середины XX века, в качестве поздравления с наступающим событием в польской культуре использовалось также *powinszowanie*, ср. надпись на довоенных открытках: *Z powinszowaniem imienin!* В настоящее время этот жанр наряду с жанром *gratulacje*¹¹⁵ (т.е. поздравления), принят только в тех случаях, когда речь идет об уже произошедших важных событиях в жизни каких-либо лиц, к примеру: *Gratulacje z powodu zdanego egzaminu!*

Для круга русской культуры в последнее время стала заметна активизация формулы *пожеланий* при *приветствии*. Это отмечается в повседневном общении, где используются высказывания типа: *Доброго дня! Доброй ночи!* В электронных письмах распространение получила фраза *Доброго времени суток!* Кроме того, приветствия такого рода присущи языку массмедиа. Для программ, идущих в ночное время, например, „Ночной полет”, характерно приветствие *Доброй ночи!* В начале радиопередач можем услышать *Доброго всем времени суток!*, в информационной телепрограмме „Вести” — *Хороших вам вестей!* Телезрителей и гостей передачи „Доброго здоровьяца” ее ведущий Г. Малахов приветствует словами *Доброго вам здоровьяца!*

В польской коммуникации данное жанровое воплощение приветствий не встречается. *Пожелания* (*życzenia*) традиционно используются здесь как *прощания*, что до сих пор было свойственно и русской речевой коммуникации¹¹⁶. Отсюда, к примеру, следует текстовая омонимия фразы *Доброй ночи!*, которая актуализируется в настоящее время не только при прощании, но и при встрече.

Вызванное различными событиями естественное переживание эмоций, к примеру, боль в связи с утратой близкого человека, в польской среде привело к появлению таких жанров, как

---

¹¹⁵ Подробнее об этих жанрах см.: P. Kowalski: *Gratulanci i winszownicy. Zarys komunikacyjnej historii winszowania*. Wrocław 2010.

¹¹⁶ М.А. Кронгауз: *Русский язык на грани нервного срыва*. Москва 2008, с. 116.

tren, *žale* и *lament*, в русской — *причитания*, *плач*, *приговаривания*. В немецком обществе распространено *Todesanzeige* — *извещение о смерти*, а в болгарском — *възпоменание* — *объявление о годовщине смерти*, которое в последнее время стало появляться и в других европейских культурах. В польской культурной среде оно имеет графическую форму *некролога*.

Такое событие, как свадьба, в кругу разных культур приводит к созданию текстов, принадлежащих иным жанровым разновидностям. В немецкой действительности, например, практикуется *извещение о бракосочетании*. Приходские католические газеты в Польше стали размещать *informacje o planowanych ślubach* — *информационные заметки о планируемых бракосочетаниях*. В реалиях восточнославянских стран во время заключения брака в ЗАГСе молодожены выражают *согласие* на вступление в брачный союз, а ведущий церемонию дает им *торжественное напутствие*. В католической традиции бракосочетающиеся связывают себя супружеской клятвой (*przysięga małżeńska*), в православной же венчанию не сопутствует такой тип текста. На этом основании можно здесь говорить о безэквивалентных текстах, под которыми понимаются «текстовые структуры, связанные с определенными типичными коммуникативными ситуациями в исходном языке и отсутствующие в аналогичных коммуникативных ситуациях в языке перевода либо отсутствующие в языке перевода за неимением в жизни социума языка перевода аналогичных ситуаций общения»¹¹⁷.

Рассматривая типы текстов в переводческом аспекте, Р. Левицки называет также другие жанры, которые не имеют своих аналогов на инокультурной и иноязычной почве при наличии идентичной ситуации. В русской культуре это *пожелание* при отъезде (*Счастливо оставаться!*), *поздравления* с разными событиями, в том числе с малосущественными, но приятными: *С приездом! С новой (удачной) покупкой! С легким паром!* В польском культурном пространстве в настоящее время можем услышать *поздравле-*

---

¹¹⁷ R. Lewicki: *Obcość w odbiorze przekładu*. Lublin 2000, с. 59, [перевод наш — О.М.].

ние (*gratulacje*), которое исходит от продавца и относится к сфере приобретения материальных благ: *Gratuluję udanego zakupu!* Более широкую сферу использования имеют *поздравления*, связанные с одобрением поведения или результата ментальной деятельности: *Gratuluję odwagi! Gratuluję pomysłu!* В таком плане их можно считать эквивалентами похвалы человека, одобрения его действий, широко распространенных в русском общении: *Ты / Вы молодец! Ты умница!* Р. Левицки трактует эти тексты как безэквивалентные, приводя в качестве неполных соответствий высказывания *Zuch jesteś! Zuch z ciebie*. Их частичность предопределяется фактором адресата, которыми в польской среде, как правило, являются дети¹¹⁸. Отмечаются однако случаи, когда *Молодец!* переводится как *Zuch!* и по отношению ко взрослому. К примеру, текст, в котором описываются выборы нового украинского парламента, озаглавлен *Oklaski i okrzyki „Zuch!”*. *Ukraina ma nowego rząd*. Первая часть этого заглавия соотносится с избранием на должность нового премьер-министра А. Яценюка: после результатов голосования в его адрес звучала фраза *Молодец!*, которая в украинском языке отличается теми же особенностями, что и в русском.

Широко используется в польском узусе *благодарность* (*podziękowanie*) за компанию знакомым или незнакомым людям за общим столом¹¹⁹ или при выходе из сауны: *Dziękuję. Dziękuję Państwu*, благодарность за то, что кто-то позвонил: *Dziękuję za telefon*. Формальная благодарность выражается в ситуации покупки товара или приобретения услуги. Она обязательна для всех участников такого рода отношений и носит „зеркальный характер”¹²⁰: А: — *Dziękuję (bardzo)*. В: — *Dziękuję (bardzo)*. В русском общении в большинстве случаев подобный ритуал не наблю-

¹¹⁸ Там же, с. 81.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Об этом пишет Л. Цурикова, рассматривая выражение благодарности в англоязычных культурах в ракурсе прототипического дискурсивного события. См.: Л.В. Цурикова: *Когнитивно-дискурсивная парадигма как новое направление описания и анализа речемыслительной деятельности*. В: *Горизонты современной лингвистики...*, с. 76—92.

дается, а если имеет место, то отличается коммуникативными параметрами: односторонностью благодарности либо вербальной реакцией, принятой в других ситуациях благодарности (т.е. *Спасибо*. — *Пожалуйста*)¹²¹.

В качестве примеров безэквивалентных текстов можно привести *приветствие* и *прощание* при входе и выходе в магазин, в лифт (если там уже есть люди), в отсек вагона, принятые в польской среде и отсутствующие в русской речевой культуре. К такого рода текстам относятся также *приветствия* в отдаленных местах, к примеру, в лесу, в горах, иногда в парке, которые приняты в западноевропейской культуре. В Польше приветствуют друг друга на горных тропах. М. Кронгауз отмечает, что для носителя русской культуры появление приветствий в таких ситуациях вообще нежелательно, так как «подразумевает дальнейшее общение, не исключено, что и агрессивное»¹²². Вместе с тем обращается внимание на то, что под влиянием европейского этикета происходят изменения и в области правил вежливости в русской речи.

Отсутствие идентичных ситуаций часто связано с обычаями, ритуалами, церемониями, которые сопутствуют функционирующим в разных культурах праздникам. При праздновании рождественского сочельника в Польше обычай *dzielenia się opłatkiem* (отламывания друг у друга кусочков облатки — тонкого листочка белого пресного теста) сопровождается *пожеланиями*. Традиция обливания водой девушек в пасхальный понедельник *śmigus-dyngus* привела к созданию жанра *przywoływki dyngusowe*, относящегося теперь к фольклору¹²³. Этот жанр включает призывание имен девушек, шутливое представление их достоинств и недостатков, а также информацию о том, сколько воды будет предназначено для каждой из них. Такого рода тексты произносятся парнями с крыши зданий или с верхушки дерева для собравшихся в пасхальный вечер людей.

---

¹²¹ Такие наблюдения сделаны Л. Цуриковой на материале русского языка. Там же, с. 90.

¹²² М.А. Кронгауз: *Русский язык...*, с. 118.

¹²³ J. Bartmiński: *Gatunki folkloru...*, с. 174.

В разных культурах даже в однородных жанрах при сходности их интенции наблюдаются другие оттенки прагматической нагруженности. Свойства русского жанра *совета* в польском культурном пространстве проявляются в двух разновидностях: *porada* и *rada*. Между ними наблюдается несколько различий. Польский жанр *porada* является жанром, который должен быть аргументирован, должен опираться на профессиональный опыт, ссылаться на юридические акты — т.е. адресанту необходимо обладать компетенцией в той области, которой касается совет. *Rada*, в свою очередь, может, но не обязана иметь практическое обоснование — достаточно того, что советуемый лишь считает себя сведущим в том или ином вопросе.

Жанру *требование* в польской культурно-языковой среде также соответствуют две жанровые реализации: *wymóg* и *żądanie*. *Wymóg* трактуется как выражение условия, необходимого для чего-либо, постулат, норма, *żądanie* же понимается как категорически сформулированное пожелание.

Как утверждает А. Вежбицка, тонкими нюансами характеризуются все простые жанровые образования, востребованные в типичных ситуациях в каждой культуре. В отличие от простых, сложные жанры подвергаются видоизменениям в культурно-языковом аспекте в гораздо меньшей степени. В доказательство этому А. Вежбицка, используя теорию семантических универсалий, сравнивает в английском и японском языках *предостережение* (соответственно *warn* и *satosu*) и *благодарность* (*thank* и *kansha suru*), сопоставляет польские и английские жанры *kawał* и *joke*, *podanie* и *application*¹²⁴. Выявление их структурно-семантических особенностей и коннотативной сферы приводит к выводу об определенных отличиях ментальных моделей и системы ценностей представителей разных культур, а также об ином осознании и перцепции жанров. Однако и здесь отмечаются сдвиги, произошедшие вследствие социально-экономических перемен в Центрально-Восточной Европе в конце прошлого века и гло-

---

¹²⁴ А. Wierzbicka: *Język — umysł — kultura*. Wybór prac pod red. J. Bartmińskiego. Warszawa 1999, с. 228—269.

бализационных процессов. Стираются, к примеру, различия между жанрами *podanie* и *application*, которые отмечала А. Вежбицка¹²⁵. В настоящее время в польском деловом обиходе наряду с жанрами *podanie*, *wniosek* в качестве *заявления*, т.е. письменной просьбы, функционирует также *aplikacja*. Чаще всего этот жанр востребован в ситуации трудоустройства, прохождения практики или стажировки, поступления в учебные заведения. Как и *wniosek*, он имеет заранее определенную структуру и представляет собой готовый бланк для заполнения, который называется *formularz aplikacyjny*. При приеме на работу наряду с личными данными, сведениями об образовании, о знании иностранных языков и профессиональном опыте этот бланк содержит элементы сопроводительного письма. Кроме того, он включает рубрики, в которых, например, требуется сделать анализ параметров фирмы и ответить на ряд дополнительных вопросов. В пособиях по заполнению и составлению заявления такого рода указывается на то, что оно должно являться своеобразного рода рекламной листовкой. По этим причинам, несмотря на отмечаемую синонимию жанровых обозначений *podanie* и *aplikacja*¹²⁶, их оформление имеет ряд отличительных черт.

Таким образом, специфика жанрового пространства, находящегося в прямой зависимости от коммуникативной ситуации, определяется также многими другими факторами. Среди них можно выделить исторические изменения, особенности менталитета и жанровое сознание языковой личности. В дальнейшей части нашей работы коротко остановимся на их роли в формировании жанров, рассматривая эту проблематику в контрастивно-лингвокультурологическом аспекте.

---

¹²⁵ Эти изменения отмечает М. Кита. См.: M. Kita: *Kulturowe osadzenie gatunku wobec globalizacji kulturowej (na przykładzie gatunków etykietalnych)*. W: *Język a kultura*. T. 23. *Akty i gatunki mowy w perspektywie kulturowej*. Red. A. Burzyńska-Kamieniecka. Wrocław 2012, с. 153.

¹²⁶ В одном из текстов, посвященных жанру *podanie*, отмечается, что он может также называться заимствованным из английского языка словом *aplikacja*. См.: M. Zaśko-Zielińska, A. Majewska-Tworek, T. Piekot: *Wzory tekstów użytkowych*. W: *Polszczyzna na co dzień*. Red. M. Bańko. Warszawa 2006, с. 726—727.

3.3. Проявления культурной обусловленности жанров речи: исторические контексты, мировоззренческие установки и жанровое сознание

Акцент на лингвокультурологическое изучение жанров находит свой выход в формулировке культурных сценариев (скриптов), лежащих в их основе. Они представляют собой „общеизвестные и обычно неоспариваемые мнения о том, что хорошо и что плохо и что можно и чего нельзя”, „некую наивную аксиологию, запечатленную в языке”¹²⁷.

Менталитетом представителей различных культур во многом обуславливается реализация конвенциональных жанров, претерпевающая изменения. Описывая выражение согласия / несогласия в контексте культурных скриптов, А. Вежбицка отмечает, что в мире английского языка слова *You are wrong* звучат очень грубо. В русском общении, как и в польском, во фразах *Ты не прав* и *Nie masz racji* нет нарушения культурных речевых норм¹²⁸. Примером также может послужить выражение сочувствия, которое описывает известный английский телеведущий и журналист Дж. Кларксон. После того, как он сообщил о смерти своей собаки в социальной сети Твиттер, его сородичи писали в Интернете: *И как, уже воняет?; Прикольная новость.; Отлично; Не рук ли Джеймса Мэя* (Джеймс Мэй — коллега Кларксона, соведущий программы *Top Gear*) *это дело?*¹²⁹ Кларксон утверждает, что появившаяся здесь ирония обусловлена здоровым цинизмом британской нации¹³⁰, и что подобная реакция на информацию такого рода была бы невозможна в американском речевом поведении.

¹²⁷ А. Вежбицка: *Русские культурные скрипты и их отражение в языке*. В: А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев: *Ключевые идеи русской языковой картины мира*. Москва 2005, с. 467.

¹²⁸ Там же, с. 467—468.

¹²⁹ Дж. Кларксон: *Мой коллега из «Сэнди Таймс»*. „*Top Gear*”, русское издание, № 88, ноябрь 2012, с. 24

¹³⁰ Не случайно эти реплики очень напоминают высказывания героев романа Дж. К. Джерома „Трое в одной лодке, не считая собаки”.

Существенной частью рассмотрения жанров в аспекте культуры является их роль и значимость на разных этапах истории в различных социумах. В этой области прослеживаются изменения даже среди самых распространенных жанровых образований, встречающихся во всех или, по крайней мере, многих культурах. М. Бахтин в работе, посвященной творчеству Ф. Рабле, неоднократно обращает внимание на то, что малые речевые жанры площади — *клятва, божба, проклятие, громкая перебранка, реклама ярмарочных шарлатанов*, входящие также в большие (в *фарсы, дебаты*, а даже в *церковные драмы*), — в средневековой Европе отличались «единым неофициальным мироощущением», «атмосферой свободы, откровенности и фамильярности» и были вполне легальны¹³¹. Если говорить не о столь отдаленных временах, то приведем одно из наблюдений Р. Капушинского. Описывая советскую действительность в книге „Империя”, репортер замечает, что *вопрос* в тоталитарную эпоху стал атрибутом следственных органов власти, почти исчезая из повседневной коммуникации в силу политических обстоятельств¹³². В свою очередь, в польской коммуникации речевая форма, которую раньше причисляли к жанру *konwersacja*, сегодня может восприниматься как обыкновенный разговор среднеобразованных людей. Такие сдвиги происходят в связи с процессом развития и трансформации видов речевого общения. Это обусловлено повышающимся уровнем образования общества и всеобщим доступом к информационным источникам.

Культурные, идеологические и научно-технические факторы оказывают непосредственное влияние на формирование жанровой специфики. Однако это не означает, что все жанры подчиняются данным требованиям. А. Вильконь обращает внимание на то, что трудно найти идеологическую подоплеку таких жанров, как *сонет, трагедия* или *молитва*¹³³. Приводимый польским ученым в этом ряду жанр *ода* во многом все же подчиняется господ-

---

¹³¹ М.М. Бахтин: *Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса*. Москва 1990. <http://philosophy.ru/library/bahtin/rable.html> [доступ: январь 2013].

¹³² R. Kapuściński: *Imperium*. Warszawa 2007, с. 147—150.

¹³³ A. Wilkoń: *Spójność i struktura...*, с. 201.

ствующей идеологии. Это заложено, как нам кажется, интенцией восхваления, доказательством чему может послужить хотя бы „Ода” в честь Сталина, написанная О. Мандельштамом.

Интерес вызывает перераспределение функционально-стилевой принадлежности подобных жанров в различных речевых системах. В польской повседневной коммуникации (не только в деловой и научной сферах) довольно распространены такие жанры, как *dyskusja*, *dysputa*, *debata*, *omówienie*, *polemika*¹³⁴. Многие из них реализуются и в нейтральном, и в игровом планах. Их прагматические индикаторы в польской разговорной среде могут свидетельствовать о ее большей интеллектуализации по сравнению с русской, что проявляется и на языковом уровне. Однако не вызывает сомнений факт, что в обиходном польском общении название диалогов жанром *konwersacja* (подобно как и при внедрении наименований *dyskusja*, *polemika*, *dyskurs*) часто является неким средством семантического убеждения в принадлежности к высшему обществу. Это может быть и приемом, указывающим на проявление иронии в поведении говорящего относительно других участников общения. В русской речи основные виды жанра *дискуссия* наряду с *диспут*ом, *дебатами*, *полемикой* прикрепляются к официальному или научному общению. Исключение составляют *дружеская дискуссия*, *неформальная дискуссия*, которые воспринимаются без юмористического подтекста. Они могут входить в перечень жанров русской разговорной речи. На том же основании в него включается и *обсуждение*.

Вслед за идеей Ст. Гайды в лингвистике предлагается рассматривать значение жанра не только как текстового феномена, но и в его соотношении с жанровым названием и жанровым понятием. Под последним, наряду с научными знаниями по генристике, понимается обиходное сознание жанровой концепции как неотъемлемой части общественного языкового сознания¹³⁵. Оно охватывает процесс истолкования, категоризации, преобразования языковой

¹³⁴ M. Zaśko-Zielińska: *Przez okno świadomości. Gatunki mowy w świadomości użytkowników języka*. Wrocław 2002, с. 26.

¹³⁵ М.Н. Кожина: *Стиль и жанр...*, с. 11—12.

действительности, а также его результат в виде некоего сложного, тематически определенного ментального конструкта¹³⁶. В генеристике жанровое сознание трактуется как его часть.

В связи с этим выдвигается положение о том, что в разных сферах жизни каждого социума коммуникация, в том числе в наивном ключе, воспринимается несколько иначе. «Это выражается в выделении жанров, в акцентировании их разграничения, в их назывании, а также в чувстве общественной уместности их применения в определенных ситуациях»¹³⁷. Все это является свидетельством тому, что представители той или иной культуры могут воспринимать подобные или идентичные тексты по-другому. С. Тер-Минасова упоминает о том, что в английской среде американское *пожелание* при прощании *Have a nice day!* является неприемлемым и раздражающим, поскольку воспринимается как *приказ*, что объясняется употреблением здесь повелительного наклонения¹³⁸. В русской и польской традиции пожелания с использованием форм повелительного наклонения — *Будь(те) здоров(ы)!* *Береги(те) себя!* / *Trzymaj(cie) się!* — принадлежат к общепринятым. Пожелания же в форме родительного падежа типа *Удачного дня!*, *Хорошего вам дня!* / *Udanego dnia!*, *Milego dnia!*, *Przyjemnego dnia!*; *Приятного отдыха!* / *Milego wypoczynku!* появились в русском и польском речевом общении под влиянием английской конструкции. Их употребление при прощании и в русской, и в польской среде создает атмосферу подчеркнутой вежливости и доброжелательности.

Подобные формулы прощания получили распространение в российских СМИ, что способствует моделированию видимости близких отношений с адресатом. Особой популярностью они пользуются в радио- и телепередачах, в том числе в информационных. Например, телевизионная информационная программа «Вести» заканчивается словами *Удачного дня!* или *Хорошего настроения!*

¹³⁶ W. Chlebda: *Fatum i nadzieja. Szkice do obrazu samoświadomości językowej współczesnych Rosjan*. Opole 1995, с. 20.

¹³⁷ S. Gajda: *Gatunkowe wzorce wypowiedzi...*, с. 140.

¹³⁸ С.Г. Тер-Минасова: *Война и мир языков и культур*. Москва 2008, с. 173.

В несколько иных жанровых категориях рассматриваются в разных культурах также художественные тексты. В польской традиции жанру *сказка* соответствуют две речевые формы: *bajka*¹³⁹ и *baśń*. Героями первой, как правило, выступают животные; вторая связана прежде всего с волшебством и сверхъестественными мотивами. В английском языке им близок жанр *fable*, значение которого однако шире, чем в польском и русском языках. Этим термином представителями английской культуры определяется жанр *Скотного двора* Дж. Оруэлла, что невозможно в рассматриваемых нами славянских языковых социумах¹⁴⁰, где это произведение осознается исключительно как *сатирическая притча*. Естественно здесь возникает вопрос о (не)переводимости генологических наименований.

3.4. Проблема переводимости номинаций жанров

Проблема эквивалентизации наименований жанров возникает, конечно, и на уровнях, уже представленных выше. Переводческие соответствия существенно влияют на то, каким образом проецируется толкование жанра текста вторичными реципиентами уже на этапе предварительного ознакомления с ним. Во многом это относится и к конвенциональным заголовкам, которые обладают запрограммированной в них информацией о жанре текста, направляя ожидание адресатов в нужное русло.

В польской литературной традиции в заглавиях произведений широко используется название жанра *opowieść*, ср.: *Opowieści o pilocie Pirxie* Ст. Лема, *Opowieści galicyjskie* А. Стасюка, *Opowieści biblijne* З. Косидовского. Набор собственных характеристик этого жанра сводится к хронологическому порядку событий, односюжетной линии, свободному построению с описательными

---

¹³⁹ В свою очередь, *bajka* является соответствием жанров *сказка* и *басня*, функционирующих в русской лингвокультуре.

¹⁴⁰ К. Hejwowski: *Kognitywno-komunikacyjna teoria przekładu*. Warszawa 2009, с. 127.

мотивами и психологическим анализом¹⁴¹. Можно говорить о его расположении между *рассказом*, *новеллой* и *повестью*, а также *сказкой* и *сказанием*, что отражается на уровне жанрового восприятия и переводческих эквивалентов в разных языках. К примеру, перевод вышеприведенных текстов Ст. Лема и А. Стасюка на русский язык содержит наименование жанра *рассказ*: *Рассказы о пилоте Пирксе*, *Галицийские рассказы*, а в переводе книги З. Косидовского ее жанр обозначается как *сказание*: *Библейские сказания*. Жанр текстов Э.-Т. Гофмана, собранных в книге *Nachtstücke* (в русском переводе *Ночные этюды*), обозначен уже как *новеллы*. В польском языке название жанра этих произведений вводится в перевод заглавия сборника: *Opowieści posne*. То же жанровое наименование сохраняется в названии оперы Ж. Оффенбаха *Les contes d'Hoffmann* на польском языке: *Opowieści Hoffmanna*, в то время как на русском — это *Сказки Гофмана*. Номинация *graphic novel*, определяющая жанр произведения современного австралийского автора Ш. Тана *The Arrival*, в русском языке звучит *графическая новелла*, а в польском — *opowieść* или *powieść graficzna*.

Наименование *opowieść* служит в качестве соответствия для обозначения разных жанров англоязычной культуры, задействованных также в заглавиях. К ним относятся *carol* (*A Christmas Carol* Ч. Диккенса — *Opowieść wigilijna*), *chronicle* (*The Chronicles of Narnia* К. С. Льюиса — *Opowieści z Narnii*¹⁴²), но прежде всего жанр англоязычной культуры *tale*. Это подтверждают многочисленные примеры, среди которых приведем *The Canterbury Tales* Дж. Чо-

---

¹⁴¹ M. Głowiński, T. Kostkiewiczowa, A. Okopień-Sławińska, J. Sławiński: *Słownik terminów literackich*. Wrocław 2000, с. 281.

¹⁴² Встречается также перевод этого заглавия как *Kroniki Narnii*. По поводу очередности прочтения текстов, входящих в этот цикл, существуют разногласия, см.: http://ru.wikipedia.org/wiki/Хроники_Нарнии [доступ: май 2013]. Это вызвано тем, что внутренний хронологический порядок произведений не соответствует порядку их написания. Сам К. С. Льюис не высказывался категорично относительно того, в каком порядке следует читать эти произведения, но выведенное им в заглавие обозначение жанра как *хроника* в качестве конституирующего элемента предполагает временную последовательность событий.

сера — *Opowieści kanterberyjskie; The Book of Lost Tales* (заглавие ранних рассказов Дж. Р.Р. Толкина и первых двух томов *Истории Средиземья* К. Толкина) — *Księga zaginionych opowieści*; заглавие комикса и сериала *Tales from the Crypt* — *Opowieści z krypty*.

Перевод приведенных заглавий на русский язык отличается по сравнению с польским бóльшим разнообразием жанровых номинаций. Они сохраняют обозначение исходного жанра *chronicle* — *хроника* (*Хроники Нарнии*), указывают на его тематические истоки *carol* — *песнь* (*Рождественская песнь*). В свою очередь, жанр *tale* в русской культуре воспринимается как *притча*, *сказка*, *сказание*, *фантастический рассказ*, *байка*, что находит отражение в переводах перечисленных выше произведений: *Кентерберийские рассказы*, *Книга утраченных сказаний*, *Байки из склепа*. Способ наррации в каждой из этих форм дополняется разными нюансами, напр. *сказание* соотносится с историческим или легендарным содержанием, *байка* же — с занимательной историей, с юмористическим и поучительным планом.

К включению текста в иную жанровую разновидность по сравнению с оригиналом могут привести переводческие недочеты. В польском переводе заглавие текста *Just So Stories* Р. Киплинга звучит *Takie sobie bajeczki*, в котором название жанра передает такое значение, как *незатейливые сказочки*¹⁴³. В русских переводах книга озаглавлена *Просто сказки* (в переводе К. Чуковского), *Вот такие сказки*, *Сказки просто так*. Таким образом, вследствие ряда причин картина жанра, которая формируется в сознании носителей культуры, принимающей перевод, не всегда совпадает с исходной по набору признаков.

Спектр жанров польского языка достаточно широко использует номинации с уменьшительными суффиксами: *wierszyk*, *piosenka*, *opowiadka*, *dzienniczek*. В русском языке перевод названия жанра *opowiadka* автоматически требует определения *короткий*, указывающего на длину *рассказа*. Для слова *dzienniczek*, образованного от *dziennik* — *дневник*, в интересующем нас значении жанровой разновидности сугубо личностных, эмоциональных

¹⁴³ К. Hejwowski: *Kognitywno-komunikacyjna...*, с. 137—138.

воспоминаний, русский язык предусматривает две формы. Наряду с исходной это также форма *дневничок*, которая может внести ироническую окраску и несколько умалять достоинства текста. Именно поэтому при переводе заглавия книги *Dzienniczek św. Faustyny* на русский язык эквивалентом жанровой номинации послужило обозначение *дневник*¹⁴⁴. Ранг мистического текста, к которому он принадлежит, не позволил разместить его для русских адресатов в иной категории.

Несмотря на богатую систему уменьшительно-ласкательных суффиксов в русском языке, их использование при обозначениях жанра выступает в нем гораздо реже по сравнению с польским. Существуют, конечно, соответствия вышеприведенных слов: *стишок*, *песенка*, однако в последнем случае смещаются акценты в жанровом сознании носителей сопоставляемых языков. Незнание смысловых оттенков в речевой практике часто приводит к необоснованной лексической замене слов, вызванной также интерференцией: *piosenka* — *песенка*. *Песенка* в русской жанровой системе — это и диминутивная форма от существительного *песня*, и короткая песня для детей. Согласно дефинициям польской лексики *piosenka*, она рассматривается как небольшое и простое произведение, принадлежащее к одному из главных словесно-музыкальных жанров современной эстрады¹⁴⁵. Эквивалентным же названием для *песенки* следует считать номинацию *pioseneczka*. Польский бард Я. Качмарский скорее привел бы в качестве соответствия слово *pioseneczka*, несмотря на то, что

¹⁴⁴ Эти и другие особенности перевода текста святой Фаустины на русский язык подробно рассматривает Т. Боруцки в статье *О русском переводе Dzienniczka św. Faustyny*. В: *Русистика и современность. Языкознание 4*. Red. Z. Czapięga. Rzeszów 2006, с. 231—238.

¹⁴⁵ Приведем две дефиниции жанра *piosenka* — 1) *krótki i prosty utwór muzyczny z tekstem, przeznaczony do śpiewania; też: sama melodia albo słowa takiego utworu*. См.: *Słownik języka polskiego PWN*. Wydanie elektroniczne (CD). Warszawa 2004. 2) *utwór słowno-muzyczny, przeznaczony do wykonywania przez solistę lub zespół. Powstała na przełomie XIX i XX w. jako element sztuki estradowej, dzisiaj jest jedną z najpopularniejszych form kultury masowej, zwłaszcza młodzieżowej*. M. Głowiński, T. Kostkiewiczowa, A. Okopień-Sławińska, J. Sławiński: *Słownik terminów literackich...*, с. 305.

оно уже не фиксируется современными словарями польского языка.

Намеченное исследовательское направление показывает, что установление межъязыковых тождеств и различий, касающихся жанровых названий, требует учета узואально-стилистического статуса и закономерностей употребления искомых единиц в различных ситуациях в разных языковых культурах. На выбор эквивалента часто влияет осмысление структурно-семантических доминант соответствующих жанров, их познавательно-прагматических показателей и аксиологических ориентиров. Все это имеет существенное прикладное значение.

Подытоживая, отметим, что в каждом обществе существуют определенные способы коммуникации, специфичные в аспекте их вербальных и невербальных характеристик. Жанровый критерий, в частности, лежит в основе культурных и национальных различий, предопределяющих коммуникативное поведение лиц. В связи с этим плодотворным путем исследования является сосредоточение внимания на жанровых воплощениях с точки зрения их обусловленности культурно-историческими процессами в разных языковых социумах. Особое значение приобретает также погружение анализа конкретных текстов в контекст существующих в определенной культуре норм, приоритетов и ценностей. Выявление осознания и оценивания жанров представителями разных лингвокультурных общностей является одним из ключей к пониманию востребованности и функционирования жанровых реализаций, а также соотношения коммуникативных систем в целом.

Глава II

Функционально-прагматические параметры интенции комиссивности

1. Классификация жанров по интенциональному признаку

На основании подхода, который учитывает интенцию и функцию текста как целого, выделяются типы жанров, которые сходны с классификациями речевых актов. Такую модель представляет следующая классификация, проиллюстрированная примерами жанров, функционирующих в кругу русской и польской линвокультур:

- репрезентативные жанры, в которых на первый план выдвигается информативная функция: *информативная заметка, научная статья, отчет / notatka prasowa, artykuł naukowy, sprawozdanie* и др.;
- директивные жанры, реализующие императивность, т.е. намерение говорящего принудить адресата совершить действия: *просьба, требование, приказ / prośba, żądanie, rozkaz* и т.п.;
- декларативные жанры, передающие волеизъявление и устанавливающие «соответствие между пропозициональным содержанием и реальностью»¹: *декларация, указ, постановление, распоряжение, судебное решение, приговор, декрет / deklaracja, rozporządzenie, wyrok, dekret* и др.;
- экспрессивные жанры, в которых адресант высказывает свое отношение к интенциональному содержанию: *согласие, фелье-*

---

¹ В.А. Салимовский: *Речевой акт. В: Стилистический энциклопедический словарь...*, с. 351.

мон, похвала, лесть, комплемент, похоронная речь, ода / zgoda, felieton², pamflet, pochwała, pochlebstwo, komplement, mowa pogrzebowa, oda и т.д.;

- контактивные жанры: *приветствие, прощание, благодарность, извинение, приглашение / przywitanie, pożegnanie, podziękowanie, przeprosiny, zaproszenie* и др.;
- комиссивные жанры, общий смысл которых заключается в том, что говорящий обязуется выполнить то, что продуцируется согласно интенции, например, *обещание, присяга, клятва, пари, обязательство, договор / obietnica, przysięga, ślubowanie, zakład, zobowiązanie, umowa*.

Предметом нашего исследования выбраны жанры, которые реализуют интенциональный смысл комиссивности. Остановимся более подробно на разных аспектах ее функционально-прагматического воплощения.

2. Этимологический и словообразовательный срез наименований комиссивных жанров

В номинациях речевых жанров или речевых действий обнаруживаются разные стороны речевого поведения и различные прагматические нюансы интенционального смысла. Присущие речевым жанрам признаки коммуникативного намерения объективируются посредством не только существительных и глаголов, но также глагольно-именных словосочетаний. Общность иллокутивной цели совокупности языковых единиц, которые принадлежат к разным языковым уровням, позволяет объединить их в одну интенционально-семантическую группу.

---

² Как русский жанр *фельетон*, так и польский *felieton* можно отнести к экспрессивным жанрам, несмотря на различия между ними: к основополагающим чертам фельетона в русской традиции принадлежат ирония и сарказм, а также выражение собирательной позиции по отношению к рассматриваемой проблеме. В польском жанре *felieton* выражается личностное отношение автора на разные темы, а ирония и сарказм не являются дифференциальными признаками этого жанра.

Вместе с тем непосредственная связь языковых явлений с жанровыми, где наиболее ярко проявляется усиление интенций, выводится прежде всего из лексико-семантических особенностей глаголов и существительных, называющих соотносимые с жанрами речевые действия и сами жанры.

Правомерность такого подхода подтверждает то, что глаголы положили начало многим рассматриваемым нами жанрам. Это выявляется уже на уровне этимологического и словообразовательного анализа. Не утратили в этом плане своей актуальности слова С. Скварчиньской о том, что изучение жанров сквозь призму этимологии помогает, «с одной стороны, выявить характер видов и жанров в период кристаллизации их названий, а с другой, уловить способ преломления в общественном сознании давних времен сущности данного генологического объекта»³. В свою очередь, установление ономастологических основ с точки зрения словообразования позволяет учитывать также современные явления в области жанровых номинаций. Особую значимость такого подхода в аспекте изучения концептуализации жанров подчеркивает Е. Бартмиński⁴.

Наименования большинства комиссивных жанров непосредственно соотносятся с процессами говорения. В словообразовательной системе русского языка на современном этапе развития прозрачна связь глагола *говорить* с формами *договориться*, *сговориться*, *заговорить* и мотивированных ими существительных *договор*, *договоренность*, *сговор*, *заговор*. Подобные разновидности структур и семантического наполнения наблюдаются у производных от польского глагола *mówić*: *umówić się* → *umowa* и *zmówić się* → *zmowa*.

О генетическом родстве названий речевых интенций комиссивности со словами, связанными со значением 'говорить', ярко свидетельствуют исторические данные языка⁵. Примерами могут

---

³ S. Skwarczyńska: *Wstęp do nauki o literaturze*. T.3. Warszawa 1965, с. 55, [перевод наш — О.М.].

⁴ J. Bartmiński: *Jak opisywać gatunki mowy?* W: *Język a Kultura*. T. 23. *Akty i gatunki mowy...*, с. 20—24.

⁵ Обращение к происхождению слов в русском языке опирается на общепризнанный четырехтомный труд М. Фасмера, см.: М. Фасмер: *Этимологический*

послужить праславянские корни *ob-* и *vetъ*, обозначающие ‘изречение’, и глагол **vētiti* ‘говорить, советовать’ в качестве основ для следующих рядов слов как в русском, так и в польском языках: *обещать* → *обещание, обет, обетование, завет* в значении ‘торжественный обет или договор, как правило, между Богом и человеком’, *obiecować* → *obietnica, obietnica*. Следы праславянского глагола **rek-ti* ‘говорить’ видны в единицах *зарека́ться* → *зарок*, *przysiękać* → *przysięczenie*.

С этим глаголом связана также форма **na-rekti*, обозначающая ‘покаяться, а кроме того, назвать, определить’. В русском языке в свое время укоренилось второе из значений — в дефинициях устаревшей лексики *наречь* выделяются смыслы, передаваемые теперь глаголами *назвать, объявить*. Образованный от той же праславянской основы польский глагол *narzec*, который уже вышел из употребления, с XIV века развил значения *powiedzieć, wymienić, odznaczyć, przyrzec*, а с XVI века — *obiecować* (по отношению к замужеству), на что указывает В. Борысь. Исходя из семантического наполнения данных номинаций, можно сказать, что в русском языке их интенциональная характеристика в перформативных высказываниях сводится к декларативам, а в польском обогащается интенциями асертивности и комиссивности.

В прошлом глагол *наречь* управлял дательным и творительным падежами: *наречь кого-что кем-чем*, т.е. назвать, объявить кого-то женихом / невестой. Глагол *narzec* сочетался с формами дательного и родительного падежей: *narzec komuś kogoś*, т.е. обещать кому-то какое-то лицо для супружества. В польском языке субстантивированная форма *narzeczony(-a)* стала впоследствии обозначением обрученного лица, выразившего намерение вступить в брак⁶. Рус-

---

словарь русского языка. Т. 1—4. Москва 1986. Данные, касающиеся происхождения слов в польском языке, почерпнуты из двух источников: из словаря А. Брюкнера, мнения которого однако довольно часто опровергаются другими учеными, а также нового словаря В. Борыся, версии которого в большей степени соответствуют современным знаниям в области этимологии, см.: А. Brückner: *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Warszawa 1996, W. Boryś: *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Kraków 2005.

⁶ <http://www.rjp.pan.pl> [доступ: март 2013].

ский язык также фиксирует перешедшее в класс имен существительных причастие *нареченный (-ая)*, ‘названный (жених или невеста)’, однако теперь эта лексема принадлежит к разряду устаревших⁷.

Из обихода русского языка давно вышло слово *рота* в значении ‘клятва’ — оно уже не отмечается в словаре В. Даля. Это не удивительно, потому что на современном этапе утратилась и его связь с церковнославянским глаголом *ротити ся* (‘клясться’). Как и польское наименование *rota*, которое сохранилось в активном запасе, эти слова берут начало от древнеиндийского *vratam* ‘правило, заповедь, закон, обет’, греческого *rhetra* ‘изречение, договор, слово’ и праиндоевропейского *uer* (‘говорить, торжественно произносить’). Тем самым и здесь обнаруживается первоначальное указание на процесс говорения.

От праиндоевропейского корня *kel* — ‘звать, кричать, шуметь, раздаваться, звучать’ (ср. также лат. *clamo, clamare* — ‘кричать, громко звать’), по мнению В. Борыся, были образованы наименования *kląć się, kłątwa*. Однако как А. Брюкнер, так и М. Фасмер в рядах *клясться* → *клятва, заклание, kląć się* → *kłątwa, zaklinać się*, → *zaklinanie się*, видят связь с праславянским глаголом **kloniti* (‘склоняться’). Как считают исследователи, по всей вероятности, это связано с сопутствующим клятве прикасанием земли рукой, т.е. с действием, выраженным глаголом *клонить*.

Прикосновение как знак близости, причастности и верности отмечается в ритуале присяги. В словах *присягать* → *присяга, przysięgać* → *przysięga* отражается значение дотрагивания рукой до некоего символического предмета: до земли, священного камня или изображения, оружия⁸. Этимологически им предшествуют праславянские формы **segti, *seġati*, которые считаются родственными литовским словам *segti, seġiati* — ‘застегивать’. Они также дали начало глаголам со значением ‘доставать до чего, достигать’: русскому *сягать*, вышедшему уже из употребления, и активному до сих пор польскому глаголу *sięgać*. В описанных здесь случаях

⁷ <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/874990> [доступ: март 2013].

⁸ Н.Б. Мечковская: *Язык и религия*. Москва 1998, с. 51.

прослеживается второе направление в становлении лексем, которые называют комиссионные жанры, т.е. их соотнесение с действием, сопровождающим речь.

Такие корреляции заметны также в названиях рядов *обязываться* → *обязательство*, *obowiązywać się* → *zobowiązanie*, выводящихся от слов *вязать*, *wiązać* (ср. *связать себя словом*, *związać kogoś utową*). На действие, которое связано с передачей в руки, пожатием рук, указывают группы *ручаться*, *поручить*, *поручаться* → *ручательство*, *порука* и *ręczyć*, *poręczyć*, *zareczyć* → *poręczenie*. В XI—XVII веках в русском языке было известно слово *поручение*, означающее не только ‘порученное дело, обязанности’, но и ‘ручательство, поручительство’. Глагол *поручить*, от которого оно образовано, восходит к праславянской форме **rąčiti*, т.е. ‘вручить, дать в руки’⁹. Этим праславянским глаголом мотивированы также слова *обручиться*, *обручение* и *zareczyć się*, *zareczyny* со значением договора, обещания. Они относятся к обряду, предшествующему свадьбе.

В русском языке отмечаются также параллели между обозначением действия *целовать крест* — ‘давать твердое обещание, клятву, присягать, присягать на веру’ и образованными от данного словосочетания номинациями *крестное целование*, *крестоцелование* как вида божбы, клятвенного заверения. Последние примеры принадлежат теперь к разряду устаревшей лексики¹⁰.

Семантика мотивирующего глагола в паре *сделать* → *сделка* соотносится с аспектом дела. Со *сделкой* связано также этимологическое значение *пари*, на что указывает словосочетание *держать пари*, являющееся полукалькой с французского *faire un pari*. Французский глагол *faire* соответствует слову *сделать*, отличаясь

---

⁹ *Этимологический словарь современного русского языка: в 2 томах*. Т. 2. Составитель: А.К. Шапошников. Москва 2010, с. 177.

¹⁰ *Фразеологический словарь русского литературного языка*. Сост. А.И. Федоров. Москва 2008. Сочетание *крестное целование* иллюстрируется в словаре примерами из „Истории России” С. Соловьева: *При заключении мира употреблялась клятва — крестное целование* и „Царя Бориса” А.К. Толстого: *В соборе Вашу клятву Вы целованьем крестным утвердите*. <http://phraseology.academic.ru/13749> Крестное _целование [дата доступа: октябрь 2012].

однако от него сочетаемостью¹¹. *Pari* означает *заклад*, *пари* и образовано от французского глагола *parier* — ‘биться об заклад’, в свою очередь восходящего к латинскому *pariare* — ‘совершать куплю-продажу’, ‘торговать’¹².

С указанием на совместность действия связано происхождение имени жанра *контракт* / *kontrakt*. Согласно данным М. Фасмера, его латинские корни — это причастие прошедшего времени *contractus* ‘согнутый, ограниченный’, а также глагол *contrahere* ‘стягивать, скреплять’, образованный из сочетания *con-* ‘с, вместе’ и глагола *trahere* ‘тянуть, тащить, притягивать’. В русский язык слово *контракт* было заимствовано посредством немецкого или польского языка.

От этого же латинского глагола, *trahere*, получили свою номинацию два одноименных жанра: *трактат* / *traktat* как научная и литературная форма размышлений¹³, а также как вид международного договора. В польской лингвокультуре слово *traktat* в качестве названия договоров, закрепляющих прежде всего многосторонние отношения, до сих пор отличается активностью, ср.: *traktat lisboński*, *traktat z Maastricht* (*Traktat o Unii Europejskiej*). В русской среде слово *трактат* традиционно используется только по отношению к некоторым дипломатическим документам, подписанным в XVIII и XIX веках, к примеру: *Георгиевский трактат*, *Туркманчайский трактат*, *Парижский трактат*. В настоящее время жанр аналогичных по статусу международных актов определяется как *договор*: *Лиссабонский договор*, *Маастрихтский договор* (*Договор о Европейском союзе*) и др.

---

¹¹ Т. Ройтер: *О перифрастических наименованиях речевой деятельности*. В: *Логический анализ языка. Язык речевых действий*. Ред. Н.Д. Арутюнова, Н.К. Рябцева. Москва 1994, с. 81.

¹² Е.Н. Горбачева: *Речевой жанр «пари» / «betting»: дискурсивные и лингвокультурные характеристики*. В: *Жанры речи*. Выпуск 6. Ред. В.В. Дементьев. Саратов 2009. <http://www.sgu.ru/structure/phislogica/linghist/sbornik-zhanry-rechi/materialy-vypuskov/vypusk-6> [доступ: октябрь 2012].

¹³ Наименование жанра *трактат* / *traktat* часто дается в заглавии научных и художественных текстов, ср.: Л. Виттгенштейн: *Логико-философский трактат*, W. Myśliwski: *Traktat o luskaniu fasoli*.

Общие действия отражаются в наименовании жанра *конвенция* / *konwencja*, также называющего разновидность международных договоров. Оно происходит от латинского глагола *convenire* 'сходиться, встречаться, соглашаться', в состав которого входят части *con-* 'с, вместе' и *venire* 'приходить, приезжать, прибывать'.

Будущность действий проецируют названия жанров с семантической предысторией в латинских словах *pro* 'до, перед' и *mittere* 'отправлять, посылать', послужившие основой для глагола *promittere* 'бросать вперед; обещать'. Созданные на этой базе французское существительное *promesse* и английское *promise* обозначают обещание, английское выражение *conditional promise* — условное обещание. В русском и польском языках подобные заимствования относятся только к узкоспециальной сфере. *Промесса* означает '1) документ, по которому владелец облигации выигрышного займа или лотерейного билета обязывается за определенное вознаграждение уступить другому лицу выигрыш, если он падет на данную облигацию в ближайшем тираже; при отсутствии выигрыша все права покупателя прекращаются; 2) обязательство продавца облигации обменять ее в случае выхода ее в тираж на другую облигацию того же или аналогичного выигрышного займа, еще не вышедшую в тираж погашения'¹⁴. В польском языке жанровое наименование *promesa* функционирует как обещание выполнения действия, а также обязательство государственного, административного или банковского органа о выдаче решения заинтересованному лицу после выполнения им определенных формальностей¹⁵.

Третью группу составляют обозначения, которые связаны с абстрактными понятиями. Ссылки на метафизические сущности проступают в этимологии слов, обозначающих клятву именем Бога и соответствующее действие. Первоначально такое значение в русском языке имели слова *божиться* → *божба*, которые впоследствии претерпели семантические изменения и в настоящее время используются прежде всего для обозначения клятвенного

¹⁴ *Большой юридический словарь*. Ред. А.Я. Сухарев, В.Я. Крутских. Москва 2003. <http://jurisprudence.academic.ru> [доступ: апрель 2014].

¹⁵ *Wielka Encyklopedia PWN*. Т. 22. Warszawa 2004, с. 340.

уверения, принятого в преступной среде. В польском языке глагол *bożyć się* ‘bogiem się świadczyć, boskiego imienia wzywać, przysięgać bogu’¹⁶ и образованная от него номинализация *bożenie* с течением времени утратили способность называть речевые действия.

К универсальному свойству человеческой природы, вере¹⁷, в этимологическом плане восходят русские слова *уверять* → *уверение*, *заверять* → *заверение*. Их соответствия в польском языке *zapewniać* → *zapewnienie* по своему происхождению связываются с таким эмоциональным состоянием человека, как надежда. Именно этим значением обладает существительное *pwa*¹⁸, известное по древним псалтирям. В свою очередь, в словах *ślubować* → *ślubowanie*, *ślub* отчетливо слышен корень *lub-*, лежащий также в основе польских лексем *lubić*, *lubować się*, *luby* и русских *любить*, *любоваться*, *любовь* и т.п.

В одном из своих значений с комиссивными жанрами связано русское слово *мир* — соглашение воюющих сторон о прекращении войны. Оно соотносится с латинскими словами *tundus* и *rax*. Благодаря тому, что *мир* (‘*tundus*’) среди прочего дефинируется как социум, крестьянская община, в нем сохраняется семантика ‘*rax*’, что связано „с идеей мира как согласия, соглашения, общественного договора”¹⁹. В. Топоров выдвигал гипотезу, что праславянское слово **mir-* ‘*tundus*’ могло служить обозначением „очищенного” статуса мира, чего-то успокоенного, приведенного к согласию²⁰.

¹⁶ S.B. Linde: *Słownik języka polskiego*. Warszawa 1807—1814. См.: K. Kleszczowa: *Verba dicendi w historii języka polskiego. Zmiany znaczeń*. Katowice 1989, с. 45—46.

¹⁷ Интересно, что в древнеисландском языке, согласно М. Фасмеру, существительное *var*, имеющее одни корни со словом *вера*, обозначало ‘обет, торжественное обещание’.

¹⁸ См. A. Brückner: *Słownik etymologiczny...*, с. 403.

¹⁹ С.М. Толстая: *К семантической истории слав. *mirъ и *svěť**. В: *Эволюция понятий в свете истории русской культуры*. Ред. В.М. Живов, Ю.В. Кагарлицкий. Москва 2012, с. 59.

²⁰ В.Н. Топоров: *Праславянская культура в зеркале собственных имен (элемент *mir-)*. В: *История, культура, этнография славянских народов*. IX Международный съезд славистов. Братислава, сентябрь 1993 г. Докл. рос. делегации. Москва 1993, с. 17.

В древнепольском языке лексема *mir* использовалась в качестве названия брака, клятвы верности, обещания, договора: *Raz się małżeńskim związawszy mirem, po zgubie męża twym byłam jasyrem*²¹. Матримониальное значение этого слова прослеживается в устаревших кашубских названиях жениха и невесты: *miŕa*, *miŕota*. В смоленских говорах отмечается наличие словосочетаний *мирить о браке* ‘договариваться с попом о браке’, *мирить пона* ‘договариваться с попом о свершении обряда’. Глагол *мириться* в смоленских говорах означает ‘венчаться’, а в сибирских — ‘договариваться о предстоящей свадьбе, о размере приданого’. С. Толстая объясняет их образование от слова **miriti*, т.е. ‘достигать соглашения, договариваться’²².

К существительному *paх* ‘мир, покой’ и глаголу *pacisci* ‘договариваться, мириться’ восходит название жанра *пакт* / *pakt*²³. В русский язык слово *пакт* было заимствовано через немецкий сравнительно недавно, в XX веке. Оно служит названием международного договора, имеющего, как правило, большое политическое и военное значение. В польском языке слово *pakt* было известно гораздо раньше, с XVI столетия, уже благодаря выражению *pacta conventa* — договору между новоизбранным королем и представителями народа. В польской лингвокультуре *pakt* обозначает не только вид международного договора, но также сделку с дьяволом (*pakt z diablem*) и типы соглашений между представителями разных общественных групп (например, *pakt poznański* — соглашение между польскими футбольными фанатами).

Специфические событийные имена и жанры соотносятся с западноевропейской историей, в которой в средневековье существовали церемония оформления вассального договора и обычай принесения присяги в верности вассала своему сюзерену. Речь идет

---

²¹ J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedźwiecki: *Słownik języka polskiego*. Т. 2. Warszawa 1904—1927, с. 996.

²² С.М. Толстая: *К семантической истории...*, с. 62. Все примеры, связанные со словом *мир*, почерпнуты из этой статьи.

²³ Н.М. Шанский, Т.А. Боброва: *Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов*. Москва 2004. slovary.yandex.ru/~книги/Этимологический_словарь/Пакт/ [доступ март 2014].

о названиях, обозначающих ленную или вассальную присягу: *гоминуиум* / *homagium* и *hominium*, заимствованных из латыни и связанных со словом *homo* — ‘человек’. Восхождение к этому корню прослеживается и в лексеме *оммаж*, значение которой объективируется как ‘присяга, оформлявшая заключение вассального договора в Западной Европе средних веков’. Она связана с французским словом *hommage* — ‘клятва, обещание верности, присяга’, которое ведет свое начало уже непосредственно от французских обозначений *homme* — ‘человек’ и *home* — ‘домашний очаг, родина’. В польском языке ему эквивалентно название *hold*, которое было перенято на базе чешского и немецкого языков: древнее слово *Hold* (совр. *Huld*, *huldigen*) означало ‘верный’ и ‘милостивый’ — слуга и господин²⁴. Существительное *hold* вошло в активный лексический запас, что обуславливается прежде всего укоренением обычая во времена Речи Посполитой присягать монарху — широко известны прусские *оммажи* на верность польским королям, один из которых запечатлен на картине Я. Матейко „*Hold pruski*” («Прусская дань»).

В русском языке зафиксировано название *фуа* как клятва верности, которая сопутствовала заключению вассального договора в церемонии *оммажа* (гоминума). Это слово транскрибировано от французского *foi*, означающего верность.

Таким образом, приведенные ономаσιологические данные позволили в определенной степени раскрыть черты, которые приписываются объекту воспринимающим субъектом. Выявленные под этим углом стороны номинаций комиссивных речевых образований касаются трех аспектов их семантического наполнения:

- самого акта произнесения;
- неречевых действий, связанных с актом произнесения;
- корреляции с ценностями.

---

²⁴ А. Brückner: *Słownik etymologiczny...*, с. 172.

3. Перформативные единицы в ассертивных, комиссивных и декларативных речевых образованиях

К одной из самых важных сторон коммуникации принадлежит способность языка не только называть определенные речевые сущности, но и быть тождественным социально направленному деянию. Согласно положениям прагматики, широкий класс высказываний не указывает на состояние мира, а сам вызывает соответствующее состояние. Их основу составляют глаголы непосредственного эффекта, равносильные выполнению самого действия. Выступая в предложении в первом лице настоящего времени, они образуют перформативное высказывание, главными признаками которого, по словам В. Карасика, являются право адресанта на совершение нового факта и фиксация точки его становления в сознании²⁵.

Распространенность и значимость высказываний с глаголами в перформативной функции привлекла внимание ученых уже при разработке теории речевых актов. В одну из групп были выделены комиссивы, которые как реплико- и текстообразующие единицы вовлекаются нами в жанровые модели. Речеактовые глаголы лежат в основе соответствующих комиссивных жанров, и именно в них в значительной степени можно проследить закрепление языковых параметров, которые дефинируют жанры. Их эксплицитное выражение в русском языке очерчивается глаголами *обе-*

---

²⁵ В.И. Карасик: *Языковые ключи...*, с. 295—297.

щать, присягать, клясться, зарекаться, уверять, гарантировать, обязываться и др. Соответственно в польском языке в их основе лежат глаголы *obiecować, przysięgać, zarzekać się, zapewniać, gwarantować, zobowiązuwać się*. Значение комиссивности содержится также в verbo-номинальных конструкциях, к примеру: *давать слово, давать обет, приносить присягу, принимать на себя обязательство / dawać słowo, składać ślub, składać przysięgę, przyjmować na siebie zobowiązanie*.

Языковую объективацию комиссивных смыслов составляют и идиомы, способные обладать перформативным характером²⁶. К ним относятся фразеологические сочетания с глаголами *давать (дать)* в русском языке: *давать голову на отсечение, давать руку на отсечение, давать голову на отрез*, а также *dawać (dać)* в польском: *dawać sobie rękę uciąć, dawać sobie głowę uciąć, dawać sobie łeb uciąć, dawać głowę pod topór, dać się zabić* ('гęczyć'), *dać głowę* ('zapewnić o czymś, być czegoś pewnym, gwarantować, gęczyć'). Они также передают значение 'утверждать что-то с полной убежденностью, уверять в истинности чего-либо' и выполняют функцию наименования речевых интенций клятвы как уверения в правдивости сказанного.

Существует класс речевых формул, в которых явно всегда выражается связь с ситуацией общения с прагматическими показателями „здесь” и „сейчас”. В русском языке к ним принадлежат идиоматические конструкции, которые соотносятся с интенциональным наполнением обещания, клятвы, божбы. Одни из них в своей основе обращаются к Богу и к символу креста как христианской ценности:

Ей-богу! Да как бог свят! Ей-крест! Крест даю! Вот те (тебе) крест! Святой истинный крест! Крест на пузо!

Другие вышли из криминальной среды:

Зуб даю! Век воли (свободы) не видать! Жив (живой) не буду! Я не я буду! За базар отвечаю!

²⁶ А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский: *Аспекты теории фразеологии*. Москва 2008, с. 87—89.

Многие устойчивые сочетания связаны с осознанием возмездия в случае неискренности сказанного и по форме представляют проклятие самого себя:

*Будь я анафема! Да отсохни у меня язык! Разрази меня бог!
Чтоб я пропал! Сукой буду! Гадам буду!*

Использование идиом-перформативов придает высказыванию экспрессивную окраску и отмечается прежде всего в русской просторечной среде.

В польской повседневной коммуникации реализуются шаблоны обещания и клятвы, ядро которых составляют сравнения с чувством любви (*Jak Boga Kocham! Jak babcię Kocham!*), с эмоцией желанья (*Jak pragnę zdrowia*), с очевидными явлениями (*Jak słońce na niebie*), с ономотопеическим устойчивым междометным сочетанием, выражающим позитивные эмоции (*Jak bum cyk cyk*).

Комиссивные речевые образования отличает то, что в своем основном значении они касаются сферы межчеловеческих отношений и реализуют целенаправленные действия. В своей вторичной функции они способны выражать внутренние психические процессы²⁷ или уверенность адресанта в совершении действия другими лицами, например:

Никто тебя за это не похвалит. Это я обещаю. / Nikt cię za to nie pochwali. To ci obiecuję.

Отдай им, ради Бога, эти вещи. Обещаю, что тогда они оставят тебя в покое. / Proszę cię, oddaj im te rzeczy. Obiecuję, że dadzą ci wtedy spokój.

— Я, например, зуб даю, в натуре, что ребята писать не хотят и желают изучать кислород. За базар отвечаю! (С. Осипов).

Вместе с тем комиссивные речевые образования отражают прежде всего стремление к достижению запланированного результата и способность повлечь за собой определенное поведение отпави-

²⁷ Е. Grodziński: *Wyowiedzi performatywne. Z aktualnych zagadnień filozofii języka*. Wrocław 1980, с. 52.

теля информации. Это относится также ко всем высказываниям, которые содержат глагол в будущем времени, называющий позицию того, как мы намерены поступать: что хотим или должны предпринять либо от чего отказаться.

Общее интенциональное состояние говорящего, которое объединяет анализируемую группу комиссивных номинаций, определяется как принятие им на себя обязательств выполнить какое-то действие:

Клянусь, что я никогда об этом не забуду. / Przysięgam, że nigdy o tym nie zapomnę.

Даю слово, что мы исправим ситуацию. / Daję słowo, że naprawimy sytuację.

Даю голову на отрез: я сюда больше ни ногой. / Daję głowę, że moja noga już nigdy tu nie postanie.

Жив не буду, а ему отомщу. / Choćbym miał umrzeć (zdechnąć), zemszczę się na nim.

Однако многие глаголы, перифрастические и идиоматические обозначения из вышеприведенного перечня обнаруживают в ходе речевой деятельности двойственный характер. Они служат не только выражению комиссивов как реализующих обязательственную сторону высказывания, но и обслуживают речевые действия истинностного плана. Поэтому в тех случаях, когда отправитель сообщения уверяет адресата в истинности своего утверждения (например, *Клянусь, что я не знала, что произошло. / Przysięgam, że nie wiedziałam co się stało*), говорится об ассертивах.

Приобретение одной из двух форм высказываний в зависимости от их коммуникативной цели отражается во временных отношениях. Глаголы *клясться, ручаться, божиться, уверять, гарантировать / przysięgać, ręczyć, kląć się, zapewniać, gwarantować, zarzekać się* и глагольно-именные коллокации *держатъ напу / iść o zakład* в перформативном употреблении в ассертивах отличаются претериальной и презентной темпоральной перспективой²⁸. Таки-

²⁸ Д. Войводиц: *О темпоральном характере пропозиции перформативных высказываний*. В: *Традиции и тенденции...*, с. 102.

ми свойствами обладают и перформативные формулы с выраженными или подразумеваемыми глаголами *давать* / *дать* и *dawać* / *dać*, а также фразы типа *Сукой будь! Век воли (свободы) не видать!* / *Jak Boga (babcię) kocham! Jak pragnę zdrowia!*

Ретроспективную семантику выявляют следующие примеры:

Клянусь, что я никогда не был влюблен. / Zarzekam się, że nigdy nie byłem zakochany. Przysięgam, nigdy nie byłem zakochany.

Уверю, меня там не было. / Zapewniam, nie było mnie tam.

Божусь, что я этого не сделал. / Klnę się na Boga, że tego nie uczynilem.

Ручаюсь, что раньше этого здесь не было. / Ręczę (Poświadczam / Gwarantuję), że tego wcześniej tu nie było.

Крест даю, не брал я этих денег. / Przysięgam na krzyż, nie brałem tych pieniędzy.

Среди перечисленных назван также глагол *гарантировать*, хотя его значение в русской лексикографии приводится как ‘официально ручаться, обеспечивать надежность чего-либо, поручиться (ручаться) за кого-н.’, в контексте иллюстраций высказываний только с футуральной перспективой. Однако речевая практика показывает, что он, подобно польскому глаголу *gwarantować*, обладает статусом придания совершившемуся факту абсолютной истинности, ср.:

Всё это было внаправду, я гарантирую это! / Gwarantuję, że to wszystko było naprawdę.

Фраза *Я гарантирую это* указывает на формирование отношений прошедшего или настоящего времени. На современном этапе в какой-то степени она определяет специфику русской лингвокультуры, являясь известным интернет-мемом²⁹, который

²⁹ Возникновение этого мема связано с постом, который написал американский аноним от имени владельца одной известной компании. Текст с шокирующим содержанием заканчивался так, как каждая реклама товара, который производила фирма: *I guarantee it*. <http://wikireality.ru/wiki> [доступ: март 2013].

распространен в языке так называемого Луркоморья. В силу того, что этот язык ориентирован на словотворчество и пересмешку, употребление данной фразы с ее характерным размещением в постпозиции не свидетельствует о том, что в предыдущей части высказывания говорится правда. К примеру, большую популярность в Интернете приобрело сообщение *Я автор статей, текстов и постов. Я гарантирую это*. Подтверждение истинности информации приобретает здесь явно иронический оттенок.

Действия, относящиеся к настоящему времени, иллюстрируют также следующие высказывания с другими перформативными единицами:

*Клянусь, что я говорю правду. / Przysięgam, że mówię prawdę.
Ручаюсь, что мой сосед — честный человек. / Ręczę, że mój sąsiad jest uczciwym człowiekiem.*

Держу пари, что он этого не умеет. / Idę o zakład, że on tego nie potrafi.

Он не прав, зуб даю. / On się myli, ręczę za to.

В историческом плане перфективные временные отношения были свойственны польскому глаголу *ślubować*, доказательством чему может быть пример, зафиксированный в словаре С.Б. Линде: *Przy targu pospolicie za konia ślubują, że nie dychawiczny, nie nosaty, a nie kradziony*³⁰. Хотя глагол употреблен здесь в форме третьего лица множественного числа настоящего времени, он выявляет его способность выступать в иллокутивной функции. Показательно, что в данном примере, *za konia ślubują*, глагол речи сочетается с существительным в винительном падеже с предлогом *za* со значением замещенного субъекта действия. На современном этапе развития языка такой предложно-падежной конструкцией управляет прежде всего глагол *(po)ręczyć (za kogoś)*. Кроме того, семантический охват лексемы *ślubować* частично сузился из-за того, что позднее в широкий обиход вошло заимствованное слово *gwarantować*. Благодаря этому в языковом плане сформировались

³⁰ На это обращает внимание К. Клещёва, см.: К. Kleszczowa: *Verba dicendi w historii języka polskiego...*, с. 133—134.

значения гарантии, уверения, поруки. За глаголом же *ślubować* сохранилось значение, связанное с обязательством: ‘*zobowiązać się, zobowiązywać się uroczyście do czegoś; złożyć, składać przysięgę*’.

Намерение выполнить будущие действия связано с комиссиями. Если анализируемые глаголы выражают принятие обязательств, то в перформативном употреблении они отличаются футуральной перспективностью:

Клянусь, что я никому об этом не скажу. / Przysięgam, że nikomu o tym nie powiem.

Гарантирую, что я справлюсь с этой задачей. / Gwarantuję, że podołam temu zadaniu.

Значение отрицания совершения действия в будущем присуще глаголу *zarzekać się* ‘*zapewnić, że się czegoś nie będzie robić*’. Реализация этого интенционального смысла осуществляется прежде всего в высказываниях обыденной речи: *Zarzekam się, że od jutra nie tknę słodyczy*. В таком случае этот глагол эквивалентен русскому *зарекаюсь*, обладающему значением ‘давать зарок, обещание не делать чего-нибудь’, ср.: *Зарекаюсь с завтрашнего дня не есть сладостей*.

В семантике глаголов, лежащих в основе комиссивных отношений, *обещать / obiecywać* и *обязываться / zobowiązywać się*, отражается только перспективность:

Обещаю больше не опаздывать. / Obiecuję, że więcej nie będę się spóźniać.

Обязуюсь соблюдать принципы безопасности. / Zobowiązuję się przestrzegać zasad bezpieczeństwa.

Эту группу в русском языке распространяет возвратный глагол *обещаться*, который в настоящее время имеет разговорную окраску: *Я ей все обещаюсь приехать*. В прошлом в просторечии он обозначал также обет жениться, выйти замуж.

Значение будущности действия в русском языке проецируют и другие глаголы. К ним относится лексема *присягать* (*Присягаю сохранить наши письма в секрете*), востребованность которой наи-

более заметна в официальных ритуальных текстах (*Присягаю на верность русскому народу; Присягаю Верховному командующему*). В повседневном общении интенцию комиссивности выражает слово *зарека́ться* (*Зарекаюсь больше ни с кем не спорить*), а также синонимичные ему глаголы: вышедший из активного употребления *заклина́ться* (*Заклинаюсь до конца жизни не выкурить трубки*) и перешедший в разряд разговорно-сниженной лексики *закаива́ться*³¹ (*Закаиваюсь водить с ним дружбу*). Значение глагола *зарека́ться* — ‘давать зарок, обещаться чего-нибудь не делать’ в настоящее время расширяется, о чем свидетельствуют контексты высказываний, в которых предполагается совершение действия: *В этот день я как раз дала зарок двигаться и оттого была без машины*.

На перспективность действий указывают и идиомы-перформативы, в частности, *я не я буду, жив (живой) не буду, гадом буду*, например:

*Я не я буду, если его в себя не влюблю.
Живой не буду, а найду ее.*

Польский язык актуализирует значение комиссивности в глаголах *przrzekać* и *ślubować*. Первый из них обладает широким стилистическим охватом (ср. в повседневной коммуникации: *Przrzekam, że niedługo wrócę* и в официальных текстах: *Przrzekam, że wypełnię zadanie*), второй прикреплен к официальной сфере общения (*Ślubuję być dobrym uczniem*).

Установка на будущее объединяет комиссивы с декларативами. Однако декларативы во многих случаях обладают статусом констатаций, провозглашений, манифестов, нормативных актов, которые начинают обязывать уже с момента их заявления. Их отличие заключается также в разнонаправленности заявляемых действий: в декларативах на всех, к кому они относятся, в комиссивах — прежде всего на субъект речи. Этим обуславливаются коммуникативно-прагматические предпосылки перфор-

³¹ Т.Ф. Ефремова: *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный*. Москва 2000. <http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/157341> [доступ: февраль 2014].

мативного употребления глаголов *deklarować* и *deklarować* в рассматриваемых типах высказываний. При этом двойственность в реализации значений фиксируется только в толковых словарях польского языка, ср.: *deklarować* '1) wyrazić, wyrażać gotowość do czegoś, przyrzec, przyrzekać pomoc, zobowiązać się, zobowiązywać się do czegoś, 2) oficjalnie podać, podawać do wiadomości, ogłosić, ogłaszać coś'. В качестве синонимов лексемы *deklarować* приводятся как *obiecować, przyrzekać, zobowiązywać się, zobowiązać*, так и *wypowiadać, ogłaszać, oznajmiać, oświadczać*. Комиссивные смыслы глагола *deklarować* реализуются в высказываниях, характерных для повседневного общения и языка политиков, ср.:

Deklaruję, że się nią zajmę.

Deklaruję swoją pomoc powodzianom.

Интенциональность декларативности объективируется в утверждениях, которые являются в своем большинстве неотъемлемой частью жанра *deklaracja* как официального текста. *Deklaracja członkostwa*, к примеру, в научном кружке опирается на формулу *Deklaruję chęć przystąpienia do koła naukowego*, а *deklaracja przystąpienia do egzaminu maturalnego* содержит формулировки типа *Do egzaminu z informatyki deklaruję program użytkowy Windows*.

Возвратный глагол *deklarować się* обладает актуальным значением 'становиться по чьей-либо стороне или против чего-то' — 'opowiadać się za czymś albo przeciwko komuś' и устаревшим 'просить руки' — 'prosić oficjalnie o rękę kobiety'. В этих дефинициях отражается его способность выражать в высказывании интенциональный характер декларативности, во многом с указанием на вневременные отношения, например: *Deklaruję się jako katolik*. В некоторых словарях приводится еще одно значение данного глагола, определяемое как предложение чего-либо или принятие на себя обязательств: 'oferować coś lub zobowiązywać się do czegoś'³².

³² *Słownik języka polskiego PWN*... В дефиниции глагола совершенного вида *zdeklarować się* указывается только на его одно значение — 'zdecydowanie opowiedzieć się za kimś lub czymś albo przeciwko komuś lub czemuś', ср.: *Zdeklarował się nieść pomoc poszkodowanym*.

Передача коммуникативного намерения комиссивности с использованием этого глагола иллюстрируют такие высказывания, как:

Deklaruję się wpłacić pieniądze na konto.

Deklaruję się zorganizować wycieczkę.

В русской лексикографии практически во всех дефинициях глагола *декларировать* прослеживается его связь с официальной сферой, ср.: ‘выступить с декларацией о чем-нибудь, официально или торжественно объявить что-нибудь (вообще официально заявить о чем-либо, сообщить)’. Это его значение отражается, к примеру, во фразах:

Декларирую свою позицию.

Декларирую подлинность заявленных мною обстоятельств.

Перевод этих высказываний на польский язык свидетельствует о том, что глаголу *декларировать* соответствует не только глагол *deklarować*, но и *potwierdzać*, ср.:

Deklaruję swoją postawę.

Potwierdzam prawdziwość podanych przeze mnie okoliczności.

Значение, которое выходит за пределы официальности — ‘объявлять о чем-то, провозглашать что-либо, не подкрепляя достаточными доказательствами’, находим лишь в словаре Т. Ефремовой³³. В какой-то степени на основании этой дефиниции можно говорить о сближении лексемы *декларировать* с комиссивными глаголами, хотя среди его синонимов перечисляются только глаголы, проецирующие декларативные акты, к примеру, *объявлять*, *возвещать*, *заявлять*, *провозглашать*, *сообщать*. Вместе с тем в речевой практике обнаруживается соотносительность глагола *декларировать* со значением, сходным с обещанием, например: *Спорить не буду. Декларирую.*

³³ Т.Ф. Ефремова: *Новый словарь русского языка...*

Возвратный глагол *декларироваться* обозначает ‘объявляться для общего сведения, провозглашаться’, к примеру: *Я декларируюсь как атеист-материалист*. Другие примеры говорят об обращении данного глагола в сторону комиссивности. В частности, на сайте под названием *I Declare — Я декларируюсь*³⁴ и с мотто *Социальная сеть, которая мотивирует*, представлены такие рубрики, как: *Я поеду в путешествие; Я куплю автомобиль; Я создам бизнес; Я буду знаменитостью; Я вступлю в брак*.

При выражении иллокутивных намерений говорящего без перформативного глагола существенным фактором является их соотнесенность с более широким текстовым пространством и условиями коммуникации. Это связано с тем, что в зависимости от конкретной ситуации один и тот же факт действительности может быть воспринят в разных жанровых категориях. Нелегко решить вопрос о том, как трактовать эксплицитно выраженные ассертивные высказывания типа *Завтра ты поедешь в город / Jutro pojedziesz do miasta*: видеть ли здесь обещание, предсказание, похвалу или угрозу. Даже контекст не всегда дает возможность надлежащим образом декодировать интенциональное содержание информации, приводя к недоразумениям. В таком случае участники коммуникативного акта предпринимают действия по выяснению жанра, снимая потенциальную многозначность высказывания³⁵.

Намерения комиссивного характера, которые говорящий не выражает формально, адресант реконструирует на основании подсказок, вытекающих из фоновых знаний, предпосылок, интуиции и контекста. Однако даже в случае явного выражения интенции комиссивности могут возникнуть затруднения относительно жанровой интерпретации. К примеру, высказывание *Я дам тебе эту книгу / Dam ci tę książkę* может рассматриваться не как обещание, а как предостережение или угроза, если для адресата обладание книгой может привести к нежелательным последствиям, до-

³⁴ <http://ideclare.kz> [доступ: март 2014].

³⁵ М. Кита: *Użytkownik języka wobec niewyraźnego, niewyrażanego i niewyraźonego*. „Stylistyka” XI, *Stylistyka a poetyka*. Red. S. Gajda. Opole 2002, с. 117.

пустим, слишком частому посещению гостей³⁶. Не только обещанием, но и сообщением или побуждением к действию могут быть фразы, возникновение которых возможно при общении родителя со школьником-ребенком:

Я поговорю с твоими учителями. / Porozmawiam z twoimi nauczycielami.

На этой неделе я зайду в твою школу. / W tym tygodniu wybiorę się do twojej szkoły.

Т. Янко считает, что такого рода высказывания создают вторичные иллокуции, так как они „как бы накладываются на основные иллокутивные акты и выражаются в композиции с последними”³⁷. Согласно ученой, сообщение, которое приобретает угрожающий тон благодаря интонационным средствам, так называемому металлу в голосе, не перестает быть ассерцией.

В исследованиях Дж. Серля как обещание, так и угроза относятся к комиссивам, однако между ними прослеживается коренное различие: „Обещание есть обязательство что-либо сделать для вас, а не в ущерб вам, тогда как угроза есть обязательство что-то сделать в ущерб вам, а не для вас”³⁸. Наряду с этим в лингвистической традиции угрозу в силу выражения ею побуждения-действия причисляют также к директивам³⁹. Языковое воплощение угроз дает возможность их трактовки в таких категориях, ср.:

Я этого так не оставляю! / Nie zostawię tak tej sprawy!

Стоять, иначе я разнесу тебя на клочки. / Stój, inaczej zetrę cię na proch.

³⁶ К. Kleszczowa: *Verba dicendi...*, с. 120—121.

³⁷ Т.Е. Янко: *К типологии иллокутивных актов*. В: *Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура*. Сборник статей в честь Н.Д. Арутюновой. Ред. Ю.Д. Апресян. Москва 2004, с. 486.

³⁸ Дж. Серль: *Что такое речевой акт?* Пер. с англ. И.М. Кобозевой. В: *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 17. *Теория речевых актов*. Москва 1986, с. 163.

³⁹ См. А.Ю. Маслова: *Введение в прагмалингвистику*. Москва 2010, с. 79, М.Г. Безяева: *Семантика коммуникативного уровня звучащего текста*. Москва 2002, с. 478.

Несмотря на то, что разновидности угроз относятся как к будущему (предостережение), так и к уже совершенным поступкам (угроза-компенсация), действие-возмездие всегда обращено в будущее⁴⁰, например:

*Я тебя из-под земли достану. / Dostanę cię nawet spod ziemi.
Раз ты так по-свински поступил, то за это ответишь. /
Jeżeli tak podle postąpiłeś, to za to odpowiesz.*

Характер действий, совершением которых угрожает человек, может приобретать противозаконную наполненность. В юридических терминах в российском праве такой текст классифицируется как *угроза-деяние*, в польском — как *groźba karalna*.

Исходя из сказанного, можно отметить, что прагматическое направление охватывает не только интенциональный компонент и иллокутивную силу высказывания в узком понимании, но и его практическое функционирование в дифференцированном коммуникативном социуме. Это позволяет уточнить особенности перформативных единиц, которые используются в русском и польском языках для выражения значений, связанных с комиссивностью, а также разграничить их от ассертивных и декларативных реализаций. Прагматической мотивированностью обуславливается также усиление комиссивных или директивных элементов в угрозе, а также возможность распознавания целеустановки высказывания и его последующей речевой типологизации.

---

⁴⁰ М.Г. Безяева: *Семантика...*, с. 478—479.

4. Перифрастические наименования с интенциональным характером комиссивности в аспекте проецируемых ими смыслов

Вопросом, требующим отдельного рассмотрения, является вхождение номинаций речевых жанров в перифразы. Наряду с глаголами и существительными вербо-номинальные словосочетания выполняют функцию наименования речевых интенций адресанта. С. Гиндин подчеркивает, что если в основу описания положена классификация жанров, а не речевых действий, то для обозначения речевых событий и действий требуется использование составных глагольно-именных наименований⁴¹. В некоторых из них сталкиваются элементы одного порядка, т.е. такие, которые обозначают речевое действие и передают подобный интенциональный смысл, но усиливая его. В русском языке к ним относится, например, конструкция *заверять (под) присягой*, в польском — словосочетания *ślubować pod przysięgą, zaświadczyć pod przysięgą, obiecać pod przysięgą, ręczyć słowem*. При этом многие из них лежат в основе и ассертивных, и комиссивных речевых жанров. В составе комиссивных текстов, к примеру, таких, как *договор / umowa*, используются идиоматические выражения, подчеркивающие сфе-

---

⁴¹ С.И. Гиндин: *Речевые действия и речевые произведения*. В: *Логический анализ языка. Язык речевых...*, с. 61.

ру обязательств в договорах, ср.: *обязываться соблюдать условия договора / zobowiązywać się do przestrzegania (warunków) umowy*.

В составе иных перифрастических наименований используются функциональные глаголы. Они не обозначают в своем первичном значении речевой деятельности, а акцентируют поведенческий статус действий и указывают на устойчивый характер всего словосочетания. Основной их массив в системе русского языка формируется с помощью глагола *давать (dać)*, сочетания с которым „обозначают ‘предъявление’ готового блока информации”⁴². Можно *давать обещание, слово, честное слово, клятву, присягу, обет, зарок, заклятие, поруку, поручительство, подписку, обязательство, гарантию, заверение*⁴³.

Глаголы *давать (dać)* входят в устойчивые сочетания с целым рядом жанровых наименований. В отличие от этого, польский глагол *dawać* наряду с формой совершенного вида *dać*, отражая область комиссивных и ассертивных действий, выступает в немногих словосочетаниях с названиями жанров, ср.: *dawać słowo, gwarancję, polecenie*.

Большей фреквентностью по сравнению со словосочетаниями с глаголом *dawać* отличаются перифрастические наименования с глаголом *składać* в значении ‘*dawać, oddawać, wręczać, ofiarować coś komuś*’ и формой глагола совершенного вида — *złożyć*. Они дополняются именами жанров *obietnica, przysięga, ślubowanie, ślub, przyrzeczenie, deklaracja*.

Типовая семантика передачи объекта кому-либо в распоряжение, обладание⁴⁴ характеризует также глагол *предоставлять*, вхо-

⁴² Т. Ройтер: *О перифрастических наименованиях...*, с 81.

⁴³ Глагол *давать* входит также в состав фразеологических конструкций *зуб давать, давать голову на отсечение* и т.д., что характерно и для польского глагола *dawać*, употребляемого во фразеологических сочетаниях, сходных с функционирующими в русском языке, напр., *dawać sobie rękę uciąć, dawać sobie głowę uciąć*. Они рассматриваются нами в другом подразделе, так как в них нет эксплицитно выраженного названия жанра, и, как во всех фразеологизмах, утрачивается распределение смысла по компонентам.

⁴⁴ Глаголы передачи объекта составляют одну из лексико-семантических групп глаголов владения, представленных в лексикографическом труде *Толковый словарь русских глаголов. Идеографическое описание. Английские эквива-*

дящий в состав перифразы с таким названием жанра, как *гарантия*. В польском языке в вербо-номинальной коллокации как со словом *gwarancja*, так и *promesa* используется глагол *udzielać*. Как и большинство перифраз, относящихся к выражению комиссивности (или ассертивности), также данные вербо-номинальные сочетания в обоих языках относятся к области официальной речи.

На действия, связанные с перемещением объекта в одном направлении, указывают перифрастические наименования в русском языке. Они создаются с участием глагола *приносить*, который сочетается с наименованиями *присяга*, *клятва*, *обещание*, *обет*, а также с названиями комиссивных жанров, заимствованных из других культур: *оммаж*, *гоминуум*, *фуа*. Прежде в словосочетаниях со словами *зарок* и *завет* употреблялся глагол *положить* со значением поместить куда-либо объект в результате перемещения.

Наиболее отчетливо в данных глагольно-именных сочетаниях проявляется то, что обозначаемые ими речевые действия «предполагают передачу адресату некоего нематериального объекта — слова, которое рассматривается как залог того, что сказанное будет обязательно выполнено, хотя степень обязательности и, следовательно, возможность невыполнения обещания в разных случаях разные»⁴⁵. Н. Арутюнова отмечает, что в коммуникативном плане здесь важен прежде всего фактор адресата — говорящий не только связывает себя словом, но и „вмешивается в сферу другого, ориентируя его действия”, так как от выполнения или невыполнения обязательства зависят последующие события этой области⁴⁶. К ним относятся *благодарность* или *напоминание*, *новости* или *передача сплетен*, *похвала* или *порицание* и др. Это, конечно, касается лишь тех случаев, когда отправителем и получателем информации являются разные лица.

ленты. *Синонимы. Антонимы*. Под ред. Л.Г. Бабенко. Москва 1999, с. 587—592. Классификация приводимых нами далее глаголов *приносить* и *положить* также дается по этому изданию.

⁴⁵ *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*. Под ред. Ю. Д. Апресяна. Москва; Вена 2004, с. 687.

⁴⁶ Н.Д. Арутюнова: *Речеповеденческие акты и диалог*. В: Арутюнова Н.Д.: *Язык и мир человека...*, с. 646.

Присутствие по крайней мере двух участников коммуникативного акта отражается, к примеру, в выражениях *принять обязательства перед кем-то* / *zaciągnąć zobowiązanie wobec kogoś* (względem kogoś). Однако уже *давать обещание, клятву, обет, слово* / *dawać słowo, składać obietnicę, przysięgę* можно не только кому-то, но и самому себе. В тех случаях, когда интенции комиссивности ориентированы на самого адресата, соответствующие высказывания как бы проговариваются внутренним голосом. В речи они передаются в форме описания и сопровождаются конкретизирующими лексическими элементами типа *покаялся в душе, покаялся перед самим собой, дал обет самому себе, пообещал самому себе* в русском языке и *przyszedł sobie, obiecał sobie* в польском.

На направленность действия на самого говорящего указывают перифразы *братъ (на себя)* или *принимать (на себя) обязательства, братъ на поруку* в русском языке и *przyjąć zobowiązanie, podjąć zobowiązanie*⁴⁷ в польском.

Перифрастические наименования, касающиеся двусторонних отношений, указывают не только на соглашение между двумя или несколькими лицами, но и объективируют стирание границ устной и письменной форм комиссивных речевых действий. Это проявляется в сочетаниях *заключать договор, соглашение, контракт, мир, пакт* / *zawierać umowę, kontrakt, porozumienie, pokój, pakt; dokonać paktu*. Отметка о письменном формате общения приходится на долю глагола *подписать* в русском языке и аналогично *podpisać* в польском.

Отдельные из номинаций и в русском, и в польском языках образуют только перифразы, минуя синонимичные глагольные формы, к примеру: *дать слово* / *dać słowo*; *заклчить, подписать пакт* / *zawrzeć, podpisać pakt*; *подписать унию* (как соглашение об объединении в одно государство).

Признак взаимодействия, содержащийся в значении жанров *пари* и *заклад*, в русском языке обозначают исключительно фразеологизированные выражения, как с официальной окраской: *заключать пари, держать пари*, так и с разговорной маркирован-

⁴⁷ M. Bańko: *Słownik dobrego stylu, czyli wyrazy, które się lubią*. Warszawa 2007, с. 389.

ностью: *биться об заклад, ударить (ударять) по рукам, бить по рукам*. В польском языке процесс заключения пари выражается фразеологической конструкцией *iść o zakład* и возвратным глаголом *zakładać się*.

О важной роли речевых действий со значением комиссивности свидетельствует также то, что в языке были выработаны средства, которые показывают разные стороны функционирования отношений, создаваемых на их базе.

Объединение взаимными отношениями участников общения выражается в том, что некоторые приведенные вербо-номинальные конструкции составляют пары с антинимиями, отражающими статус адресата как обладателя залога и имеющими признаки „намеренности человеческой деятельности в осуществившемся, исполнившемся, воплощенном”⁴⁸: *брать, взять с кого-то обещание, слово, клятву; получать обещание, клятву; принимать присягу / brać, trzymać kogoś za słowo; otrzymać, uzyskać obietnicę; przyjmować przysięgę, ślubowanie, zobowiązanie*. Глаголы, характеризующиеся семантикой получения в свое распоряжение, выступают во фразеологизмах, которые выражают ожидание, требование от кого-то выполнить обещания. Это можно проиллюстрировать русским выражением *держат кого-то за слово* и польскими словосочетаниями *trzymać kogoś za słowo, brać kogoś za słowo, mieć na coś czyjeś słowo*.

Реципиент также обозначает пределы осуществления намерения того, кто дает обещания. Об активности позиции воспринимающего субъекта свидетельствуют фразы с отвлеченно-переносным значением лишения адресанта возможности свободно действовать, ср.: *связать кого-то честным словом, обещанием / związać kogoś obietnicą, przysięgą, ułową*. Сам говорящий может *связывать себя словом, обещанием, клятвой, присягой, закланием*, однако эти выражения не употребляются перформативно. В польском языке с помощью глагола *wywiązać się* семантизируется результат обещанных

---

⁴⁸ Г.А. Золотова: *Лексикографические заметки*. В: *Язык в движении. К 70-летию Л.П. Крысина*. Ред. Е.А. Земская, М.Л. Каленчук. Москва 2007, с. 195. Г. Золотова отмечает, что глаголы, которые обладают семантико-синтаксическим признаком активности человеческой деятельности, сочетаются с именами субъекта действия.

раньше действий и принятых на себя обязательств: *wywiązać się z obietnicy, umowy, zobowiązań*. В обоих исследуемых языках это значение передают также глаголы *сдержатъ / dotrzymać* и *выполнить, исполнить / spełnić*, к примеру: *сдержатъ слово, обещание, обеты, новогодние резолюции / dotrzymać słowa, obietnicy, przyrzeczenia, zobowiązania, postanowień (przyrzeczeń) noworocznych, umowy; выполнить или исполнить обещание, клятву, новогодние резолюции / spełnić obietnicę, przyrzeczenie, postanowienia noworoczne*.

Вышеприведенные глаголы с негацией служат для выражения несовершения ранее заявленных действий. Кроме того, данный смысл эксплицируется в составных обозначениях с другими глаголами — *нарушить / naruszyć, złamać*, ср.: *нарушить слово, обещание, клятву, присягу, договор / naruszyć przysięgę, umowę, postanowienia rozejmu*, а также *зłamać слово, obietnicę, przysięgę, umowę*. Значение самовольного отступления от слова прослеживается в книжной устаревшей лексеме *преступить*, сочетающейся с именами *клятва* и *присяга*. В польском языке глагол *pogwałcić* оттеняет сознательное нарушение принятых на себя обязательств и употребляется с номинацией *umowa*.

В так называемых социализированных актах используются словосочетания с глаголами, которые указывают на специальные полномочия, позволяющие некоторым лицам аннулировать данные кем-то обещания, клятвы или присяги. Г. Кустова и Е. Падучева перечисляют среди них такие, как *возвращать (кому-то) слово, освобождать (кого-то) от слова*⁴⁹. Этот список можно дополнить как конструкциями с другими жанровыми номинациями, например *возвращать обещание*, так и глаголами в переносном значении *разрешать* и *развязать* ‘дать возможность свободно действовать, освободить от каких-нибудь обязательств’⁵⁰: *разрешать кого-то от слова, от обещания, от клятвы; развязать от слова*.

⁴⁹ Г.И. Кустова, Е.В. Падучева: *Перформативные глаголы в неперформативных употреблениях*. В: *Логический анализ языка. Язык речевых...*, с. 33.

⁵⁰ С.И. Ожегов: *Толковый словарь русского языка*. В разных лексикографических источниках данное слово трактуется либо как просторечное (к примеру, в словаре С. Ожегова), либо как разговорное (например, в четырехтомном *Словаре русского языка* под ред. А.П. Евгеньевой).

Такая сочетаемость не фиксируется ни в словарях современного русского языка, ни в его национальном корпусе, но ее подтверждают употребления в художественных текстах русских писателей прежде всего XIX века⁵¹.

Теми же семантическими признаками обладает в польском языке глагол *zwalniać*, который формирует следующие словосочетания с наименованиями жанров: *zwalniać kogoś z danego słowa, z obietnicy, z przysięgi*.

По отношению к отдельным комиссивным речевым действиям возможна их отмена самим говорящим. Это отражается в глагольно-именных конструкциях (за)брать, взять назад слово, обещание / *wycofać się z obietnicy*.

В ситуации отказа от женитьбы в польском языке функционирует конструкция *zwrócić słowo*, связанная с выражением *być po słowie*. Она указывает на освобождение от данного прежде слова самим обещающим ('cofnąć obietnicę małżeństwa') или другим лицом ('zwolnić kogoś z obietnicy małżeństwa').

При наличии дву- или многосторонних взаимных обязательств в случае отказа одной стороны от намеренных действий отмечаются такие словосочетания, как *выйти из договора, отказаться от договора, отменить договор, порвать* (в значении 'сразу, резко прекратить') *договор / odstąpić od umowy, wycofać się z umowy, zerwać umowę*. Решение двух сторон фиксируется в конструкциях *расторгнуть, аннулировать, денонсировать договор / rozwiązać, anulować umowę*.

Рассматриваемые verbo-номинальные сочетания часто создают определенные родственные группы и способны с той или иной степенью регулярности претерпевать разнообразные семантические модификации по сравнению с исходным, базовым глаголом⁵².

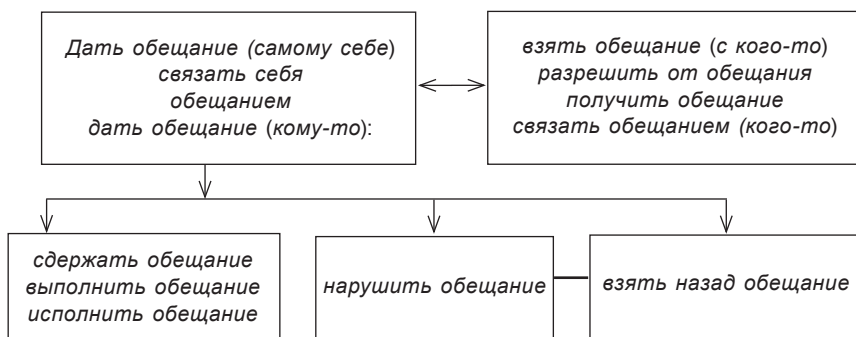
---

⁵¹ К примеру, в „Белых ночах” Ф. Достоевского находим следующий фрагмент, в котором приводится рассматриваемая конструкция: *В таком случае вы можете сделать первый шаг, вы имеете право, вы имеете перед ним преимущество, хотя бы, например, если б захотели развязать его от данного слова*.

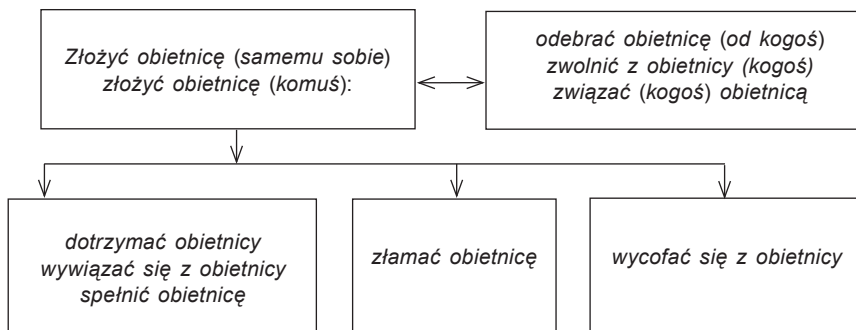
⁵² Это утверждение по отношению к глагольно-именным сочетаниям считается закономерностью, см.: Е. Jędrzejko: *Z problemów lingwistycznego opisu*

Эти преобразования касаются главным образом совершения или несовершения обещанного действия, ценностного плана или отношений на линии адресант — адресат. Дополнительно они несут метафорическую информацию о способах концептуализации действия⁵³ в разных языковых культурах и реализуют различные сценарии, экономно описывая разные их стадии. В качестве подытоживающей иллюстрации приведем примеры вербо-номинальных конструкций с именами *обещание* и *obietnica*.

Итак, *обещание* формирует следующую группу:

Подобная группа образуется вокруг номинации *obietnica*:

kolokacji werbo-nominalnych. W: *Słownik polskich zwrotów werbo-nominalnych*. Zeszyt próbny. Pod red. E. Jędrzejko. Warszawa 1998, c. 19.

⁵³ Там же, с. 24.

Наполнение этих групп в рассматриваемых языках выглядит подобным образом, незначительно отличаясь числом составляющих их единиц и особенностями их функционирования в речи. В обоих языках в них можно выделить несколько подгрупп. Первая отражает наличие участников коммуникативного акта, одного или двух. Вторая из них акцентирует ролевые отношения, при которых подчеркивается значимость получателя информации. Последняя указывает на действия отправителя информации, связанные с данным обещанием.

5. Невербальные актуализации намерения выполнения действия на фоне вербальных воплощений комиссивности

Намерение выполнения действий и принятие на себя обязательств соотносится с широкой сферой деятельности человека, его личностными установками и контактами с другими людьми. Актуализация этого интенционального состояния осуществляется не только посредством языковой коммуникации, но и на уровне невербального общения. Зрительные и осязательные знаки дополняют звуковую коммуникацию предположительно издревле, что сохраняется и по сей день⁵⁴. По утверждению Г. Крейдлина, «невербальные семиотические коды в коммуникативном акте тесно взаимодействуют с природным языком, поэтому моделирование интерактивной коммуникативной деятельности невозможно без учета и описания механизмов такого взаимодействия»⁵⁵.

Выражение комиссивности, т.е. в широком плане интенций обещаний и обязательств, в невербальной форме свойственно также миру животных, о чем свидетельствуют некоторые элементы их поведения. Они принадлежат к одному из типов постоянных сигналов, которые несут определенное количество информации,

---

⁵⁴ J. Aitchison: *Ziarna mowy. Początki i rozwój języka*. Przeł. M. Sykurska-Derwojed. Kraków 2002, с. 97—101.

⁵⁵ Г.Е. Крейдлин: *Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык*. Москва 2002, с. 60.

высылаемой в строго установленных обстоятельствах⁵⁶. К примеру, во время брачных игр самцы многих птиц и зверей, показывая свои достоинства в танце или в боях, как бы обещают быть самым лучшим партнером для своей избранницы и обязываются обеспечить здоровое потомство. В свою очередь, обязательства возлагаются и на других особей: кукушка, подбрасывая свои яйца в гнездо другой птицы, обязывает ее впоследствии заняться вылупившимися из них птенцами.

Отмечаются также случаи договорных отношений между человеком и животными. Ю. Лотман⁵⁷ указывает на договор между Франциском Ассизским и волком, описанном в рассказе “О Благочестивом чуде Святого Франциска, укротившего лютого волка”. Франциск, обвиняя волка в пожирании животных и преследовании людей в городе Губбио, предложил ему взамен на прекращение этих действий то, что жители города перестанут враждебно к нему относиться и будут кормить его, пока он будет жив. Волк в знак согласия склонил голову, а в качестве залога поднял лапу и вложил ее в руку святого. Договор после заключения безоговорочно соблюдался обеими сторонами, от имени которых выступал Франциск Ассизский⁵⁸.

В рамках взаимодействия между людьми характерологические черты невербального обещания отмечаются также на уровне общественных позиций, связанных с гендерным началом. Существуют различия в значениях, что приписывается, с одной стороны, социальному положению женщин, а с другой, статусу мужчин в обществе. Подчеркивается, что позиция мужчины зависит от олицетворяемого им обещания власти, независимо от того,

---

⁵⁶ J. Aitchison: *Ssak, który mówi. Wstęp do psycholingwistyki*. Tłum. Maria Czarnecka. Warszawa 1991, с. 47. В одной из глав книги подробно рассматриваются различные способы коммуникации животных, см.: *Zwierzęta, które próbują mówić. Czy język należy wyłącznie do ludzi?*, с. 37—68.

⁵⁷ Ю.М. Лотман: «Договор» и «вручение себя» как архетипические модели культуры. В: Лотман Ю.М.: *Чему учатся люди. Статьи и заметки*. Москва 2010, с. 380.

⁵⁸ *Цветочки Святого Франциска*: <http://s-francesco.narod.ru/21.html> [доступ: ноябрь 2013].

какой стороны жизни оно касается: политической, нравственной, эмоциональной или физической. Если обещание власти, выражаемое в жестах, мимике, позах, кажется достоверным, то говорится о значимости мужчины, о его способности сделать что-либо для кого-то или кому-то. В случае, если обещание декодируется как телесный знак с небольшой степенью убедительности и уверенности, то роль мужчины в общественном восприятии уменьшается⁵⁹.

Невербальные сигналы в процессе общения способны также замещать, сопровождать или дублировать речевые действия, отражающие комиссивность. При подчеркивании значимости подразумеваемого или произносимого обещания либо обязательства совершаются стереотипные движения, важные в культурном и социальном планах. Их особенность состоит в том, что они „передают чувственный образ предмета, действия”⁶⁰. Невербальные средства, служащие выражению комиссивных интенций, всегда требуют наличия адресата, в глазах которого индивид стремится повысить свою самооценку, а также получить одобрение и уважение с его стороны.

В качестве подтверждения искренности слов и намерений совершить или не совершить что-либо в будущем и создания благоприятной, открытой атмосферы используется ряд действий. Руки, вложенные в другие, символизируют обет службы. Во многих культурах прижимают обе руки либо правую руку к груди, поднимают ладонь правой руки при свидетельстве или принятии клятвы, присяги. Библейские тексты содержат указание на то, что клянущиеся поднимали правую руку или обе руки⁶¹. Иногда приносящий клятву должен был положить руку под бедро (под стегно) того, кому он клялся. Это соотносилось с обрядом обрезания и указывало на то, что потомство будет мстить за возможное

---

⁵⁹ J. Berger: *Sposoby widzenia*. Przeł. Mariusz Bryl. Warszawa 2008, с. 45—64.

⁶⁰ Ю.А. Прохоров, И.А. Стернин: *Русские: коммуникативное поведение*. Москва 2006, с. 131.

⁶¹ D. Bieńkowska: *Biblijna przysięga jako akt religijny i rytualny. Na materiale polskich translacji „Pisma Świętego”*. W: *Rytuał. Język — religia*. Red. R. Zarębski. Łódź 2005, с. 38.

М. Шибанов. Празднество свадебного договора. 1777 год.
Государственная Третьяковская галерея. Москва

нарушение слова⁶². В коммуникации поляков клятва и обещание сдержать слово подкрепляется жестом, заимствованным из военной присяги польских солдат: сложенные указательный и средний пальцы правой руки возносятся на уровень уха, сгибая к ладони остальные и прижимая их большим пальцем⁶³.

Широко известен жест приложения указательного пальца со сжатыми остальными пальцами к закрытому рту. В зависимости от ситуации он обозначает или просьбу вести себя тише, или просьбу не разглашать тайну. В ответ на первую просьбу реципиент может также приложить палец к губам. Вторая же просьба обязательно сопровождается данным действием со стороны адресата. При этом он покачивает головой из стороны в сторону, как при отрицании, что выражает обещание сохранить информацию в тайне.

В конкретных контекстах безмолвная просьба может вызывать в ответ реакцию бессловесной клятвы. В диалоге героев из романа Б. Акунина «Пелагия и черный монах» оба участника общения безошибочно декодируют коммуникативные смыслы таких речевых действий:

Митрофаний же, загибая пальцы, стал перечислять все ее вины:

— *Клятву преступила, данную духовному отцу, больному и даже почти умирающему.*

— *Я не клялась!* — *быстро сказала она*

— *Не лукавь. Ты мою просьбу безмолвную — в Арарат не ездить — преотлично поняла и головой кивнула, руку мне поцеловала. Это ли не клятва, змея ты вероломная?*

— *Змея, как есть змея,* — *согласилась Полина Александровна.*

Дополнительная ответственность человека во время произнесения чрезмерно важных для него обещаний и клятв перед другим лицом выражается в рукопожатии. К. Бальмонт в письмах

---

⁶² Ф. Ринкер, Г. Майер: *Библейская энциклопедия Брокгауза*. Пер. с нем. Москва 1994. http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_bible/2194/Клятва [доступ: январь 2014].

⁶³ К. Jarząbek: *Znaki kinetyczne wspomagające komunikację mowną i ich miejsce w nauczaniu języków obcych (na przykładzie komunikacji Polaków i Rosjan — ujęcie konfrotatywne)*. Katowice 1989, с. 117—118.

к М. Волошину утверждал: *Если я даю другу (или даже чужо-му) руку — и обещаюсь, я сдерживаю слово.* Показателен в этом отношении и фрагмент из „Мастера и Маргариты” М. Булгакова, где представлена ситуация, в которой поэт Иван Бездомный клянется перед таинственным гостем:

- Хороши ваши стихи, скажите сами?
- Чудовищны! — вдруг смело и откровенно произнес Иван.
- Не пишите больше! — попросил пришедший умоляюще.
- Обещаю и клянусь! — торжественно произнес Иван.

Клятву скрепили рукопожатием [...].

К более распространенному обычаю принадлежит закрепление рукопожатием или взаимным потрясением рук двусторонних обязательств, принятыми на себя лицами во время переговоров. В официальной обстановке это действие совершают стороны сразу после подписания различного рода договоров, соглашений, после заключения мира, например:

После подписания соглашения президенты в последний раз пожали друг другу руки и злобно посмотрели на фотографов (Н. Коньков, А. Нагорный).

W kilka minut po tym, jak uścisnęliśmy sobie ręce po podpisaniu porozumienia, które gwarantuje przyszłość Finnairowi, znów słyszemy o związkowym wsparciu dla strajku (D. Walewska).

Однако в неофициальных ситуациях пожатие руки не всегда оказывается гарантией выполнения принятых на себя обязательств:

Когда приезжаешь в столицу, то резко бросается в глаза один момент: пожали друг другу руки и договорились. Но, это еще не значит, что мы действительно о чем-то договорились (А. Притула, С. Лещенко).

Некоторые кинетические единицы, которые первоначально называли жесты и телодвижения со знаковым характером, развили

фразеологическое значение. В польском языке к ним относятся конструкции, созданные на базе предваряющего рукопожатие действия и обозначающие среди прочего предложение согласия, договоренности и мира: *podać, wyciągnąć rękę do zgody; wyciągnąć do kogoś rękę*.

В русском языке функционирует устойчивое сочетание *дать пять*, одно из значений которого — это ‘протягивать руку в знак примирения, согласия с кем-либо’⁶⁴, а также договоренности:

— Миш, давай с тобой никогда... ну, сроду не будем драться!...

— Не будем, Вань, никогда не будем!

— Побожись!

— Ей-богу, вот те крест!

— Дай пять!

Я радостно и поспешно сунул свою ладонь в его растопыренные пальцы, и Ванька, как клещами, сжал их так сильно, что из глаз моих выдавились слезы (М. Алексеев).

Польский язык располагает фразеологической единицей *przybić piątkę*, семантическое наполнение которой включает среди прочих сходное значение с русской идиомой. Однако ее невербальное воплощение в этом плане несколько расходится по сравнению с русским соответствием: при таком действии ударяют друг друга внутренними сторонами поднятых ладоней, как волейболисты на площадке. Иллюстрацией послужат отрывки из киносценариев:

— *Masz to jak w banku. Przybij piątkę.*

Przybijają piątkę (J. Machulski, P. Weresniak, R. Zatorski).

Wyciągając rękę do Łukasza:

— *Dobra.*

Klepią się w dłonie jak siatkarze na boisku (D. Banek).

Для выражения коммуникативного намерения, среди прочего соотносимого с обещанием, и в русском, и в польском язы-

⁶⁴ А.И. Федоров: *Фразеологический словарь русского литературного языка*. Москва 2008.

ке используются фразеологизмы с подобным лексическим наполнением: (*обещать, клясться*) *положа руку на сердце* и аналогично в польском — (*obiecać, przysięgać*) *z ręką na sercu*. Они связаны с прикладыванием руки к сердцу, что воспринимается как своего рода доказательство чистосердечия и искренности высказывания⁶⁵ — приложенные к груди ладони были свидетельством честности и открытости еще в Древнем Риме. Этот жест обладает торжественным, возвышенным характером и выступает вместе с речевым действием.

Приведенные фразеологизмы появляются в высказываниях с разной эмоциональной напряженностью, связанной с чувством долга, привязанностью и т.п.:

Положа руку на сердце, я отвечаю: — Нет! (Г. Орлов).

Всё! С понедельника я, положа руку на сердце, обещаю взяться за уроки! (<http://rebekah.viewy.ru>).

Pod sam wieczór, kiedy komisja umawiała się solennie, z ręką na sercu, na ostatnie podpisanie, wywołano mnie do bramy (J. Głowacki).

— Obiecuję z ręką na sercu, że nigdy więcej cię nie skrzywdzę (из разговорной речи).

В русском языке отмечается целый ряд фразеологизмов, созданных на базе свободных словосочетаний, которые обозначают жесты со значением комиссивности. Достижение согласия в делах, при сватовстве, заключение сделки и пари обозначаются фразеологическими сочетаниями *бить по рукам, ударять по рукам, хлопнуть по рукам*, например:

Роже Непомнящий сказал, что тот отныне — один из них, но не более. И работать будет на общих основаниях. Они ударили по рукам. С неделю Роже держал слово (С. Микулик).

Возникновение этих фразеологизмов обуславливается тем, что в знак полной договоренности могут не только пожимать друг

---

⁶⁵ Е.А. Быстрова, А.П. Окунева, Н.М. Шанский: *Учебный фразеологический словарь*. Москва 1997.

другу руки, но и ударять друг друга ладонями рук. В словаре В. Даля зафиксировано слово *рукобътие*, которое обозначает ‘битье по рукам отцов жениха и невесты, обычно покрыв руки полами кафтанов, в знак конечного согласия’⁶⁶. В современной разговорной речи выступает идиома *по рукам*, которая в качестве экспрессивной реплики имеет значение ‘выражаю полное согласие, договорились, решено’:

- Ну что, согласен приходить только по воскресеньям?
— Ладно. По рукам (из разговорной речи).

Будучи идиомой-перформативом, она однако сильно отличается от соответствующих неперформативных идиом: как отмечают А. Баранов и Д. Добровольский, «выражение *Они ударили по рукам* не означает ‘Они сказали „По рукам!” при совершении сделки»⁶⁷.

Как в польской, так и в русской культуре при споре-пари сохранился обычай ударять друг друга по рукам или пожимать другу другу руки, затем перебивая соединенные ладони. Это выражает своего рода договор между участниками общения. Описанный знак, с серьезным или шуточным наполнением, распространен среди хороших знакомых, друзей, коллег⁶⁸.

Кроме того, в русском языке существуют идиомы *ударять об заклад*, *ударяться об заклад*, перешедшие в разряд устаревшей лексики и обозначающие ‘поспорить с обязательством оплатить проигрыш’, ср. пример из „Соборян” Н. Лескова:

Они поспорили, что городничий добудет ту лошадь, и ударили об заклад.

В активном языковом запасе остался фразеологизм *биться об заклад*, имеющий более широкое значение — ‘спорить на что-либо’. Все приведенные здесь глаголы отражают тот факт, что

⁶⁶ В.И. Даль: *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. 4. Москва 1978, с. 112.

⁶⁷ А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский: *Аспекты...*, с. 89.

⁶⁸ К. Jarzabek: *Znaki kinetyczne...*, с. 109.

первоначально при решении спорных вопросов спорщики бились, ударяли друг друга кулаками⁶⁹.

В перформативной функции словосочетание *биться об заклад* употребляется в значении ручательства и уверения без параллельных невербальных знаков, например:

Пусть доберемся даже до Ледовитого океана — бьюсь об заклад: если там хоть ненадолго задержимся, ты первый же и откроешь лавку (И. Бояшов).

Клятва, присяга, божба, а впоследствии и просто обещание в русской культуре подкреплялись крестным знамением, что было свойственно прежде всего простому народу⁷⁰. Это действие отражается в перформативных идиоматических высказываниях с просторечной маркированностью: *Крест даю! Да вот те крест! Вот те крест! Святой истинный крест!* Все они обладают значением уверения в искренности: *Да уж коли сказал, что укажу, где делают деньги, вот те крест, укажу!* В текстах фиксируется также их дополнение самим действием. Например, у К. Станюковича в „Севастопольском мальчике, в повести из времени Крымской войны” находим фрагмент:

— *Скоро поправишься... Вот те крест! И Маркуша пере-крестился.*

У В. Катаева в книге „Белеет парус одинокий” сопровождение клятвенного обещания крестным знамением иллюстрирует следующий отрывок:

Петя истово помолился на золотой крест с цепями и проговорил с убеждением: — Святой истинный крест, что не скажу!

---

⁶⁹ <http://www.gramota.ru/spravka/phrases/?page=2&alpha=%C1> [доступ: март 2014].

⁷⁰ Н.Б. Мечковская: *Лавина семиозиса, частично фиксируемая языком (по данным анализа символики креста и мотивированных им знаков)*. В: *Сокровенные смыслы...*, с. 582—583.

Особенностью русского общения является характерный жест рукой, т.е. проведение концом большого пальца с закрытой ладонью перед передними зубами верхней челюсти, а затем энергичное проведение пальцем по зубу и короткое задержание ладони на уровне лица⁷¹. Этот жест, используемый мужчинами, декодируется как довольно надежная гарантия сказанного. Он может сопровождать перформативное выражение *Зуб даю*, которое вместе с жестом пришло из воровского жаргона.

Изобразительное действие лежит в основе русских фразеологизмов *бить (стучать) себя кулаком в грудь*, *бить (стучать) себя пяткой в грудь*, *бить себя в грудь*. В религиозной символике голая грудь обозначает прежде всего раскаяние, покаяние, что отражается в одном из значений фразеологизма *бить себя в грудь* и польского *bić się w piersi*, т.е. 'каяться, признавать свою вину'. Для русской разговорной речи характерно также использование этого выражения в значении 'клятвенно, крикливо уверять кого-то в чем-либо' с презрительным оттенком, ср.:

Да грош цена всем декларациям, которые любой политик, бия себя в грудь на выборах, говорит — я вам сделаю, я вам обещаю (М. Гананольский).

Иронической травестацией общеупотребительного фразеологического сочетания *стучать (бить) себя кулаком в грудь* является *бить (стучать) себя пяткой в грудь*, т.е. 'клясться, доказывать свою правоту, убеждать кого-то в чем-либо'⁷². Такой жест, усиливающий эффект выражения намерения совершения задуманного, часто демонстрируется людьми в возбужденном эмоциональном состоянии, при проявлении бытовой импульсивности. В перформативных высказываниях эти выражения появляются довольно редко, преимущественно в форме деепричастных оборотов, сопровождая глаголы *обещать* или *клясться*, ср.:

⁷¹ К. Jarząbek: *Znaki kinetyczne...*, с. 128.

⁷² http://www.gramota.ru/slovari/argo/53_13414 [доступ: февраль 2014].

— *Бия себя в грудь, клянусь больше здесь не появляться* (из разговорной речи).

Индикатором угрозы, предостережения, обещания наказания, совершения возмездия служит показывание адресату кулака согнутой на уровне предплечья правой руки. Этот знак появляется в условиях острого конфликта и характерен для мужского общения⁷³:

— *Ну смотри, попробуй потом чего говорить!* — зло сказал Сашка и даже показал кулак (Н. Дубов).

— *Opowiadaj, albo... Podniósł groźnie swą silną chłopską pięść do góry* (J. Rittner)⁷⁴.

Меняя ориентацию в случае изначального подразумевания не совершения обещаемого действия, человек втайне от всех держит за спиной руку или две руки со скрещенными указательным и средним пальцами. Значение этого жеста, делающего клятву недействительной, наиболее популярно в Англии и в скандинавских странах. Однако оно известно и в русской, и в польской культурах, а само действие лежит в основе фразеологического сочетания *держат пальцы крестиком*, обозначающего среди прочего ‘обманывать’⁷⁵. В польском языке выражение *skrzyżować palce* прочитывается как ‘обманывать во время произнесения обещания или клятвы’, но не имеет устойчивого характера.

Г. Гриненко отмечает, что скрещенные пальцы понимаются здесь как невербальный компонент текста, который отрицает мысль, выраженную словесно⁷⁶. Вербальный текст при этом адресован человеку, которому клянутся, а полный текст предназначен

---

⁷³ К. Jarząbek: *Znaki kinetyczne...*, с. 72.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Второе значение фразеологизма *держат пальцы крестиком* — это мысленное пожелание удачи. В польском языке его эквивалентом является *trzymać kciuki*.

⁷⁶ Г.В. Гриненко: *Сакральные тексты и сакральная коммуникация*. Москва 2000, с. 149.

для Бога как свидетелю клятвы. Предполагается, что Бог простит ложь, а христианский крест спасет от отправления за нее в ад.

Это, однако, может вызывать некоторые сомнения. Такое поведение отправителя информации является элементом психической природы и выявляет определенную слабость человека, который может давать ложное обещание другим людям, но боится Божьего суда и наказания. В таком случае Бог скорее предстает как судья, а не участник диалога. Можно представить себе также случаи, когда скрещенные за спиной пальцы являются невербальной составляющей коммуникации. Они возможны тогда, когда этот жест видит не непосредственный участник общения, но другие лица, которым адресован данный сигнал. Благодаря этому говорящий знает, что люди, которые видели тайно совершенный знак, готовы к ситуации несдержания слова.

Кинетические сигналы, соотносимые с интенцией комиссивности, включают также действия с предметами, которые несут закреплённый в определенной культуре смысл. Наличие предметного ряда, в состав которого входят атрибуты типа священных книг, государственных документов, символических реквизитов, характерно для ритуальных действий. Во время принесения президентской присяги принято держать руку на Библии или на Конституции. Рука польского скаута с двумя сложенными вместе пальцами во время клятвы направлена на флаг. В русской, польской и других культурах, связанных с христианской религией, клятва может сопровождаться целованием креста. Если речь идет об особой клятве в русской культуре, называемой крестоцелованием, то в таком случае данный невербальный компонент является обязательным.

Невербальные знаки, связанные с интенциональным смыслом комиссивности, распределяются по избранным разрядам, которые приводят в своей классификации Ю. Прохоров и И. Стернин⁷⁷. Исследователи размещают в модели описания невербального коммуникативного поведения русских глаголы *клянусь* и *договорились* как обладающие внеязыковыми признаками выражения, а также

⁷⁷ Ю.Е. Прохоров, И.А. Стернин: *Русские...*, с. 131—139.

существительные *угроза, предупреждение*. В польском языке это соответственно *przysięgam, jesteśmy umówieni, groźba* и *ostrzeżenie*.

Коммуникативные невербальные средства комиссивного плана и возникшие на их базе фразеологизмы и описательные обороты в русском и польском языках формируют следующие группы, отдельные элементы которых отчасти пересекаются друг с другом:

- номинативные, основная функция которых заключается в замещении или дополнении языковых элементов, например: *прижать руки к груди, прижать руку к груди, положить руку на сердце, ударять по рукам, бить по рукам / przyłożyć dłonie do piersi, obiecać z ręką na sercu, unieść zgiętą prawą rękę z otwartą dłońią (ze złączonymi palcami wskazującym i środkowym)*;
- риторические, интенсифицирующие и акцентирующие выражаемое содержание: *скрепить рукопожатием клятву, пожать друг другу руку при договоре, бить себя в грудь, обещаая / uścisnąć sobie dłonie po podpisaniu umowy, ścisnąć (uścisnąć) komuś rękę po dojściu do porozumienia* и т.д.;
- магические, используемые в суеверных, магических целях: *совершать крестное знамение (давать крест), целовать крест, держать пальцы крестиком / skrzyżować palce*.

Кинетические средства с комиссивным характером выявляют также целый ряд доминирующих в них смысловых оттенков, которые приписываются знакам в социокультурных пространствах. Знаковые жесты этого круга прочитываются как торжественные (*поднять правую руку с двумя соединенными пальцами на уровень уха, unieść zgiętą prawą rękę z otwartą dłońią*), официальные (*скрепить официальный договор рукопожатием, uścisnąć sobie dłonie po podpisaniu umowy*), патетические (*бить себя в грудь*), фамильярные (*ударить по рукам, przybić piątkę*), жаргонные (*зуб давать*).

Подытоживая, можно отметить, что как в русской, так и в польской культурах в схожих коммуникативных ситуациях и сферах довольно широко используются подобные кинетические сигналы. Вместе с тем в русской культуре в этой области отмечаются присущие только ей невербальные знаки, связанные с речевыми действиями комиссивности (например, *проводить большим пальцем по передним зубам, бить себя в грудь*). Многие изобразительные

жесты находят свое отражение на фразеологическом уровне русского языка (*ударять по рукам, ударять об заклад, положить руку на сердце, стучать себя пяткой в грудь, держать пальцы крестиком* и др.).

Для польской культуры свойственным ей кинетическим знаком является поднятие согнутой правой руки с двумя сложенными пальцами, как в военной присяге (ср. *Wszyscy uczniowie, unosząc symbolicznie dwa palce prawej ręki, złożyli ślubowanie*). Фразеологизмы, созданные на базе жестов со значением комиссивности, в польском языке по сравнению с русским представлены меньшим числом (например, *z ręką na sercu, przybić piątkę*).

Применение невербальных средств при выражении комиссивной интенции может иметь обязательный характер. Соответствующими неречевыми действиями всегда сопровождается крестоположение, при споре-паре обычно требуется разбивание рук спорящих. В других случаях их наличие факультативно — оно лишь дополняет или конкретизирует вербальное наполнение комиссивного смысла.

Глава III

Коммуникативное и культурное пространство комиссивных жанров

1. Речевая системность комиссивных речевых жанров

Разные виды классификации комиссивных текстов способствуют выявлению принципов моделирования их смыслового и символического пространства. Разграничение комиссивных жанров можно провести по многим критериям. Среди них наибольшую значимость приобретают функциональные, ситуативные, статусно-ролевые параметры, зависимость от степени ответственности и эмоционального состояния участников коммуникативного акта, речевая стратегия и тактика, градуальность и интенсификация перформативности. Важную роль при типологизации играют также первичность и вторичность комиссивных жанров, их простота и / или сложность, жесткость / стабильность и мягкость / вариативность структуры, устный и письменный тип речи, стилистическая и дискурсивная принадлежность. В соответствии с этим разделением на почве рассматриваемых нами языков выделяются определенные ряды жанровых разновидностей.

Как уже было отмечено, понятие жанров речи тесно примыкает к понятию речевых актов, поэтому многие ученые трактуют речевые акты как первичные жанры. В типологии Н. Шведовой¹ представлены названия речевых актов, которые выде-

---

¹ *Русский семантический словарь*. Т. 3. Под общей ред. Н.Ю. Шведовой. Москва 2003, с. 296—297.

ляются на основании функционирования в повседневной коммуникации и характеристики с содержательной точки зрения. Отдельные из них входят в перечень первичных комиссивных жанров: *обещание, клятва, зарок, заклятие, божба, заверение, уверение, завет, обет, посул, заклятие, слово*. Жанрами, составляющими специфику первичных комиссивных текстов, в польской лингвокультуре являются *obietnica, obiecanka, klątwa, przysięga, bożenie, zaklinanie się, słowo*.

К составу первичных причисляются также жанры, отражающие двусторонность или многосторонность межличностных договорных отношений в непосредственном общении. В русской лингвокультуре к ним принадлежат *пари, договор, договоренность, сделка, уговор, условия, заговор, сговор*, в польской — *zakład, umowa, transakcja, zмова, spisek*.

В центре их создания непосредственно находятся перформативные глаголы, verbo-номинальные конструкции с иллокутивным потенциалом комиссивности, идиомы-перформативы либо другие показатели, выполняющие функцию выражения комиссивного содержания интенции.

Переход жанра в новую для него сферу общения и обусловленные этим жанровые модификации рассматриваются в категориях вторичности. Вторичные жанры вырастают из первичных в процессе развития общественно-политических отношений и культуры. Если первичные комиссивные жанры обслуживают круг обыденной речи, то вторичные функционируют в специальных областях человеческой деятельности и относятся к официально-деловому и религиозному стилям. В ранг вторичных были возведены такие русские жанры, как *договор, соглашение*, трактуемое как достижение общей точки зрения по какому-либо вопросу и устанавливающее какие-либо условия, взаимоотношения, права и обязанности сторон. Общность вторичных жанров очерчивают также типы *обещаний* (*торжественное обещание членов Государственной Думы, торжественное обещание октябрат, торжественное обещание пионера*), *клятв* (*клятва студентов, клятва врачей, клятва партизан, олимпийская клятва*) и *обетов* (*религиозные обеты: обет молчания, обет безбрачия*).

В число вторичных вошел ряд польских жанров: *umowa*, *poręczenie* (понимаемое как вид договора в гражданском праве), *obietnica* (*obietnica zucha*), *uroczyste zapewnienie* (*uroczyste zapewnienie niepopelnienia czynu* — art. 39 Kodeks wykroczeń RP), *przysięga* (*przysięga wojskowa*), *przyrzeczenie* (*przyrzeczenie harcerskie*), *ślubowanie* (*ślubowanie poselskie*, *ślubowanie olimpijskie*), *śluby* (*śluby milczenia*, *śluby jasnogórskie*).

За жанром *присяга* в русском культурно-языковом пространстве закрепились лишь сфера его вторичного использования в контексте государства и его институтов. Первоначально однако он был взаимозаменяем с жанром *клятва* и трактовался наравне с ним. Правовое измерение присяги было закреплено во времена Петра I. За клятвой в то время осталась религиозная сфера функционирования с уже необязательным юридическим основанием.

В „Русском семантическом словаре” Н. Шведовой определение *присяги* находим среди номинаций, относящихся к деловой речи. Здесь же ученой перечисляются *гарантия*, *обязательство*, *порука* и *поручительство*, которые также входят в состав вторичных комиссивных жанров². Таким статусом обладают и польские жанры *gwarancja*, *zobowiązanie*, *poręczenie*. Однако как *обязательство*, *порука*, так и *zobowiązanie*, *poręczenie* уходят своими корнями в мир первичных жанров. Из него выходят и жанры *гарантия* / *gwarancja*, *промесса* / *promesa*, развившиеся позднее на базе западноевропейских культур.

Другие вторичные жанры получили развитие и модифицировались на основании своего положения в цепи речевого общения, будучи уже производными от жанров, которые стали вторичными, ср.: *обет* — *схима* ‘торжественная клятва, обет православных монахов соблюдать особо строгие аскетические правила поведения’, *договор* — *контракт*, *пакт*, *трактат* (одна из разновидностей договора в истории дипломатических отношений в России), *конвенция*, *сделка*; *umowa* — *kontrakt*, *układ*, *pakt*, *traktat* (в значении ‘международный договор’), *konwencja*, *konkordat*.

² Русский семантический словарь..., с. 306—307.

Вторичные комиссивные жанры включают в себя также разновидности, которые характеризуются дополнительной степенью сложности и разными оттенками интенционального смысла, например: *клятвенное обещание, обещание-гарантия, клятвенное уверение, договор-пари, uroczyste przyrzeczenie, umowa przyrzeczona (zasadnicza)*.

Среди комиссивных жанров, на основании прежде всего речеактового критерия, выделяются их доминирующие типы, в которых признаки выражения интенционального значения можно считать инвариантными. Н. Шведова трактует *уверение, обещание, соглашение* как гиперонимы по отношению к актам, прикрепляемым к области обыденной коммуникации. Уверение, толкуемое как ‘убеждающие слова, заверения’, включает в себе значение и комиссивности, и ассертивности. Обещание понимается как ‘уверение в том, что будет обязательно выполнено, не нарушено’. Оно проецирует комиссивные отношения. Соглашение, в свою очередь, указывает на взаимонаправленность комиссивных речевых действий. Номинации, относящиеся к собственно деловой речи, объединяются под общим названием *ручательство* — ‘обязательство, принятая на себя ответственность за кого-что-нибудь’.

Параллели с этим подразделением обнаруживаются в классификации Н. Галлямовой, которая родовыми понятиями для выражения определенного интенционального значения считает *обещание, клятву и договор*³. Клятва, как и уверение, соотносится с комиссивной и ассертивной интенциями, а договор может здесь рассматриваться в двух аспектах: как соглашение и принятие на себя сторонами обязательств в неофициальной и официальной сферах общения.

М. Гловинская проводит подобную дифференциацию по линии *обещание и обязательство*⁴. По мнению исследовательницы

---

³ Н.Ш. Галлямова: *Речевой акт «обещание, клятва» в русской языковой картине мира: лингвокультурологический, функционально-прагматические аспекты*. „Вестник Томского государственного университета”, серия „Язык и культура”, № 3 (11) 2010, с. 30—31.

⁴ М.Я. Гловинская: *Семантика глаголов речи с точки зрения речевых актов*. В: *Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект*. Под ред. Е.А. Земской, Д.Н. Шмелева. Москва 1993, с. 176—177.

цы, они отличаются между собой мотивировкой, ангажированностью адресанта, степенью трудности осуществления действия, последствиями их невыполнения. Обязательства, как и ручательства, признаются основополагающей установкой в деловой области, где они детерминируют дальнейшую деятельность хозяйственно-финансовых субъектов.

Подразделение комиссивных актов на глобальные классы выводит также А. Вежбицка. Описывая специфику речевого акта *gwarancja* в польской лингвокультуре, исследовательница подчеркивает, что он опирается на понятие *zobowiązanie*, которое обнаруживает тесное родство с правовой областью. При указании на близость речевых актов *gwarancja* и *obietnica* отмечается, что для обещания, в отличие от гарантий и других обязательств такого рода, не характерен компонент уверенности адресата в совершении действия. Определенные же обязательства, которые принимает на себя обещающий, являются прежде всего результатом нажима со стороны адресата и не предполагают его убежденности в том, что отправитель информации выполнит то, что обещает⁵.

Таким образом, в рассматриваемых языках среди первичных жанров, тесно связанных с соответствующими речевыми актами, оттенки интенционального смысла комиссивности наиболее полно передают жанры *обещание* и *obietnica*. Они участвуют в выражении всех своих прагматических вариантов и наиболее регулярны с точки зрения осуществления данной интенции.

Из круга вторичных жанров объем всех нюансов интенции комиссивности в наибольшей степени вмещают, по нашему мнению, жанры *обязательство* и *zobowiązanie*. Они находят преломление в реализациях жанров *ручательство*, *договор*, *гарантия*, *промесса* / *poręczenie*, *umowa*, *gwarancja*, *promesa*, которые перечисляются среди актуализирующих инвариантное значение комиссивности, и других жанров, соотносимых с вторичными. В них также проявляется высокая частотность реализации комиссивного интенционального значения.

---

⁵ А. Wierzbicka: „Akty mowy”. W: *Współczesna polszczyzna. Wybór opracowań*. T. 3. *Akty i gatunki...*, с. 43—44.

Инвариантная интенциональность обещания выражается в таких жанрах русской культуры, как *обещание, посул, божба, зарок, заклятие, завет, зарок*. В круг соответствующих польских жанров входят *obietnica, obiecanka* (неисполнимое обещание), *klątwa* (в значении 'обещание') и *bożenie* (божба). На пересечении двух интенциональных смыслов, обещания и обязательства, находятся русские жанры *клятва, присяга, обет, схи́ма*. В польской среде усиление в сторону обязательств прослеживается в ряду жанров *przrzeczenie, przysięga, rota* (присяга, клятва), *ślubowanie, śluby*. Однако градация комиссивных текстов не всегда происходит отчетливо — они нередко проникают друг в друга и во многих ситуациях могут быть взаимозаменяемы.

Собственно принятие на себя обязательств реализуют русские и польские жанры *обязательство / zobowiązanie, ручательство / poręczenie, гарантия / gwarancja, промесса / promesa*. Наличие двух или более сторон, которые обязуются что-либо сделать по отношению друг к другу, проецируется в русском языке на жанры *пари, договор, контракт, соглашение, сговор, уговор, пакт, перемирие*. Аналогичная польская группа представлена жанрами *zakład, umowa, kontrakt, porozumienie, układ, pakt, traktat, rozejm*.

И первичные, и вторичные речевые жанры характеризует типологизация по признаку простоты / сложности. К простым жанрам относятся тексты, которые с формальной точки зрения приравниваются к предложению. Сложными же считаются жанры, которые включают в свой состав более одной жанровой формы⁶.

В репертуаре комиссивных жанров к простым первичным принадлежат, к примеру, *обещание, обет, зарок, заклятие, клятва / obietnica, zarzekanie się, zaklinanie się, przysięga*. Примеры таких объективаций жанров уже приводились нами при рассмотрении других аспектов выражения комиссивности. Здесь на материале русского языка данное положение проиллюстрируем словами зарока режиссера Э. Рязанова, в польском же — высказыванием литературного критика и эссеиста Е. Стемповского:

---

⁶ А.Г. Баранов: *Когнитивность текста. К проблеме уровневой абстракции текстовой деятельности*. В: *Жанры речи*. Выпуск 1..., с. 4—12.

После „Невероятных приключений итальянцев в России” я зарекаюсь снимать животных, а после „Дорогой Елены Сергеевны” я зарекаюсь снимать детей (Э. Рязанов)⁷.

Jakkolwiek więc nic w tej chwili po francusku nie piszę, nie zarzekam się tego na przyszłość (J. Stempowski).

Вторичные типы жанров, иногда достаточно развернутые в аспекте своего структурного и содержательного плана, формально могут также представлять собой одно предложение. В таком случае типичными для них является нагромождение однородных членов. Это придает им торжественное и патетическое звучание. В русском языке они чаще по сравнению с польским осложняются причастными и деепричастными оборотами. В русской лингвокультуре к вторичным простым преимущественно относятся виды *обетов, схим, присяг, торжественных обещаний и клятв*:

Я, (фамилия, имя), вступая в ряды Всесоюзной пионерской организации имени Владимира Ильича Ленина, перед лицом своих товарищей торжественно обещаю: горячо любить и беречь свою Родину, жить, как заветал великий Ленин, как учит Коммунистическая партия, как требуют Законы пионеров Советского Союза (торжественное обещание пионеров в редакции 1986 года).

Приступая к исполнению ответственных обязанностей присяжного заседателя, торжественно клянусь исполнять их честно и беспристрастно, принимать во внимание все рассмотренные в суде доказательства, как уличающие подсудимого, так и оправдывающие его, разрешать уголовное дело по своему внутреннему убеждению и совести, не оправдывая виновного и не осуждая невиновного, как подобает свободному гражданину и справедливому человеку (присяга присяжных заседателей).

В польской среде вторичных простых жанров ядро составляют разновидности таких текстов, как *obietnica, ślub, ślubowanie*,

---

⁷ http://www.trud.ru/article/12-05-2005/87558_dmitrij_marjanov_muzhik_dolzhen_byt_v_xoroshej_for/ [доступ: апрель 2013].

przysięga. В качестве примеров приведем торжественное обещание ребенка, вступающего в ряды первичной харцерской организации (*obietnica zucha*) и текст клятвы харцеров (*przysięga harcerskie*), который обязывает в двух харцерских организациях в Польше: Związek Harcerstwa Polskiego и Związek Harcerstwa Rzeczypospolitej⁸:

Obiecuję być dobrym zuchem, zawsze przestrzegać Prawa Zucha.

Mam szczerą wolę całym życiem pełnić służbę Bogu i Polsce, nieść chętną pomoc bliźnim i być posłusznym Prawu Harcerskiemu.

Значительное большинство вторичных комиссивных жанров принадлежит к сложным речевым образованиям. Они охватывают официальные тексты с высокой степенью конвенционализации: некоторые виды клятв (*студенческие клятвы, клятва врачей*), *присяги, гарантии, договоры, контракты, пакты, декларации*, в польской лингвокультуре — такие жанры, как *przysięga, ślubowanie, przysięga* в отдельных своих реализациях, *umowa, kontrakt, traktat, układ, pakt, gwarancja, deklaracja* и др.

Сложная структурная оформленность ритуальных жанров *присяга, клятва / przysięga, ślubowanie, przysięga* связана с дополнительным выделением их составных частей. В таком случае центральную позицию занимает в них предложение с эксплицитно-перформативными глаголами *клясться, присягать / przysięgać, przysięgać, ślubować*. У перформативных глаголов такого рода М. Марцияник видит квази-магический характер, обосновывая это их использованием в ситуациях, сходных с магическими обрядами⁹,

---

⁸ Тексты харцерских клятв, первоначально называемые клятвой скаутов (*przysięga skautowa*), подвергались на протяжении своей истории определенным модификациям. См.: <http://muzeumharcerstwa.pl/strefa-druynowego/przysięga-i-prawo-harcerskie/wersje-prawa-i-przysięgi/117-wersje-przysięgi-harcerskiego.html> [доступ: апрель 2014].

⁹ М. Марцияник: *Magiczne funkcje słów w kulturach pierwotnych i w działaniu językowym współczesnego człowieka*. „Przegląd Humanistyczny”, 1981, nr 10—12, с. 11—16.

а по мнению Б. Драбик, они оказывают символическое воздействие на действительность¹⁰.

Эти базовые перформативы в пределах данных жанров используются также в текстовом приеме единоначатия (анафоры), усиливающем эмоциональную напряженность текста и его экспрессию. Покажем это на фрагментах присяги сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации, утвержденной 23 декабря 1992 года, и текста польской военной присяги (*przysięga wojskowa*), объявляющей в период с 1947 по 1950 год:

Я (фамилия, имя, отчество), поступив на службу в органы внутренних дел, присягаю на верность народам Федерации. Клянусь соблюдать Конституцию и законы Российской Федерации, уважать и соблюдать права и свободы человека и гражданина, добросовестно выполнять приказы начальников и возложенные на меня служебные обязанности.

Клянусь достойно переносить связанные со службой в органах внутренних дел трудности, быть честным, мужественным, бдительным сотрудником, хранить государственную и служебную тайну.

Клянусь, не щадя своей жизни, охранять установленный Конституцией и законами Российской Федерации правовой порядок.

Przysięgam uroczyście Narodowi Polskiemu: walczyć do ostatniego tchu w obronie Ojczyzny wyzwolonej z przemocy niemieckiej i niezłomnie strzec wolności, niepodległości i mocy Rzeczypospolitej Polskiej. Przysięgam wypełniać rzetelnie i sumiennie obowiązki żołnierza, wykonywać wiernie rozkazy przełożonych, przestrzegać ściśle regulaminów i dochować tajemnicy wojskowej. Przysięgam służyć ze wszystkich sił Rzeczypospolitej Polskiej, bronić niezłomnie Jej ustroju demokratycznego i dochować wierności Prezydentowi Rzeczypospolitej. Przysięgam stać nieugięcie na straży praw Łudu Polskiego, mieć wszystkich obywateli w równym poszanowaniu i nigdy nie splamić godności Polaka.

---

¹⁰ Б. Драбик: *Językowe rytuały tworzenia więzi interpersonalnej*. Kraków 2010, с. 51.

Для других жанровых реализаций характерна парцелляция, придающая высказыванию эмоциональный заряд. Этот прием проиллюстрируем на примере польской военной присяги, вступившей в силу с 1992 года:

Ja, żołnierz Wojska Polskiego, przysięgam służyć wiernie Rzeczypospolitej Polskiej, bronić jej niepodległości i granic. Stać na straży Konstytucji, strzec honoru żołnierza polskiego, sztandaru wojskowego bronić. Za sprawę mojej Ojczyzny w potrzebie, krwi własnej ani życia nie szczędzić.

В русских присягах и клятвах заключительные слова до сих пор выступают иногда в виде предложения условного наклонения с потенциальными причинно-следственными отношениями. В таких конструкциях отражается осознание субъектом того, что в случае нарушения слова он должен понести наказание. Его реальная тяжесть и стилистическая окраска варьируются в зависимости от исторических периодов. Покажем это на примерах клятвы советских партизан и присяги сотрудника внутренних дел РФ:

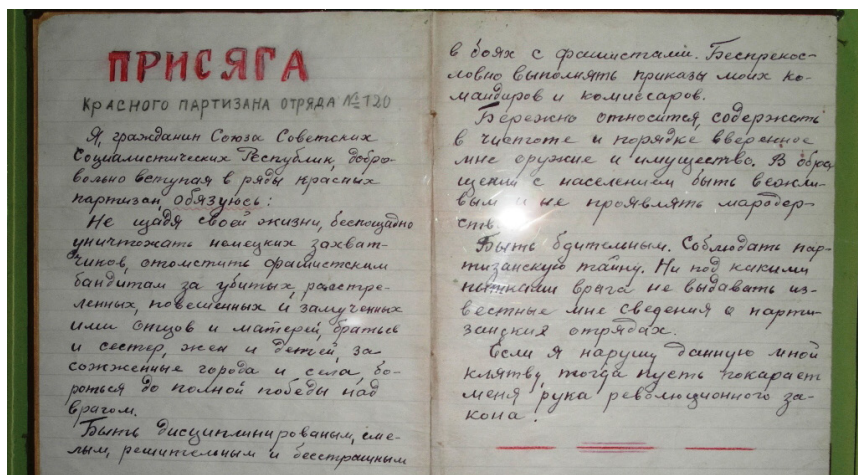
Если я нарушу данную мною клятву, тогда пусть покарает меня рука революционного закона!

Если же я нарушу принятую мной присягу, то готов нести ответственность, установленную законами Российской Федерации.

В текстах польских официальных клятв и присяг использовались подобные конструкции, например, в военной присяге, принятой в 1952 году и функционирующей до 1988 года:

Gdybym nie bacząc na tę moją uroczystą przysięgę obowiązek wierności wobec Ojczyzny złamał, niechaj mnie dosięgnie surowa ręka sprawiedliwości ludowej.

В современных актуализациях жанров *przysięga*, *przrzeczenie*, *ślubowanie* условные предложения не встречаются.

Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны. Минск. Фото И. Любоха-Круглик.

Польские жанры *przysięga*, *ślubowanie*, *przrzeczenie* факультативно заканчиваются фразематическими выражениями с оптативной модальностью. В конце вышеприведенных текстов польских военных присяг находится формулировка *Tak mi dopomóż Bóg*. Другие жанровые реализации могут предполагать выбор конструкций. К примеру, последняя фраза клятвы депутата польского Сейма в 1991—1993 годах могла звучать по-разному: *Tak mi dopomóż Bóg*; *Tak mi dopomóż Panie Boże Wszechmogący*; *Pomóż Polsko*¹¹.

В конце русских текстов отмечаются, хотя очень редко, фразы утверждающего характера. Таким образом заканчивается присяга сотрудников органов внутренних дел РФ: *Служа Закону — служу народу!*

Структурно-семантические элементы, которые входят в состав ритуальных комиссивных жанров, подчиняются также риторическим целям.

Сложность структуры жанров, в основе которых лежит договоренность сторон относительно взаимных обязательств, предо-

¹¹ A. Małycka: *Rytuały sejmowe w latach 1980—1982 i 1991—1993*. Lublin 2003, с. 69.

пределяется тем, что все аспекты принятых обязательств должны быть детально оговорены. Поэтому такие жанры, как *договор, контракт / umowa, kontrakt* включают в себя обязательные элементы, которые обеспечивают правовую силу соответствующих документов. Их текстовая организация представляет собой набор отдельных частей, каждая из которых предваряется типовым заголовком. Эти жанры отражают разные аспекты, необходимые для осуществления договорных отношений: наименование сторон, предмет договора или контракта, обязательства сторон, условия платежа, ответственность сторон, срок действия договора или контракта, юридические адреса и банковские реквизиты сторон.

С точки зрения сложности рассматриваются также первичные жанры. Эта категория распределяется в них по нескольким направлениям.

Во-первых, в разряд сложных причисляются жанры, интенция комиссивности в которых формируется за счет реплик двух или более участников, т.е. *пари, договор, сговор, уговор, условие / zakład, ztowa, umowa* и др. Представляя собой диалоговое единство, отдельные реплики диалога могут приобретать разное жанровое оформление, например, *предложение, вопрос, требование, согласие / propozycja, pytanie, żądanie, zgoda*. Приведем фрагменты текстов, иллюстрирующие данное положение:

— Хочешь, выручу?

— Хочу.

— Только уговор: за выручку ты отдашь то, что у тебя есть, а я тебе — то, чего у тебя нету.

— Ладно, — согласился Кузька, а сам подумал: «У меня в карманах ничего вроде ценного нет, а у старухи и подавно. Так что баш на баш и выйдет. Да и обмануть старуху завсегда можно» (М. Сергеев).

Здесь в создании жанра *уговор* задействованы его составляющие: *предложение, условие и согласие*.

Оформление польского жанра *umowa* осуществляется с помощью таких жанровых модулей, как требование, согласие с неудавшейся попыткой поставить условие, выражение удовлетворения:

— *Niech pan od tej chwili nie przyjmuje żadnych podobnych zleceń od innych gazet. I żadnych wywiadów. No, to jesteście umówieni.*

— *Tak, tylko...*

— *Bardzo się cieszę, że pan się zgodził i będziemy współpracować*
(D. Żukowski).

Во-вторых, опосредованная компьютером модель коммуникации с ее обращением к письменному типу речи осложняет в русском обиходе также жанры *обещание* и *клятва*. Они размещаются на специальных сайтах Рунета, о которых мы уже упоминали, к примеру, *Я сделаю это!* Публикуемые там тексты как правило связаны с обыденной тематикой. Их своеобразие состоит в наличии элементов, которые характерны для производных от *обещаний* и *клятв* вторичных, институциональных жанровых образований. Речь идет прежде всего о включении в сетевые проявления первичных жанров чужого слова — фразематических единиц типа *торжественно обещаю, торжественно обещаю и клянусь, иначе пусть меня постигнет наказание*, которые широко известны в русской культуре по текстам торжественных обещаний и воинских присяг. Фраземы входят в состав виртуальных текстов в виде целых высказываний, их фрагментов или даже в виде отдельных слов, если они выступают в качестве знака чужой смысловой позиции. Вместе с тем интертекстуальные знания отправителя сообщения проявляются не только в самом повторении языковой формы, но и в соотносении с целой гаммой правил и конвенций¹², которые лежат в основе ритуальных текстов, официального стиля и комиссивных речевых действий.

Интертекстуальные вкрапления играют большую роль в воссоздании тонального звучания текстов, изначально присущего вторичным комиссивным жанрам. Они обогащают и устную форму разговорной речи, приобретая там преимущественно иронический оттенок.

---

¹² A. Duszak: *Tekst, dyskurs, komunikacja kulturowa*. Warszawa 1998, с. 219—227.

Сугубо отличительной чертой *обещаний* и *клятв* в медиапространстве Интернета является то, что воспроизведение касается композиционных структур вторичных комиссивных жанров. Им присуще также включение в тексты иных жанровых форм или их компонентов. Поэтому обещания и клятвы могут дополняться как обязательством, требованием, вопросом, так и постскриптумом.

В-третьих, усложненная структура характерна для некоторых жанров, заимствованных из других культур. К примеру, развернутость структуры текстовых реализаций жанра *новогодние резолюции* / *postanowienia noworoczne* проявляется в выделении отдельных пунктов в перечне предполагаемых действий. Это обнаруживает их связь с жанрами *резолюция*, *планы* или *postanowienia*, которым свойствен такой принцип создания текста. Существенной в этом плане оказывается также в основном письменная фиксация его текстовых воплощений, в том числе на сайтах Интернета. Здесь, как и в предыдущем случае, возможно усложнение текстов отсыланием к общему для носителей русской культурно-языковой традиции фонду формул официальных обещаний и клятв.

Организация как русских, так и польских текстов усложняется благодаря включению в них своеобразных лирических отступлений, вкраплению стихотворных форм, вопросов, что вызывает следующие комментарии других интернет-пользователей¹³. Приведем небольшие фрагменты из новогодних резолюций на одном из форумов:

addeson: *Итак, в 2014 году я планирую:*

1. *Отправить мужа в университет. Он и сам хочет, и научиться ему надо всего-то 2 года. Вот только бумажками заниматься он никак не умеет, поэтому занимаюсь этим всегда я.*
2. *Отправить в университет себя. Я долго думала, что и куда, и в итоге остановилась на аспирантуре. Для начала*

---

¹³ См., к примеру: *Новогодние резолюции*. <http://addeson.livejournal.com/10741.html> [доступ: январь 2014], *Вдохновение — это воздух, которым мы дышим. Конкурс новогодних резолюций от Air We Inspire и Coordi*. <http://air-we-inspire.livejournal.com/55799.html> [доступ: январь 2014], <http://wizaz.pl/forum/showthread.php?t=582781> [доступ: январь 2014].

мне нужно сдать 2 экзамена: TOEFL (и да, на работе с меня все ржут, что преподавать английский мне можно, быть администратором TOEFL тоже можно, но для учебы здесь его нужно сдать) и GRE - экзамен, который нужно сдавать тем, кто пытается попасть в программу выше бакалаврской. И если TOEFL я могу без подготовки сдать хоть завтра, то к GRE нужно еще подготовиться [...].

Кто-то еще планирует что-то грандиозное и не очень?

black_berry_tea: ооо, мне такая традиция нравится больше итогов года :))) Многообещающе и четко:)Удачи по всем 5 пунктам:)))

Я бы хотела увеличить свой словарный запас, где-нибудь тысяч на 5 :))) Нереально, наверное, за год :) И съездить в Россию хочу тоже и мышцы хочу накачать красивые и на шпагат хочу сесть. А еще в Калифорнию, Майями, Ванкувер. И еще кучу всего хочу, только обычно мои планы меняются очень сильно в течение года. А ты свои выполняешь? :)

Итак, в динамике рассматриваемых жанровых форм прослеживается их двойная переакцентуация. С одной стороны, это усложнение структуры первичных жанров и их переход во вторичные. Такой тип трансформаций обычен и закреплён в практике речевого общения. С другой стороны, высказывания, функционирующие как первичные, начинают осуществляться по модели вторичного жанра. На обратную связь от вторичных комиссивных жанров к их первичным разновидностям в Интернете влияют разные факторы. Это возможность распознавания всеми участниками коммуникативного взаимодействия отношений между своим и чужим словом, игровое начало как отражение особого видения мира, но прежде всего письменный способ оформления текста, его открытый характер, диалогическая направленность. Уже в информации на тему интернет-ресурса клятв и обещаний сообщается, что он позволяет „прилюдно озвучить то, что вы собираетесь реализовать в ближнем или дальнем будущем, публично продекларировав и закрепив свое обещание”¹⁴.

¹⁴ iwilloidit.ru [доступ: январь 2014].

Приведенные контексты неоднократно оттеняют роль типов речи в моделировании комиссивных жанров. Первичные жанры, хотя и соотносятся прежде всего с устной формой высказывания, претерпевают в эпоху Интернета изменения, связанные с их письменной реализацией. При продуцировании текстов такого рода наблюдается столкновение норм устной и письменной речи. Примечательно, что в вышеприведенной цитате яркое выражение находит способность интернет-разновидностей обещаний и клятв одновременно обслуживать два этих типа речи. Их письменная фиксированность в определенной степени снимается глаголами *озвучить* и *продекларировать*, непосредственно обозначающими передачу текста устным путем. Приданием большего значения письменному типу речи обуславливается его перевес над устным в жанрах *новогодние резолюции / postanowienia noworoczne*.

В польской разговорной речи диалог, в котором речь идет о принятии на себя обязательств одним из участников общения, часто вызывает следующие ответные реплики: *Daj mi to na piśmie; Proszę dać mi to na piśmie*. Таким образом подчеркивается, что говорящий не до конца верит в значимость и правдивость намерений интерлокутора. Лишь закрепление им обязательства в письменной форме могло бы способствовать подтверждению искренности сказанного. В свою очередь, инициатива подкрепления своих слов может исходить от того, кто дает обещание или принимает на себя какие-либо обязательства: *Mogę Ci dać to nawet na piśmie. Dam Ci to na piśmie*. Следовательно, влияние на восприятие сообщения оказывает сила, которой обладает письменный вид обязательства, принятый в деловой сфере. Вместе с тем в разговорно-бытовой коммуникации случаи действительного письменного оформления текстов относятся к редким.

В повседневном русском общении используется глагол *подписаться* в значении ‘договориться с кем-либо о чем-либо’¹⁵: *Мы же с тобой подписались на новый айфон, а ты принес мне бэушный*. Его появление в речи подчеркивает то, что условия устного договора говорящий приравнивает по своей силе к письменному.

---

¹⁵ Т.Г. Никитина: *Толковый словарь...*, с. 520.

Обязательным является письменный документ в случае договора с нечистой силой. Человек, отдающий душу дьяволу взамен за какие-либо страстно желаемые блага, подписывает текст собственной кровью. В польском языке эквивалентом наименования *сделка с дьяволом* является *pakt z diabłem*. В отличие от русской номинации *сделка*, которая может объективироваться в двух формах, это жанровое название предопределяет его закреплённость в письменном виде. К рукописному документу относят также польское сочетание *podpisać cyrograf*, которое функционирует как обозначение совершения сделки с дьяволом.

Специфика взаимовлияния устной и письменной реализации проявляется также во вторичных комиссивных жанрах. Если во многом сходный с договором жанр *контракт* / *kontrakt* реализуется только в письменной форме, то такие жанры, как *договор*, *соглашение*, *перемирие* / *umowa, układ, porozumienie, zawieszenie broni* допускают устное употребление.

Эти положения подтверждают следующие примеры:

Копирайтеры с удовольствием обманывали свои агентства, находя через них клиента, а потом заключая с ним устный договор за спиной начальства (В. Пелевин).

Pomiędzy nimi a Zbigniewem G. nie było żadnej pisemnej umowy. Dogadali się tylko ustnie. Prokurator ocenił, że na podstawie takiej umowy Zbigniew G. stał się pracodawcą robotników. Sąd nie zgodził się z prokuraturą. Jego zdaniem ustne porozumienie G. z robotnikami było umową o dzieło, a nie o pracę („Gazeta Wrocławska”).

Как особый тип международной договорённости трактуется *джентельменское соглашение* (*джентельменский договор*) / *porozumienie dżentelmeńskie (umowa dżentelmeńska)*, заключаемое в устном виде. Его несоблюдение ведёт, как правило, к последствиям не юридического, а морального плана.

В русском речевом пространстве также жанр *мир* объективируется в двух формах, что предопределяется его функционированием не только как официального соглашения воюющих сторон и прекращении войны, но и как согласия в обыденной коммуни-

кации, связанного с глаголом *мириться* в значении ‘прекращать ссору, вражду’. Польский жанр *układ pokojowy* в силу своей прикреплённости к сфере официальной коммуникации обладает только письменной формой.

Существуют также соотносимые с письменной формой договора выражения *неписаный договор* / *niepisana umowa*, которые указывают на существование определенных норм поведения:

Писатели всполошились и забубнили между собой, выражая тревогу и даже недовольство тем, что власти выходят за ими же установленные рамки и нарушают неписаный договор (В. Войнович).

Uważa, podobnie jak my dzisiaj (dopiero dzisiaj), że obowiązuje nas jakaś niepisana umowa ze światem natury, której częścią jesteśmy, powinniśmy jej oszczędzać cierpień i tragedii (J. Hen).

Одной из особенностей интенции обязательства является то, что среди механизмов ее реализации находятся акты молчания. Речь идет о некоторых двусторонних или многосторонних обязательствах, которые получают свое выражение в таких формах, как *договор по умолчанию*, *молчаливый (негласный) уговор*, *заговор молчания* (‘сознательное замалчивание чего-нибудь, негласное соглашение не говорить о чём-нибудь’) в русском языке или *zmowa milczenia* в польском:

Сверили заполненное с тем, что перед глазами. Темнота — и молчаливый уговор: сопроводительного письма не было (А. Азольский).

W tym temacie panuje u nas prawdziwa zmowa milczenia („Tygodnik Rybnicki”).

Близость устной и письменной речевых форм наиболее заметна в таких жанрах, как *торжественное обещание*, *присяга*, *клятва* / *ślubowanie*, *przysięga*, *przrzeczenie*. Тексты, относящиеся к разряду этих жанров в институциональном дискурсе, имеют письменное оформление. Однако в рамках ритуальных действий требуется их произнесение соответствующим лицом, что устанавливает особые обязательства перед определенной общностью. Во многих

случаях текст по фрагментам зачитывается уполномоченным лицом и повторяется вслед за ним дающим торжественное обещание, клятву или приносящим присягу. При этом должны соблюдаться особые правила речевой мелодии, тона и ритма произнесения текста.

Произнося слова торжественного обещания, клятвы или присяги, человек не вправе ошибиться, иначе текст теряет свою силу. Вспомним инцидент во время первой инаугурации Барака Обамы. Председатель Верховного суда США, за которым Обама повторял слова президентской присяги, произнес „торжественно обещаю“, прежде чем новоизбранный президент сказал начальную фразу „Я, Барак Хусейн Обама“. Далее вследствие ошибочного прочтения произошла перестановка двух слов: „что буду выполнять для Соединённых Штатов обязанности президента добросовестно“, а надо: „что буду добросовестно выполнять обязанности президента Соединённых Штатов“¹⁶. Все это, независимо от существования обязывающего письменного вида присяги, заставило усомниться в правомочии церемонии и в результате привело к повторному приведению американского президента к присяге.

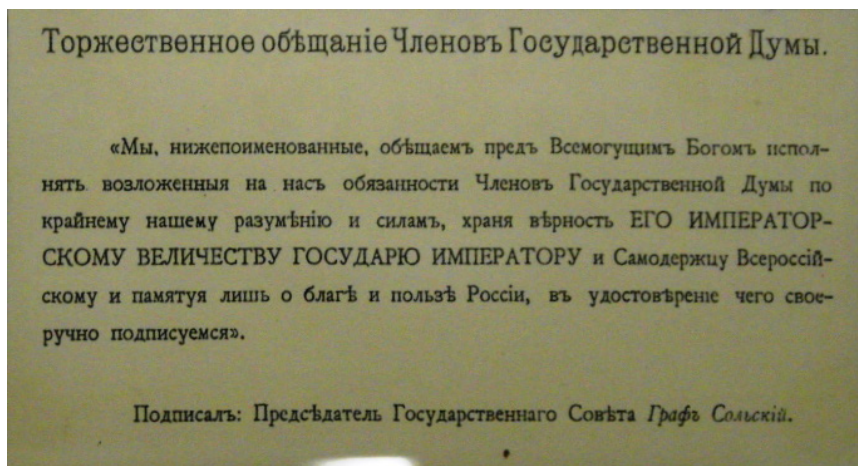
В свою очередь, президент Чехии Милош Земан, несмотря на правильное звучание устной присяги, должен был во второй раз подписать ее печатный текст, поскольку в первоначальном была грамматическая ошибка: в слове *nejlepsiho* не хватало двух последних букв¹⁷.

Жесткие требования, предъявляемые к ритуальным текстам, которые являются частью мира долженствования и обязательности, обуславливают их стандартизированный характер и следование всем установленным правилам церемонии. Между тем в некоторых культурах во время бракосочетания возможны спонтанные слова супружеской клятвы, возникающие под влиянием эмоций. Это отражается, к примеру, в сериале „Как я встретил вашу маму“, где жених говорит, что он забыл содержание супру-

¹⁶ Присяга в Белом доме. <http://www.usa-day.ru/prisyaga-v-belom-dome> [доступ: июнь 2012].

¹⁷ J. Kopecký: *Zeman podepsal znovu prezidentský slib. Kvůli gramatické chybě*. <http://zpravy.idnes.cz/zeman-podepsal-znovu-slib-prezidenta-kvuli-gramaticke-chybe> [доступ: март 2013]

жеской клятвы. „Тогда скажите, что вы чувствуете в этот момент”, — говорит ведущий церемонию и заключает брак, который признается действительным.

Государственный центральный музей современной истории России. Москва. Фото О. Малыса.

Присяге и клятве часто сопутствует документ, который требуется скрепить собственноручной подписью. Возможно, он представляется как юридическое действие в качестве подтверждения информированности об определенной ответственности. Однако в некоторых случаях символический смысл ритуальных текстов и сопровождающих их действий понижается и сводится к своего рода контракту, например, между нанимателем и нанимающим. Это происходит иногда при вступлении в должность чиновников, которые в России приводятся к присяге в обязательном порядке. В Польше их обязывает *przysięga* или *ślubowanie*. Известны случаи, когда без произнесения соответствующего текста они ставят под ним лишь подпись¹⁸.

¹⁸ Ж.В. Кормина: *Воинская присяга: к истории одного перформатива*. „Неприкосновенный запас”, №1 (33) 2004, „Журнальный зал” <http://magazines.russ.ru/nz/2004/1/korm16.html> [доступ: январь 2014].

Скрепление подписью является неотъемлемым элементом также клятв, которые касаются проблем повседневной жизни, но приносятся в торжественной обстановке. Такую клятву (*ślubowanie*), связанную с борьбой с вредными привычками — алкоголем, курением, употреблением наркотиков и азартными играми, дают люди в костеле иезуитов Божьей Матери Неустанной Помощи в Закопане, называемым костелом „На горке”¹⁹. Клятву приносят в устной форме, но каждый, в том числе тот, кто дает клятву анонимно, должен подписаться в специальной книге, которая называется *Księga ślubowań*. В ней указывается установленный клянущимся срок, в течение которого обязывает беспрекословное следование клятве — от одного месяца до всей жизни. Кроме того, человек получает картинку с изображением Божьей Матери и с текстом клятвы, под которым он также подписывается. Достаточно показать ее окружающим, чтобы никто больше не уговаривал совершить определенные действия. Сдерживать клятву является делом чести, а случаи ее нарушения очень редки — слово сдерживается более чем в девяноста процентах.

Письменный характер большинства вторичных комиссивных текстов, как правило, закрепляет их юридическую силу. Ее регулиацию содержат различные нормативные правовые акты. Они устанавливают в частности существование правового института присяги. К примеру, в комментариях к статье 82 Конституции Российской Федерации, где имеется запись о принятии президентской присяги, указывается, что она выступает не только как обязывающая его клятва перед народом верно служить ему, но и как „юридически значимый документ, на содержание которого в своих решениях ссылается Конституционный суд. Присяга является также правовым указателем, с которого начинается отсчет времени президентства конкретного лица”²⁰. Вступление в должность

---

¹⁹ Информация на тему принесения клятв в костеле иезуитов Божьей Матери Неустанной Помощи в Закопане была любезно предоставлена ксенздом Анджеем Генготекем.

²⁰ *Конституция Российской Федерации*. Москва 2002, с. 27, 30; *Комментарий к Конституции Российской Федерации*. Под общей ред. Л.В. Лазарева. Москва 2009. <http://constitution.garant.ru/science-work/comment/5366634/chapter/4/> [доступ: январь 2014].

президента с момента принесения присяги, как и ее текст определяют положения статьи 130 Конституции Республики Польша²¹.

Нарушение данного слова в ряде случаев преследуется по закону и влечет за собой определенные последствия, вплоть до наказания. Наиболее показательны в этом плане *воинская* и *судебная присяги* / *przysięga wojskowa* и *przysięga sądowa*. Сам отказ от принесения присяги (в польской среде в этом случае востребован жанр *ślubowanie*) лиц, претендующих на должности государственный службы, в органах общественного порядка, финансовых учреждениях, приводит к тому, что не могут состояться трудовые отношения.

Устанавливающие жанры, т.е. относящиеся к ритуальным текстам *присяга*, *клятва*, *торжественное обещание* / *przysięga*, *ślubowanie*, *przrzeczenie*, а также *гарантия*, *гарантийное письмо*, *банковское поручительство* / *gwarancja*, *list gwarancyjny*, *poręczenie bankowe* отличаются тем, что обязательства принимаются на себя одной стороной. Двусторонний (многосторонний) характер выявляет целый ряд устанавливающих жанров. Они упорядочивают отношения во многих областях совместной человеческой деятельности и на ее разных уровнях. Этой структуре, исходящей из типа отношений, можно приписать реализующиеся в них определенные жанровые разновидности.

Межличностные взаимосвязи находят отражение в жанрах *брачный договор*, *брачный контракт*, *договор о наследстве*, *договор о наследстве и дарении* / *umowa majątkowa małżeńska (intercyza)*, *kontrakt małżeński*, *umowa o spadkach i darowiznie*. Отношения трудоустройства представлены в жанрах *трудовой договор*, *трудовой контракт*, *служебный договор*, *соглашение о тарифной сетке*, *соглашение о тарифной ставке* / *umowa o pracę*, *kontrakt o pracę*; финансовые отношения — в жанрах *договор купли-продажи*, *договор о найме*, *договор аренды*, *договор займа* / *umowa sprzedaży*, *umowa najmu*, *umowa dzierżawy*, *umowa pożyczki*. В свое время при формировании государственных отношений в польской среде был востребован жанр *pacta conventa*.

²¹ *Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej*. Warszawa 1997, с. 25.

Международные экономические взаимосвязи определяют функционирование жанров *валютное соглашение, соглашение об импорте / porozumienie walutowe, porozumienie importowe (eksportowe), umowa o wolnym handlu*. Военно-политические отношения отражаются в дипломатических письменных предписаниях — *договорах, соглашениях, конвенциях, пактах, декларациях*, в польской генристике соответственно в жанрах *umowa, porozumienie, konwencja, układ, pakt, deklaracja, traktat*. К ним относятся также *соглашение (договор) о разоружении, морское соглашение, договор об ассоциации, международный пакт о гражданских и политических правах / porozumienie o rozbrojeniu, porozumienie morskie, układ morski, umowa stowarzyszeniowa, Międzynarodowy Pakt Praw Obywatelskich i Politycznych* и др. Урегулирование вопросов, интересующих Ватикан и государство с преобладающим числом католиков, находят свое отражение в жанре *конкордат / konkordat*.

В категориях договорных отношений рассматриваются также нормы поведения и общения, которые обязывают всех членов социума. Широко распространено такое понятие, как *общественный договор / umowa społeczna*.

Это понятие связано с концепциями, которые опираются на положение о договорной основе происхождения государства как результата соглашения между людьми. Принципы общественного договора начали складываться в эпоху Просвещения и разрабатывались Т. Гоббсом, Дж. Локком, а прежде всего Ж.Ж. Руссо. В его понимании они касались создания республиканской социальной модели, в рамках которой осуществление народной власти подчиняется общей воле²².

Специфическим образом преломляется в категориях комиссивных жанров вежливость и успешность речевого взаимодействия. Эти характеристики межличностной коммуникации в концепции Б. Фрейзера и В. Нолена трактуются как *договор о ведении диа-*

---

²² Ж.Ж. Руссо: *Об общественном договоре, или Принципы политического права*. Пер. с фр. А.Д. Хаютина и В.С. Алексеева-Попова. В: Ж.Ж. Руссо: *Об общественном договоре. Трактаты*. Москва 1998.

лога / *kontrakt konwersacyjny*²³. Выражение интенций и успешность их распознавания участниками коммуникативного акта также П. Грайс рассматривает в категориях функционирующих в данном языковом социуме соглашений или конвенций, которые касаются значений тех или иных выражений²⁴.

Таким образом, функционирование комиссивных жанров распространяется на многие области человеческой жизни. Их институциональные разновидности охватывают политическую, религиозную, дипломатическую, военную сферы деятельности, разного рода государственные институты (органы общественного порядка, финансовые учреждения, государственную службу). Это определяет возможности их использования в ситуациях, имеющих государственный, профессиональный и религиозный ранг.

В области повседневного общения комиссивные жанры востребованы прежде всего в социально-бытовых и личностных ситуациях. В социально-бытовых ситуациях в русском общении преобладают такие жанры, как *обещание, посул, договоренность*, в польском — *obietnica, obiecanka, umowa*. Личностные ситуации связаны с таким жанром, как *клятва / przysięga*. Эти жанры, как и речеактивные глаголы, лежащие в их основе, различаются степенью искренности выражения интенции и ответственности за сказанное. Показательная в этом плане *клятва / przysięga*, даваемая близкими людьми человеку, который лежит на смертном одре. К примеру, в 1991 году шведский продюсер Я. Далин попросил перед смертью свою подругу Аллу Пугачеву поклясться в том, что она выступит с хором из Америки и споет на „Евровидении”. В условиях „железного занавеса”, которые еще обязывали в то время, исполнение такой просьбы казалось практически нереальным, однако Пугачева дала клятву, поясняя впоследствии своим друзьям свой поступок таким образом: „Это как заветы Ильича. Те-

---

²³ Об этой концепции вежливости в кругу прочих упоминает М. Кита, см.: М. Кита: *Kulturowe osadzenie gatunku...*, с. 156. Более подробную информацию на эту тему см.: В. Fraser, W. Nolen: *The association of deference with linguistic form*. “*International Journal of the Sociology of Language*”, nr 27. The Hague, 1981, с. 93—109.

²⁴ В.А. Маслова: *Введение в прагмалингвистику...*, с. 43.

перь как хочешь, так с ними и живи!” Певица сдержала клятву, как благодаря изменившимся политическим реалиям, так и благодаря тому, что данная в таких условиях клятва категорически обязывает человека слова²⁵.

Выбор комиссивного жанра обусловлен не только ситуацией, но зависит также от статусно-ролевых отношений участников коммуникации. Не каждый может быть автором определенных видов обязательств. Такого рода обязательства связаны с вхождением в новую общественную роль: с исполнением функции, вступлением в должность, посвящением в религиозный сан, изменением социального положения. Их жанровыми показателями являются ритуальные жанры: *торжественное обещание, клятва, присяга, обет / przysięga, przyrzeczenie, ślubowanie, śluby*.

Актуализация того или иного комиссивного жанра в речи обусловлена также характером ролевых отношений. Приносить присягу можно только лицу, обладающему специальными полномочиями. Статусное неравенство партнеров не позволяет в официальных ситуациях подчиненному использовать такие жанры, как *божба, пари, зарок, посул / obiecanka, zarzeczenie się, zakład*²⁶. В Речи Посполитой в те времена, когда шляхта избирала короля среди равных себе, король в документе *pacta conventa* давал гарантии отнositельно осуществления своей власти. Такие гарантии ослабляли государство и в результате привели к его упадку и разделам.

Речевое поведение оформляется в рамках разных комиссивных жанров также в зависимости от степени эмоциональности участников коммуникации, предопределенной ситуативной разграниченностью. С этой точки зрения можно предложить следующую типологизацию:

- продуманные жанры (прежде всего официальные);
- опрометчивые, неосмотрительные (к примеру, *заклад, пари / zakład*);
- импульсивные — когда человек находится в экстремальных ситуациях, когда еще в состоянии держать себя в руках (напри-

²⁵ Ф. Грозданов: Алла Пучачева и Максим Галкин. *Тайна имен их „королевских близнецов”*. „Отдохни”, 2013, № 44.

²⁶ Н. Галлямова: *Речевой акт „обещание”, „клятва”...*, с. 22.

мер, некоторые виды таких жанров, как *обещание* и *угроза* / *obietnica, groźba*);

— крайние (к примеру, *угроза-деяние* / *groźba karalna*).

Разграничение проводится также по степени эмоционального воздействия:

— благоприятные,

— неблагоприятные комиссивные жанры.

К благоприятным относятся обещания, например, обещание польского премьер-министра Д. Туска снести оплату за пользование радио и телевизором. Оплата не была снесена, однако не было введено и обострение законов по ее взиманию. Тот, кто не хочет платить, в принципе не подвергается наказанию.

К неблагоприятным принадлежат прежде всего угрозы. Вид неблагоприятного обещания приобретают некоторые магические тексты вроде заклятия. Например, мать давала обещание *He gryzi, gryжа, ребенка, я сама загрызу*. Однако такое жанровое воплощение можно считать ритуальным обманом, так как целью обещания было защитить ребенка от болезни²⁷.

Подытоживая, отметим, что комиссивные жанры выполняют в речевой деятельности ряд функций, в круг которых входят следующие:

— информативная;

— регулятивная;

— гарантирующая;

— магическая;

— воспитательная;

— превентивная;

— поддерживающая, интегрирующая, мобилизующая, обнадеживающая.

Возможность использования определенного комиссивного жанра в процессе речевой деятельности во многом детерминирована тем, какая из этих функций востребована в конкретной коммуникативной ситуации.

---

²⁷ J. Rybarczyk-Dybowska: *Język jako narzędzie magii na przykładzie zaklęć rosyjskich*. Kraków 2013, с. 49.

2. Экспликации интенции комиссивности в повседневном общении

Повседневные коммуникативные ситуации, в которых обнаруживается личностная ориентированность общения, связаны с актуализацией разговорной речи. Ее специфика определяет сложность взаимодействия между говорящим и слушающим, жесткость требований ситуативного речевого поведения, активность восприятия речи²⁸. В разговорной речи с наибольшей силой проявляется антропоцентрическая и этноцентрическая направленность, которая отражает видение и интерпретацию мира представителями определенного культурно-языкового социума. По мнению исследователей, именно разговорная речь является основой для деривации других вариантов языка и его стилевых разновидностей²⁹.

Особенности речевого взаимодействия в условиях повседневного быта во многом влияют на выбор не только самого жанра, но и на способы выражения коммуникативного намерения и целеустановки.

Репертуар средств с комиссивной иллокутивной направленностью оформляется в обыденном общении различными лексико-

---

²⁸ Л.К. Граудина, Е.Н. Ширяев: *Культура русской речи*. Москва 2001, с. 61.

²⁹ J. Bartmiński, S. Niebrzegowska-Bartmińska: *Tekstologia...*, с. 115—116.

-грамматическими средствами³⁰. Во многом они представлены речеактовыми глаголами, перформативное употребление которых было уже отмечено и проиллюстрировано нами при анализе высказываний в предыдущей части работы. В русской разговорной речи в перформативной функции чаще всего используются глаголы *обещать, уверять, заверять, зарекаться, клясться*, verbo-номинальные конструкции *давать слово, давать зарок, давать обещание*, а также идиомы *живой не буду, зуб давать* и т.д., придающие речи экспрессивный характер. Периферию этого ряда составляют просторечные или устаревшие глаголы *обещаться, заикаиваться, заклинаться, божиться*.

В русской повседневной коммуникации очень редко в качестве комиссивных перформативов употребляются единицы *давать обет* или *гарантировать*, что, по мнению Е. Ширяева, обусловлено присущей им строгостью и категоричностью³¹. К минимуму сводится также появление в обыденных ситуациях и контекстах глагола *обязываться* из-за его прикрепленности к официальной речи. Вне официальных отношений к нему прибегают исключительно в тех случаях, когда речь идет об очень важных действиях, выполнить которые чрезвычайно трудно по разным причинам³². Использование этого глагола не предполагает конкретного реального адресата, а вызывается внутренней потребностью самого говорящего. Высказывания такого рода носят монологический характер, что проиллюстрируем примерами из документального фильма и из воспоминаний:

---

³⁰ Их примеры почерпнуты нами из устной формы естественного общения и из ее письменной фиксации в интернет-коммуникации, а также из имитирующих разговорную речь высказываний в художественной литературе. Собранный собственный материал дополняется примерами из компьютерных баз данных „Национальный корпус русского языка” (<http://search.ruscorpora.ru>) и „Narodowy Korpus Języka polskiego” (<http://nkjp.pl>).

³¹ Е.Н. Ширяев: *Глаголы речи, восприятия и мысли в роли разговорных модальных средств*. В: *Сокровенные смыслы...*, с. 459—466.

³² Статья *Обещать, давать (честное) слово, сулить, клясться, обязываться* (авторы Ю.Д. Апресян, М.Я. Гловинская). В: *Новый объяснительный словарь...*, с. 688.

Я говорю: „Господи! Я возьму этого мальчика. Я... подарю мне жизнь. Я вот, а я обязуюсь вот подарить жизнь ему. Вот я всё сделаю” («Русский Прованс. Плѣс»).

Первым долгом он повесил у себя в кабинете и дома над кроватью транспарант: „Обязуюсь все 365 дней в году быть здоровым!”

Ему говорили коллеги: „Это невозможно! Это от тебя не зависит!” (<http://www.proza.ru>).

Высказывания с перформативными глаголами *гарантировать*, *обязываться*, а также *декларировать* чаще встречаются в быденной речи иностранцев, изучающих русский язык и не чувствующих границ между его разными вариантами и стилями. К примеру, учившиеся в российских вузах кубинские студенты из-за чрезмерной замкнутости в своем собственном кругу и привязанности к официально-деловым и публицистическим текстам, используемым на занятиях по русскому языку, переносили распространенные там лексические единицы и конструкции в коммуникативные контакты со своими сверстниками. Поэтому при приглашении их на вечеринку можно было услышать фразы типа *Декларирую свое прибытие* или *Обязуюсь прибыть с визитом*, а при прощании — *Гарантирую, что наша встреча состоится на следующей неделе*.

В польском бытовом дискурсе круг комиссивов очерчивается единицами *obiecować*, *przysięgać*, *zrzekać się*, *dawać słowo*, *zapewniać*, глагольно-именными сочетаниями *dawać słowo*, а также идиомами-перформативами *dać się zabić*, *jak Boga kocham* и т.п. Значительно меньшей фреквентностью в разговорном варианте современного польского языка отличаются глаголы *kląć się*, *zaklinać się*, что вытекает из их уже устаревшего характера. В то же время можно отметить, что в разговорной разновидности польского языка более естественны фразы с глаголом *gwarantować*:

*Gwarantuję, iż padniesz, jak to zobaczysz.
Odlecisz, gwarantuję!*

Встречаются также случаи использования в повседневном общении глагола *deklarować*, что скорее всего является свидетельством заимствования в настоящее время языковых образцов из официальных сообщений медийного дискурса:

— *Może wpadnę wieczorem — deklaruje się, ostatecznie nie mam gdzie spać.*

— *Uprzedź mnie, trzeba wyciągnąć z pawlacza pościel.* (M. Bukowski);

To ja deklaruje, że przyjdę i zaliczę trzy konkurencje z rzędu (из разговорной речи).

В отличие от глагола *обязываться*, который в повседневных диалогах русской речи практически не встречается, появление глагола *zobowiązywać się* более типично для польских диалогических текстов, ср.:

Objął ją ramieniem, a ona przytuliła się do niego.

— *Zanim przystąpimy do akcji głównej, czeka nas kilka mniejszych. Zobowiązuję się znaleźć dowód absolutny, że to córka Jasia, a ty odszukasz tę kobietę, która wychowywała Zuzię przez jakiś czas.*

— *Hankę?* (Z. Nurowska).

Как нам кажется, данное явление вызвано общей тенденцией большей степени интеллектуализации и официальности, наблюдаемой в польских разговорно-бытовых текстах по сравнению с русскими³³.

Экспликация обещания совершить или не совершить действие, когда залогом сказанного становится сама лексема *слово / słowo*, выражаемая в высказывании в явной форме, заполняется в разговорной речи рядом вариативных конструкций.

Наряду с сочетанием *даю слово / daję słowo* используется структура с обратным порядком слов: *слово даю / słowo daję*. В рус-

³³ М. Шимониук: *Преподавание стилистики на Русском отделении в Со-сновце*. В: *Współczesne problemy dydaktyki języka rosyjskiego na różnych poziomach nauczania*. Red. M. Szymaniuk. Katowice 1995, с. 50.

ском языке она интенсифицирует намерение обязательно выполнить действие:

— *Ведь потом тоже будешь жалеть!*

— *Да я и думаю поехать, думаю! Да просто вот на днях поеду. Вот слово даю* (А. Солженицын).

В польском языке оба варианта равноправны, однако конструкция *słowo daję*, служащая выражению комиссивности, практически выходит из употребления и кажется уже немного архаической. Довольно сложно поэтому найти пример ее употребления в современных источниках, в связи с чем не случайно обращение к воспоминаниям Я. Бжехвы, написанным в 1958 году:

— *Panno Kazimiero, sam się położyę, słowo daję. Niech pani wyjdzie. Szybko zrzuciłem ubranie i wskoczyłem do łóżka. — Czy pani się na mnie gniewa? — spytałem, gdy po chwili wróciła.*

— *Za co?* (J. Brzechwa).

Это выражение сегодня чаще встречается в качестве уверения по отношению к прошлому: *Widziałem ją. Słowo daję!* В таком случае говорящий придает сообщению большую достоверность и подчеркивает важность произошедшего.

Для польского языка также свойственна конструкция с качественно-характеризующим наречием *jak*, акцентирующая решительность говорящего и его понимание реальной возможности осуществить действие:

— *Heniek! Romek! Siódma godzina!*

— *Mamy czas, niech Julek i Tadek zjedzą! — odkrzyknął Heniek i nagle zirytowany zwrócił się do kolegów: — Ale, jak słowo daję, ja Tadekowi nie będę dziś pomagał* (H. Worcell).

В разговорном польском языке функцию, связанную с обещанием, выполняет конструкция с глаголом *mieć* в форме настоящего времени второго лица вместе с номинацией *słowo*: *Masz (na to) moje słowo*:

— *Boję się, że mnie zostawisz.*

— *Nie zrobisz tego nigdy. Masz na to moje słowo* (из разговорной речи).

Данная структура объективирует не саму передачу слова под залог, а уже его наличие у адресата. Говорящий таким образом повышает степень надежности своего обещания, а реципиент в силу этого получает больше оснований для требования выполнить его.

Равносильно принятию на себя обязательств согласия выполнить действия в конструкциях с условным наклонением, ориентированным на позицию слушающего. Данная модель приобретает речеповеденческий статус и реализуется, к примеру, в диалогах такого типа:

— *Dalbyś mi słowo, że do piątku byś się wyrobił z tymi wszystkimi czynnościami?*

— *Tak jest!* (сериал *Ojciec Mateusz*).

Фраза *Tak jest*, т.е. даю слово, что обязательно справлюсь, может приравняться в данном случае к русскому выражению *Так точно!*

К подводимому под обещание содержанию ответной реплики отсылает в дальнейшем реконструкция интенционального состояния говорящего в разговоре с другим лицом: *Dalem słowo, że w piątek skończę sprawę.*

Довольно часто в польском языке лексема *słowo* в качестве подтверждения сказанного используется без глагола, что предполагает твердость принятого решения:

— *Tylko nie mów o tej rozmowie swojemu tacie, bo nakrzyczysz. Nie powiesz?*

— *Dobra, nie powiem. Słowo* (из разговорной речи).

Для обоих сопоставляемых языков типична реализация комиссивного смысла с помощью устойчивых фраз, которые соотносятся с понятием чести: *честное слово, честное благородное (слово), слово чести, słowo honoru*. В русской разговорной речи встреча-

ется также образованное на базе сочетания *честное слово* сокращение *чесслово*. В нем можно усматривать как проявление тенденции к языковой экономии, так и придание высказыванию экспрессивного оттенка:

Все, пардон, у меня покрашена голова, смыть надо, а то облезу! Любить ведь не будете:) Шакал.

Я вас люблю полюблю, чесслово! Вас разве можно не любить? «Любят ли они поросят? И если да, то КАК они любят»:) Пятачок (форум «Красота, здоровье, отдых: Медицина и здоровье»).

Лексема *слово* может дополняться названиями определенных субъектов. К ним прежде всего относятся звания лиц, несущих военную службу, причем в польском языке это не только лица с высшими воинскими званиями, но и простые солдаты, ср.: *слово офицера, slowo oficera, oficerskie slowo honoru, żołnierskie slowo honoru*. Данные формулы повышают в глазах адресата серьезность намерения говорящего и обязательность выполнения сказанного. Это связано с доверием к лицам, осуществляющим определенный вид деятельности и высокой общественной оценкой роли, которую они выполняют. Вместе с тем не исключается появление данных конструкций в ситуациях, в которых происходит отклонение от общепринятых представлений о чести военных:

— *Зачем тебе рисковать, таская такую сумму. Одна бумажка в кармане — и никаких проблем. Но обещай, после нашей ночи ты никогда больше не будешь ко мне приставать, и дело на Тимофея будет окончательно закрыто.*

— *Слово офицера.*

— *Хорошо. Не будем откладывать. Я иду за деньгами* (Л. Дворецкий).

Chłopcze od telefonu, masz moje Żołnierskie Slowo Honoru, jeżeli kiedyś Ciebie spotkam i rozpoznam, to obiecuję tak Ciebie przeszkolę z życia w społeczeństwie, że Twoi przodkowie to poczują. (форум 46451 — Piekieni.pl).

В русской разговорной речи для доказательства непременно-го осуществления обещанных действий используются также выражение *слово пацана*:

— *Вылезай, урод!* — кричит Градусов. — *Не тронем! Слово пацана!* (А. Иванов).

Это выражение отражает нормы поведения, принятые в среде так называемых настоящих парней, для которых несдержанное слово ведет к утрате репутации и самоуважения.

В русском языке до сих пор распространены формулы *честное пионерское*, *честное комсомольское*, *честное партийное*. В советские времена они свидетельствовали о принадлежности лица, дающего слово, к названным организациям. В. Пелевин в эссе «Зомбификация» пишет о выражении *честное пионерское*, что его произнесение «было надежной гарантией правдивости информации — примерно так в уголовной среде „дают зуб“, только „дающий зуб“ и нарушающий слово лишается зуба, а дающий „честное пионерское“ и нарушающий его оказывается наедине со своей разгневанной „пионерской совестью“ — социальной функцией, интериоризованной с помощью магии»³⁴.

В настоящее время вышеприведенные конструкции обладают особенностью выражать разные оттенки значения, в том числе иронические:

— *Слово даете? Майор и Пилия опять переглянулись.*

— *Честное пионерское!* — уверенно сказал майор (М. Гиголашвили).

Функционирующие в польской лингвокультуре подобные выражения соотносятся только с одной организацией — с харцерским движением: *slowo harcerza*, *harcerskie slowo honoru*. Вероятно, это связано с тем, что доверие поляков к организациям другого рода, особенно партийным, всегда было сильно ограниченным.

---

³⁴ В. Пелевин: *Зомбификация*. В: В. Пелевин: *Все повести и эссе*. Москва 2009, с. 371.

Некоторые глаголы, именующие целеустановку как в русском, так и польском повседневном общении, употребляются также с отрицанием.

В конструкциях с негацией используются глаголы *зарекаюсь* и *zarzekać się*:

*В этом году не буду, на следующий не зарекаюсь.
Я не зарекаюсь, что не полюблю никогда и никого, просто сейчас ситуация именно такая.*

Oczywiście, nie zarzekam się na przyszłość (все примеры из разговорной речи).

На базе структур с отрицанием актуализируются преимущественно перформативные глаголы *угрожать* и *grozić*:

Я вам не угрожаю. Я уже сказал, что просто разберусь, что к чему, и всё (из разговорной речи).

I nie grożę ci przecie żadnymi represjami (Т. Dołęga-Mostowicz).

Эти глаголы практически не употребляются в речи в перформативной функции, что связано со стремлением избежать конкретного именования в принципе нежелательного действия³⁵.

В русском языке только в отрицательных предложениях встречается перформативная форма глагола *сулить*. Она управляет именной группой с валентностью субъекта и содержания посула: *Я не сулю тебе наград; Я не сулю тебе рая*.

Глаголы *обещать* и *obietować* используются в отрицательных предложениях без дополнений. В их пределах они имеют несколько сдвинутое значение 'вряд ли удастся сделать то, о чем попросили'³⁶:

— *Позвонишь сегодня вечером?*

— *Не обещаю.*

— *To wpadniesz do nas na kolację?*

— *Nie obiecuję* (все примеры из разговорной речи).

³⁵ М.Г. Безяева: *Семантика...*, с. 720.

³⁶ *Новый объяснительный словарь...*, с. 691.

В обоих языках реализуется конструкция с этими глаголами и с модальным глаголом *mочь* / *móc* с отрицанием:

- *Приходи ко мне в гости. Будет все, как прежде.*
- *Пока не могу обещать;*
- *Załatwisz mi nowy silnik?*
- *Nie mogę obiecać, ale zrobię, co w mojej mocy;*
- *Przyjdiesz na mój koncert?*
- *Nie mogę obiecać, ale się postaram* (все примеры из разговорной речи).

Явные перформативы являются способом речевого действия, который можно определить как чрезмерно однозначный. На это указывал уже Дж. Остин³⁷. Не случайно классический перформатив типа *обещаю* / *obiecuję* считается лишь одним из возможных способов его реализации. По словам Н. Рябцевой, он является самоописанием, в связи с чем проникает в речь в виде нарративного режима, вызванного социальными нормами общения, ср. *Я обещаю прийти* vs. *Я приду*³⁸. Именно таким семантическим объемом с приданием ему генерализованного характера обладает заглавие сайта *Я сделаю это!*³⁹, где российские интернет-пользователи размещают обещания и клятвы, к которым прибегают в обыденном дискурсе.

В повседневной русской коммуникации в перформативном значении обещания функционирует базовый глагол речи *говорить*, в польской — глагол *mówić*. Появление этих глаголов в процессе речевой практики всегда свидетельствует о некоем семантическом приращении. В случае высказываний с интенцией комиссивности они определяют меру ответственности отправителя сообщения за

³⁷ S.C. Levinson: *Pragmatyka*. Przeł. T. Ciecierski, K. Stachowicz. Warszawa 2010, с. 271.

³⁸ Н.К. Рябцева: *Субъектные компоненты речи (к постановке проблемы)*. В: *Сокровенные смыслы...*, с. 456.

³⁹ Лозунг *Я сделаю это!* является переводческим эквивалентом предложения *I will do it!*, фигурирующего в интернет-адресе этого сайта (iwilldoit.ru).

его содержание⁴⁰. Это подтверждают диалогические реплики в реактивном регистре, так как обещание предполагает определенный нажим со стороны другого участника общения, ср.:

— *Zavtra надо, лучше даже сегодня, послать заявку (на конференцию).*

— *Ладно. Я говорю пошлю*, т.е. я обещаю, что пошлю заявку.

В польских диалогах появляется подобное оформление высказываний с глаголом *mówić*:

— *On się chyba z nią ożeni.*

— *Mówię ci, on ją puści kantem* (из разговорной речи).

В этом случае сама лексема *mówię* вводит контекст уверения. Можно предполагать, что адресат настолько доверяет автору фразы, что принимает его слова как бесспорное утверждение. От такого выражения остается только один шаг к популярному уверению *Daję słowo*. Данное слово может быть дороже денег, как говорит о нем в фильме „Все свои” известный герой польской комедийной кинотрилогии Павляк: „*Moje słowo droższe od pieniędzy*”. При этом здесь пресуппонируется отличие его слова от слов других, не столь честных людей, которым не следует верить.

В случаях, когда автор уверения не является достаточно rozpoznawаемым и уважаемым лицом, он старается дополнительно подчеркнуть значимость своих слов, обозначая эксплицитно свою позицию: *To ja, wójt, wam mówię!* Однако в мире комиссивов *mówić*, похожим образом, как и *obietować*, практически не дает никаких гарантий. Как нам кажется, именно поэтому оно широко используется также в языке политиков.

Небезынтересен в этом контексте тот факт, что глагол *говорить* «не может присутствовать в дескрипциях „сильных перформативов”, таких как клятвы, приказы, обвинения и т.п., поскольку в пе-

---

⁴⁰ О модификациях глаголов говорения в перформативных высказываниях пишут Д.О. Добровольский, Е.В. Падучева: *Высказывания от первого лица: семантика и прагматика*. В: *Моно-, диа-, полилог в разных языках и культурах*. Ред. Н.Д. Арутюнова. Москва 2010, с. 104—121.

рифрастических номинациях он тяготеет к семе «пустословие»⁴¹. Это утверждение Н. Арутюновой справедливо и по отношению к глаголу *mówić*.

В русском языке интенцию комиссивности передает также глагол *базарить*, используемый в значении ‘говорить’⁴². Примером может послужить полный текст клятвы интернет-пользователя на сайте *Я сделаю это!* Клятва, адресованная *Анастасии-великомученице*, выдержана в диалоговом воплощении:

*Базарю, что не буду материться. Иначе с тебя одно желание. Согласен. Ок*⁴³.

В разговорной системе общения реализация комиссивного смысла с помощью представленных выше глаголов речи не вызывает сомнений. В одном ряду с ними Е. Ширяев ставит также глагол слухового восприятия *слушать*. По мнению исследователя, модальный смысл обещания передают в русском языке конструкции с этим глаголом в форме повелительного наклонения *слушай*. В его интерпретации об этом свидетельствуют диалогические реплики следующего типа:

— *Надо окна затыкать, дует страшно.*

— *Да, ну слушай, завтра точно, т.е. я обещаю завтра заткнуть окна*⁴⁴.

Однако в высказываниях такого рода сигналы *слушай*, в том числе с усилительными лексемами *ну, но, так, да*, как и их польские аналоги *sluchaj* и *no, ale, a więc*, следует трактовать как фатические маркеры⁴⁵, поскольку их отсутствие по сути не меняет

⁴¹ Н.Д. Арутюнова: *Язык и мир человека...*, с. 644—645.

⁴² В.С. Елистратов: *Словарь русского арго*. Москва 2002.

⁴³ Во всех примерах, почерпнутых из Интернета, сохраняется орфография и пунктуация первоисточника.

⁴⁴ Е.Н. Ширяев: *Глаголы речи, восприятия и мысли...*, с. 459—466. Примеры диалогов с глаголами *говорить* и *слушать* почерпнуты из данной статьи.

⁴⁵ В частности, функционирование метатекстовых „слуховых” выражений в разговорной речи рассматривает А. Харциарек, см.: А. Charciarek: *Polskie*

смысла предложения. Находясь в сильной позиции начала реплики, они служат обращению внимания реципиента на последующую часть высказывания и часто интенсифицируют его. Обещание здесь выражает не метатекстовый маркер *слушай*, а нулевой глагол. Использование эллиптических форм, выполняющих различные функции и реализующихся в разных жанрах, принадлежит к обычному явлению в реальной речевой практике говорящих. Характер данной предметной ситуации позволяет на однозначное прочтение конструкции с нулевым глаголом как уверения в том, что окна будут заткнуты.

Глагол *слушать* / *śłuchać*, выступая в своем основном значении, в форме императива, иногда свидетельствуют о неравенстве участников общения, о бессилии адресанта и об отсутствии внимания со стороны слушателей:

— *Теперь слушайте меня! Теперь попробуйте не услышать!*
Глухими притворились! (С. Василенко).

— *Śłuchajcie mnie!*
Ale oni go nie słuchali (из разговорной речи).

Человек, который пользуется уважением и авторитетом у адресатов, не прибегает к таким категоричным требованиям — его и так будут слушать. Не слушая адресанта, ему не позволяют ни говорить, ни обещать, ни клясться, что свидетельствует об отсутствии вышеуказанных черт, т.е. уважения, авторитета и доверия.

О силе высказываний с пропозицией будущих действий без экспликации закрепленных за ними глаголов в перформативной функции можно судить, исходя из нескольких факторов. Это соответствующая интонация, контекст, использование вводных слов со значением *конечно* / *oczywiście* и целого ряда наречий. Среди них встречаются наречия *точно* / *na pewno*, которые в высказыва-

---

wyrażenia metatekstowe o funkcji fatycznej i ich odpowiedniki rosyjskie i czeskie. Katowice 2010, с. 119—141. Предметом исследования они стали также в работе З. Чапиги, см.: Z. Czapiга: *Rosyjskie operatory metatekstowe i ich polskie odpowiedniki.* Rzeszów 2006.

ниях, осложненных интенцией комиссивности⁴⁶, отражают предшествующие колебания говорящего или указывают на исчезновение обстоятельств, прежде мешающих осуществить намерение: *Теперь точно пойду на курс! / Teraz na pewno pójdę na kurs*. Такие наречия, как *обязательно, несомненно, непременно / obowiązkowo, bezwzględnie* свидетельствуют не только о принятом решении, но и о благоприятном развитии ситуации, что позволяет совершить действие: *Я обязательно приду / Przyjdę na pewno*.

Большинство из единиц, которые указывают на определенную интенсификацию высказываний с комиссивным характером, составляют слова и идиоматические выражения с разговорной окраской. В русском языке к ним относится широкий спектр языковых элементов. Одни оттеняют намерение совершить действие даже в случае появления разных препятствий и связанных с ними дополнительных усилий: *что бы там ни было, чего бы то ни стоило, во что бы то ни стало, хоть лопни, хоть тресни, хоть умри, кровь из зубов, кровь из носу*. Некоторые содержат призыв к адресату (*будь спок*). Другие из этих выражений указывают на абсолютную уверенность в осуществлении действия (*верняком, всепрямно, без всяких, без балды, как пить дать, железно, как штык, мертвяк, могила*), на его общепринятость в определенных ситуациях (*известно, известное дело, ясное дело, не иначе*), безоговорочную обязательность выполнения, подкрепляемую соотносением с круглой цифрой 100 (*сто процентно, стопудово, на все сто*). Проиллюстрируем отдельные из них:

- *Только ты никому не скажешь?*
- *Могила* (из разговорной речи).
- *Приходите завтра в два.*
- *Будем в четырнадцать ноль-ноль, как штык* (из разговорной речи).
- *Будь спок... Доставим в целости и сохранности!*
- *Вот и договорились. За мной не завянет* (А. Приставкин).

---

⁴⁶ М. Безяева включает отдельные из приведенных конструкций в более широкий круг выражения намерения говорящего, которые дополняются иными коммуникативными смыслами и взаимодействуют с другими целеустановками. См.: М.Г. Безяева: *Семантика...*, с. 681—691.

В польском повседневном общении в комиссивной функции выступают единицы, которые выражают безоговорочность (*bez dwóch zdań, ma się rozumieć*), полную уверенность в совершении будущих действий с привлечением цифры 100 (*na sto procent*), непоколебимую силу данного слова, связанную с твердостью (*na mur, mur-beton, murowane*), а также с особенными дружескими отношениями (*sztama*⁴⁷), например:

- *Przyjdiesz jutro na moje imieniny?*
- *Na sto procent.*
- *Dasz mi materiały, jeśli zorganizujesz?*
- *Sztama* (из разговорной речи).

В польских идиомах также отражается мнение о положительной репутации банковских учреждений (*na bank, masz to jak w banku*) либо наоборот (*jak w ruskim banku*). Приведем примеры из разговорной речи:

- *I co będzie z tymi zdjęciami?*
- *Masz jak w banku, że opublikuje je w Internecie.*
- *Oddałem to żonie na przechowanie.*
- *O! To masz to jak w „ruskim banku”.*

В последней реплике передается значение ‘уверяю, что больше никогда этого не увидишь’. Отметим, что в русском языке данным смыслом обладает идиоматическое выражение *как в китайском банке*.

Категория комиссивности реализуется не только в реактивном регистре диалогов, но и в монологических текстах. Здесь она проявляется в установке поведенческих мотивов человека по отношению к самому себе, в предъявлении к себе требований. В качестве сигналов интенции комиссивности в таких случаях могут

---

⁴⁷ Слово *sztama*, заимствованное из немецкого языка (*Stange* — ‘жердь’), в разговорной речи обозначает согласие, дружбу, особенный вид соглашения между людьми, см.: *Słownik wyrazów obcych*. Pod red. J. Kamińskiej-Szmaj. Wrocław 2002, с. 780.

использоваться специфичные средства. Рассмотрим их на примере широко известных планов на наступающий год Бриджит Джонс, героини романа Х. Филдинг. Этот жанр можно отнести к своего рода магическому, так как он обладает психотерапевтическим характером, направлен на изменение действительности и соотносится с определенной временной ситуацией — вхождением в новый год⁴⁸. Следование прагматическим правилам этого жанра, соотносимых с выражением стремлений субъекта, предполагает реализацию деонтической модальности. Это заметно в одном из русских переводов⁴⁹, в котором речевые формулы с модальным словом *должна* противопоставляются по линии отказа от предпочтений и намерения осуществления запланированного:

Чего я не должна делать:

— *Пить больше четырнадцати порций алкоголя в неделю.*

— *Курить.*

Что я должна сделать:

— *Бросить курить.*

— *Пить не больше четырнадцати порций алкоголя в неделю и т.д.*

В другом переводе рассматриваемый жанр обозначен как *новогодние резолюции*. Наряду с иным названием исчезает модальность долженствования, а вводится значение желательности, обусловленное семантикой неполнозначительного глагола *постараться*. Фрагменты с этим глаголом проиллюстрируем другими положениями:

Я постараюсь не:

Тратить больше чем зарабатываю.

Создавать дома бардак, наоборот, буду представлять себе, что за мной все время наблюдают.

---

⁴⁸ Эти и другие факторы, которые отличают магические тексты, приводит в своей книге А. Худзик. См.: А. Chudzik: *Mowane zachowania magiczne w ujęciu pragmatyczno-kognitywnym*. Kraków 2002, с. 57—59.

⁴⁹ Речь идет о «Дневнике Бриджит Джонс» Х. Филдинг в переводе А. Москвичева. Другой перевод выполнен Г. Багдасарян.

Я постараюсь

Очистить квартиру от всякого хлама.

*Копить и накопить деньги. Возмо́ж. также даже начать де-
лать взносы в пенсионный фонд и др.*

Таким образом, в этом случае сущность жанра заключается в моделировании желаний.

Как в тексте оригинала, так и в его польском переводе⁵⁰ заметна большая категоричность, выраженная глаголом будущего времени с отрицанием и без:

I will not

Drink more than fourteen alcohol units a week.

I will

Drink no more than fourteen alcohol units a week.

Nie będę

Pozwalać, żeby na biurku rosła gruda papierów.

Będę

Wyrzucać wszystkie niepotrzebne rzeczy и т.п.

Конструкции с формой глагола в будущем времени воспринимаются как добровольно принимаемые на себя обязательства. Таким образом, реализация семантического слоя данного „магического” жанра происходит с помощью разных структур и разного типа речевых действий.

Словесный инвентарь коммуникативной организации бытового дискурса отличается, несомненно, разнообразием. Имеем здесь в виду выражение общей прагматической целеустановки комиссивных жанров, в которых задействованы две стороны, принимающие на себя обязательства. Так, в жанре *пари* наряду с его перформативным показателем в русском языке *держу (предлагаю) пари* часто эксплицируются иные варианты вербального оформления интенции: *спорим (на)...*, *давай поспорим (на)...*, *давай спорить (на)...*, *(а) слабо...?* Все они отражают коммуникативную доминант-

⁵⁰ H. Fielding: *Dziennik Bridget Jones*. Tłum. Z. Naczyńska. Poznań 1996, с. 7—8.

ность инициатора пари и его стремление повлиять на ход мыслей собеседника, побуждая его к определенным действиям. Это подтверждает фрагмент имитирующей повседневную речь текста под значимым заглавием «*А слабо? Одна история двух сердец*»⁵¹, который построен на обыгрывании жанра *пари*:

— *А спорим, я быстрее тебя читаю?* — предложил он ей.

— *Хахаха, — приняла она пари. — Вот будут проверять технику чтения и посмотрим. Если я быстрее — будешь мой портфель до дому и до школы таскать всю неделю.*

— *А если я — отдаешь мне свои яблоки всю неделю!* — согласился он.

Потом он пыхтел по дороге с двумя ранцами и бурчал:

— *Ну и что! Зато ты не забываешь, что читаешь и пишешь медленно. Спорим?...*

— *А давай поиграем,* — предложил он. — *Как будто бы я рыцарь, а ты как будто бы дама сердца.*

— *Дурак, — почему-то обиделась она.*

— *Слабо? — засмеялся он. — Слабо смущаться при виде меня? И дураком не обзывать тоже слабо.*

— *И ничего не слабо, — повелась она. — Тогда вот чего. Ты меня тоже душой не обзываешь и защищаешь.*

— *Само собой, — кивнул он. — А ты мне алгебру решаешь. Не рыцарское это дело.*

— *А ты мне сочинения пишешь, — хихикнула она. — Врать и сочинять — как раз рыцарское дело.*

Разговорная частица *слабо*⁵² как выражение вызова, сомнения в чем-либо или недоверия к чему-либо с подстреканием доказать подчеркивает игровую сторону жанра *пари*, объективируют признак азарта как мотивации заключения пари. Вовлечение же лексемы *спорить* в контекст *пари* связано с тем, что в русской лингвокультуре этот жанр считается одним из видов спора⁵³. Язык отражает это в глагольной-именной группе *спорить на пари*.

⁵¹ <http://di-via.ru/post194211917/> [доступ: октябрь 2013].

⁵² Т.Ф. Ефремова: *Новый словарь русского языка...*

⁵³ Е.Н. Горбачева: *Речевой жанр «пари» / «betting»...*

В польском языково-культурном пространстве ближайшим ответствием жанров и *пари*, и *заклад* является жанр *zakład*, который также рассматривается в категориях спора. Причем если для заклада обязательным является предоставление какой-либо вещи, а для пари это может быть и совершение какого-то действия, то для польского жанра *zakład* выполнение какого-либо обязательства не является необходимым показателем его реализации. В нем остается наличие выбора. Этим обуславливается то, что в высказываниях, формирующих отношения данного рода, в польской лингвокультуре появляется жанровый маркер *zakład*, а в русской среде — обозначение действия, которое связано со спором:

— *I co, wejdą tu ci ludzie czy nie? Zakład?*

— *Zakład.*

— *Давай поспорим, войдут сюда эти люди или нет?*

— *Давай* (из разговорной речи).

На типы отношений разговорного диалогического общения указывают обозначения речевых действий, выраженных возвратными глаголами с общим значением ‘прийти к соглашению в результате переговоров’. К ним относятся глаголы *условиться*, *сговориться*, *уговориться* и самый распространенный в обыденной речи — *договориться*. Здесь не наблюдается взаимоперемещение письменных и устных жанров: *договориться* — это не то же самое, что *подписать договор*.

Подобным образом устный характер речевых действий прослеживается в употреблении возвратного глагола *подписаться* в значении ‘договориться с кем-либо о чем-либо’. Он безоговорочно относится к глагольному ряду, в котором находит отражение диалогическая форма разговорной речи, и не может приравняться к сочетанию *дать подписку*, так как оно обозначает ‘дать письменное обязательство в чем-либо’, т.е. связано исключительно с письменной формой.

Для польской разговорной речи типичны в этом плане глагольные номинации *umówić się*, *dogadać się*, *porozumieć się*, обозначающие приход к соглашению по какому-то вопросу. При этом

в обоих анализируемых языках интенциональное содержание коммиссивности реализуется прежде всего в форме глаголов прошедшего времени: *dogovorились, uговорились, (w końcu) dogadaliśmy się, porozumieliśmy się, umówiliśmy się*, но глагол *umówić się* выступает также в конструкции *jesteśmy umówieni*, выражающей отношения настоящего времени:

— *Ja jutro jadę do miasta załatwiać papiery, a ty zostajesz na miejscu i pilnujesz ludzi.*

— *No to jesteśmy umówieni* (из разговорной речи).

При формировании целеустановки договора в русском языке используются также сленговые или просторечные лексические единицы, которые реализуют коммуникативные параметры договоренности, в том числе с большой дозой уверенности в совершении принятых решений. К ним относятся глаголы со значением достижения результата действия: *застолбить* ‘договориться о чем-нибудь’, *забить* ‘договориться, обычно о встрече, с кем-нибудь’, *запрессовать* ‘окончательно твердо договориться о чем-либо’, *зашить* ‘принять какое-либо твердое решение’⁵⁴. Примеры их употребления находим в следующих диалогах:

— *Ну что, едем завтра в горы?*

— *Застолбили.*

— *Зайдешь в воскресенье?*

— *Запрессовали.*

Кроме того, в предикативном значении ‘хорошо, ладно, согласен, договорились’ выступают слова *заколото, заметано, забито*, а также производные от слова *лады* — *ладёр, ладушки, ладышки*⁵⁵:

— *Работаем завтра вместе, как договаривались?*

— *Заметано* (из разговорной речи).

---

⁵⁴ Дефиниции приводятся по: Т.Г. Никитина: *Толковый словарь...*, с. 192, 220, 225, 233.

⁵⁵ Там же. См. также Д.И. Квеселевич: *Толковый словарь ненормативной лексики русского языка*. Москва 2003.

— *Подработаете?*

— *Подработаю, — после долгого и напряженного молчания прозвучал голос Владимира Ланкина, и обещанию предшествовал вздох.*

— *Ну и лады... Значит, приходим к общему мнению* (А. Азольский).

В польском языке этот тип значения передается несколькими структурами, выражающими договоренность и готовность к действиям, например, *umowa stoi, w porządku*.

— *Ależ oczywiście, panie Antoni, z przyjemnością pomożemy dzieciakom, przecież to właśnie nasza misja: uczyć o Polsce i szerzyć wśród Amerykanów polską kulturę — powiedział uradowany Rachwański.*

— *Doskonale, no to przyjmuję pana propozycję. Umowa stoi.* (Р. Никлевич).

— *Jutro razem gotujemy obiad. Może być?*

— *W porządku* (из разговорной речи).

Таким образом, обыденный дискурс как в русском, так и польском языках отличает широкий спектр различных средств, выражающих интенцию комиссивности. Рассмотрение речевых действий, из которых строятся жанрово-оформленные модели, обнаруживает различные варианты их языкового воплощения в контексте реальной коммуникации и социально-диалогической природы речевых жанров. Эти варианты обладают разной степенью усиления или ослабления присущего им комиссивного интенционального характера.

Среди ряда средств с функцией номинации интенции комиссивности в повседневном общении выделяются собственно перформативные глаголы, из которых наибольшей фреквентностью в русском языке отличаются *обещать, клясться, зарекаться, заверять*, в польском — *obiecywać, przysięgać, zarzekać się, zapewniać*. Наряду с ними довольно распространены перифрастические наименования: *давать слово, держать пари, dawać słowo, iść o zakład*. Данные единицы отвечают всем требованиям, выдвигаемым по отно-

шению к номинациям речевых интенций, и формируют речеповеденческий статус обозначаемых ими действий. Они непосредственно выражают цель высказывания, именуя жанровые типы коммуникации: *обещание, клятва, зарок, слово* ('то же, что обещание'), *napu / obietnica, przysięga, zarzekanie się, słowo, zakład*. Целеустановка русского жанра *посул* допускается в перформативном употреблении только в конструкциях с негацией. К лексически раскрытым экспликациям относятся также такие коммуникативные задания, как *обязательство, гарантия, декларация / zobowiązanie, gwarancja, deklaracja*. При этом в русском и польском быденном дискурсе частотность употребления соответствующих перформативных глаголов и их контекстуальные нюансы несколько иные.

Кроме классических перформативов, коммуникативное намерение комиссивности определяют идиоматические конструкции *жив не буду, jak bum syk syk* и т.д. Интенциональное значение и иллюкутивный смысл позволяют отнести их к прямым реализациям *клятвы, божбы и обещания* в русском языке и таких речевых образований, как *przysięga* и *obietnica* в польском.

Равенство произнесения и действия, проявляемое на глубинном уровне, свойственно также так называемым семантическим перформативам, к которым относятся выражения *честное слово, честное пионерское, слово пацана, słowo honoru, słowo harcerza, żołnierskie (oficerskie) słowo honoru* и др.

Меньшей категоричностью обладают широко используемые в разговорной речи структуры с глаголами *говорить* и *mówić*, которые выступают в роли маркера обещания. Высказывания с глаголом в будущем времени, называющие пропозицию будущих действий, в зависимости от контекстуальных обусловленностей понимаются как обещания или угрозы. Более высокий ранг придают им интенсификаторы: собственно-характеризующие наречия степени и клишированные сочетания, обозначающие различные оттенки ангажированности адресата как в речевые, так и в последующие действия.

Взаимные обещания или обязательства сторон по отношению к чему-либо обозначают интенции договоренности. Во многом они совмещаются с интенцией соглашения. Это заметно уже в дефи-

ниях жанров, соотносимых с договоренностью: *условия* (устного соглашения о чем-нибудь), *уговора* (взаимного соглашения о чем-нибудь) и *сговора* (соглашения в результате переговоров). Все оттенки значения этих жанров передаются в польской разговорной речи в разных реализациях жанра *umowa*. В своей структуре и русские, и польские жанры содержат глаголы, лежащие в основе их создания (*договориться, условиться, umówić się*), глаголы, которые формируют значение комиссивности в своей вторичной функции (*застолбить, зашить, dogadać się*), а также предикативы (*заколото, лады, w porządku*).

Особенностью таких комиссивных жанров, как *новогодние резолюции / postanowienia noworoczne* является то, что они в русском языке способны осложняться интенциями требования или желания, в польском же — обязательности. В свою очередь, жанры *пари, заклад / zakład* обнаруживают свою близость со спором, причем, как показывают контексты, польский жанр *zakład* может к нему приравниваться.

Рассмотренные типы соотносимых с комиссивностью языковых единиц способствуют выявлению непосредственной связи языка и речи. В лексических и фразеологических средствах объективируются конститутивные признаки комиссивных речевых жанров, родословная которых тесно связана с соответствующими речевыми актами. Их реализация в повседневном общении обладает ярким набором характеристик, которые способны показать многообразие и сложность человеческой коммуникации.

3. Аксиологические ценности комиссивных жанров в культурно-историческом контексте

Культурная обусловленность жанровой организации речевой деятельности тесно связана с системой ценностных установок, которые характерны для того или иного общества на определенном этапе своей истории. Соотнесение жанровых образцов с типичными коммуникативными и культурными ситуациями во многом предопределяет отражение в них реалий определенной эпохи, ее идеологии, способа видения и интерпретации действительности. „Человеческие культуры оценочны по своей сути, идеологической или мифологической оценочностью пронизаны все аспекты культуры”, — справедливо замечает В. Дементьев⁵⁶.

В исследованиях К. Лоренца⁵⁷, в которых описываются обычаи в мире животных и культурно обусловленные ритуалы в практике человеческой деятельности, особо подчеркивается тот факт, что все почитаемое людьми в области традиции не представляет собой абсолютной этической ценности, а признается священным в границах определенной культурной общности. Вместе с тем без понимания ритуала как ценности самой в себе и без общей для парт-

---

⁵⁶ В.В. Дементьев. *Теория...*, с. 270.

⁵⁷ К. Lorenz: *Rytuały zwierzęce i kulturowe*. W: *Antropologia widowisk. Zagadnienia i wybór tekstów*. Red. L. Kolankiewicz. Warszawa 2010, с. 114—115.

неров ритуальной основы, проецирующей не только веру и право, но и магический страх в случае нарушения слова, не обязывало бы связывание себя обещанием или клятвой и следование положениям договоров.

В философской повести Вольтера „Простодушный” ее главный герой, воспитанный вдали от европейской цивилизации и попавший во Францию, искренне удивляется, что для женитьбы необходимы „нотариусы, священники, свидетели, договоры, дозволения”⁵⁸. По его мнению, такие предосторожности нужны только бесчестным людям. В ответ ему стараются доказать, что такие законы придумали лучшие представители человечества, а без договорных отношений естественное право обратилось бы в разбой.

Каждый человек может стараться определить для себя собственное *summum bonum*, однако достижение консенсуса на уровне даже небольшого социума может оказаться задачей, которую трудно осуществить. Для одних людей наибольшую ценность представляет человеческая жизнь, для других материальные блага. Одни выше всего ценят Родину, другие готовы пожертвовать ею для предотвращения войны. Многие наивысшей ценностью считают Бога, но также большая часть общества относит к ней собственную семью. Среди такого разнообразия устремлений необходимым является старание прийти к согласию как в билатеральных, так и многосторонних отношениях. Однако история человечества — это одновременно также история данных и несдержанных обещаний, заключенных и нарушенных договоров, подписанных и неосуществленных соглашений.

Соотносимые с речевыми жанрами речевые действия, по словам Н. Арутюновой, характеризуются не только тем, что им свойственны явные и скрытые намерения, цели, мотивы, прямые и косвенные результаты, следствия, эффекты, но и оценки — утилитарные и этические. „Человек несет ответственность и за речевые, и за неречевые действия: и те и другие могут служить осно-

---

⁵⁸ Вольтер: *Простодушный*. http://www.loveread.ec/view_global.php?id=2504 [доступ: ноябрь 2013].

ванием для обвинения, и те и другие нуждаются в оправдании”⁵⁹, — подчеркивает ученая.

Используя тот или иной вид комиссивных жанров, человек может действовать во имя благих намерений или же низменных побуждений, без злого умысла или же наоборот, с целью сдержать свое слово или предполагая, а даже более того, полностью осознавая невозможность или нежелательность его выполнения. Обещая принять на себя обязательство или принимая его, он стремится достичь поставленной цели, ради которой готов сделать то, что декларирует, либо же способен на вероломство и нарушение данного слова. В таком случае высказывание не рассматривается в категориях истина — ложь, поскольку истинность сообщаемого не подвергается, как правило, верификации. Это вызвано искренней или неискренней трансляцией ценностей, что является результатом проведенного отправителем информации ценностного анализа. Именно поэтому такое важное значение имеет для рассматриваемых нами комиссивных жанров аксиологическая проблематика. Несмотря на то, что сама аксиология как одна из отраслей науки является довольно молодой, дискуссия, касающаяся того, что в жизни человека считать самым важным и ценным, продолжается в философии с древних времен.

В философию уходят своими корнями и лингвистические изыскания, относящиеся к проявлению в языке ценностных значений⁶⁰. Существенным здесь оказываются критерии их типологии (в том числе по линии адресант — адресат, адресант — субъект оценки), иерархии, функции, выявления их роли в культуре. Польская исследовательница Я. Пузынина, учитывая предыдущие предложения в этой области, подразделяет положительные и отрицательные ценности на инструментальные и абсолютные. Абсолютные охватывают трансцендентные, познавательные, эстетиче-

---

⁵⁹ Н.Д. Арутюнова: *От редактора*. В: *Логический анализ языка. Язык речевых...*, с. 3.

⁶⁰ Н.Д. Арутюнова: *Аксиология в механизмах жизни и языка*. В: *Проблемы структурной лингвистики*. 1982. Москва 1984, с. 5—23; Е.М. Вольф: *Функциональная семантика оценки*. Москва 2002.

ские, социальные, моральные, витальные и гедонистические ценности⁶¹.

Ценности коррелируют с разными уровнями описания жанров. Они связаны не только с самим миром человека, событий, предметов, способами его представления, но и с функционально-прагматическими категориями, охватывающими участников коммуникации, интенциональный смысл и ситуацию общения⁶². Попытаемся проследить, какие из ценностей и каким образом преломляются в отдельных комиссивных жанрах. Обратим внимание также на то, как они воспринимаются, а что за этим следует, как оцениваются в жанровом сознании представителей русского и польского культурно-языковых социумов.

Как уже было отмечено, с ценностным пластом связаны уже сами номинации некоторых комиссивных жанров на этимологическом уровне. К примеру, в один ряд со словами *сягать*, *досыгать*, *достигать*, *осызать*, *сажень* / *sięgać*, *dosięgać*, *sążen* ставятся обозначения *присяга* и *przysięga*. В этом раскрывается глубокий смысл: славянин, давая присягу, дотрагивался рукой до земли, дотягивался до нее. Крестоцелование в случае божбы или клятвы придавало сказанному особую, священную значимость. Скрепляя договор крестным целованием, давали свидетельство тому, что без „внедоговорного божественного авторитета он недостаточно гарантирован”⁶³. Прикосновение к сакральному предмету (к примеру, положение руки на Библию, на Конституцию) до сих пор подтверждает верность данному слову и подчеркивает всегда существовавшую дистанцию между человеком и святыней, достижение которой требует особых усилий.

С прикасанием земли рукой, т.е. с действием по глаголу *клонить*, связано происхождение слов *клятва* и *klątwa*. Вместе с тем отмечается, что эти названия напрямую соотносятся со словом *клятой*, т.е. бес, нечистый. Тот, кто говорил неправду или не сдер-

⁶¹ J. Puzynina: *Język wartości*. Warszawa 1992.

⁶² S. Niebrzegowska-Bartmińska: *Miejsce wartości w opisie gatunków mowy*. В: *Język a kultura*. Т. 23. *Akty i gatunki mowy...*, с. 36.

⁶³ Ю.М. Лотман: „Договор”..., с. 81.

живал слова, преступал границу между собой и бесом и проклинал самого себя⁶⁴. Не случайно поэтому в современном польском языке у слова *klątwa* осталось значение ‘проклятие, анафема’.

Этимологической прозрачностью отличаются наименования *божба* и *bożenie*, образованные от слова *Бог* (*Bóg*). Интересно однако отметить, что клятва именем Бога как наивысшей метафизической ценностью претерпела семантические изменения. В одной из словарных статей, приводящей дефиницию слов *божба* и *божиться*, дается комментарий, согласно которому *божба* „не повышает доверия к субъекту речи; напротив, может вызвать подозрение в сомнительности утверждаемого или обещаемого. В общении с благочестивыми людьми производит дурное впечатление”⁶⁵.

М. Бахтин, в аспекте исследования творчества Ф. Рабле, говорит о *божбе* как о фамильярно-площадном жанре и перечисляет ее наравне с ругательствами, проклятиями и непристойностями, т.е. проявлениями неофициальных элементов речи⁶⁶. Этот жанрово-семантический сдвиг произошел, по словам ученого, в силу нарушения текстами такого рода речевых норм официальных сфер. В настоящее время *божба* обозначает прежде всего уверение, принятое в среде преступников.

Из языка польской публицистики в качестве названия для одного из типов гражданско-правового договора вошло в широкий обиход сочетание *umowa śmieciowa*. Прилагательное *śmieciowy*, образованное от слова *śmieci* (*śmiecie*) — ‘мусор’, содержит отрицательную оценку договора, заключаемого во многом с целью обойти положения закона и на условиях, выгодных главным образом для работодателя.

Другие прилагательные, которые сочетаются с названиями жанров, коннотируют положительные признаки. Это относится к выражениям *джентельменский договор* (*джентельменское соглашение*) и *umowa dżentelmeńska* (*porozumienie dżentelmeńskie*).

⁶⁴ А. Engelking: *Kłątwa. Rzecz o ludowej magii słowa*. Wrocław 2000, с. 101.

⁶⁵ Н.Н Романова, А.В. Филиппов: *Словарь. Культура речевого общения: этика, прагматика, психология*. Москва 2009.

⁶⁶ М.М. Бахтин: *Творчество Франсуа Рабле...*

Ценностные и эмоциональные элементы, присущие образу джентельмена в британской лингвокультуре, переносятся в определенной степени на представления о нем как в русском, так и в польском социуме. Ключевыми из них признаются следование кодексу чести, благородство и порядочность. Именно эти черты гарантируют выполнение взятых на себя обязательств участниками официальных устных договорных отношений, определяемых вышеприведенным образом.

Кроме того, в русском языке прилагательное в обозначении *рыцарский обет* относится не только к среде рыцарства, как в польском выражении *śluby rycerskie*, но также к действиям людей, для которых важен рыцарский эпос средних веков в сфере принимаемых на себя обязательств.

Таким образом, в некоторых названиях комиссивных жанров прослеживается воплощение ценностей. Свое отражение оно находит также на интерактивном уровне. Можно сказать, что каждое комиссивное речевое действие уже само по себе является ценностным, как в положительном, так и в отрицательном плане. К примеру, если ребенок говорит, что больше не будет обманывать, то для его родителей такая информация несет ценность, хотя скорее всего небольшую, поскольку оценивается адресатом сквозь призму возрастных различий, морального развития и жизненного опыта. Здесь явно предполагается и допускается возможность расхождения слов с делами.

Изначально в славянской традиции пользоваться словами для обмана было разрешено при заключении договора с дьявольской силой или с ее языческими воплощениями. Ю. Лотман отмечает, что договор такого рода лишен ореола культурной ценности, причем его соблюдение считается греховным, а нарушение — спасительным⁶⁷.

---

⁶⁷ Ю.М. Лотман: „Договор”..., с. 381. Мотив несоблюдения условий договора с нечистой силой или с земным адекватом (животным) с помощью обмана или хитрости отражается в литературных произведениях. В русской культуре среди них можно отметить „Житие Иоанна Новгородского” (см.: А.М. Ранчин: „Житие Иоанна Новгородского” В: *История древнерусской литературы. Аналитическое пособие*. Москва 2008, с. 348—355), народные сказки „Мужик и медведь”,

В деловой сфере принятие обязательств, которые оформляются разного рода контрактами и договорами, относится в частности к материальным ценностям, например, к обладанию квартирой или домом. Причем независимо от того, на какую сумму заключен договор, его реальная ценность гораздо выше — ручаются всем имеющимся имуществом. При ипотечном кредите мы обязуемся выплатить его в обмен на утилитарные и инструментальные ценности. Осознание последствий неисполнения обязательств, оговоренных в текстах договоров, предопределяет наибольшую строгость в их выполнении. Такая ответственность вызвана непосредственной угрозой начисления процентов при отсрочке платежа или появлением судебного пристава-исполнителя. Поэтому не вызывает особого удивления, что одна из публицистических статей в польской прессе, поднимающая эту тематику, озаглавлена при помощи трансформированной фраземы *Tak mi dopomóż bank*⁶⁸. Здесь обыгрывается заключительная формулировка официальных польских клятв и присяг *Tak mi dopomóż Bóg* (в приблизительном переводе *И да поможет мне / нам Бог!*). Прежде она была обязательной, за исключением практически всего социалистического периода в жизни Польши — до 1947 года этими словами заканчивались воинская и президентская присяги, а теперь является факультативной. Знаменательно, что взывание к Богу как высшей силе и абсолютной ценности, связанное с просьбой человека придать ему силы в осуществлении взятых на себя обязательств, заменяется в заглавии статьи экспликацией названия финансового учреждения, ставшего в настоящее время неотъемлемым элементом бытия.

„Змей и цыган”. Легенду о том, как пан Твардовский хотел перехитрить дьявола, описывает в своей балладе „Пани Твардовская” А. Мицкевич. Как в сюжетах западноевропейской традиции, где отмечается сдержанное слово, данного сатане, соблюдает условия сделки с дьяволом главная героиня романа М. Булгакова „Мастер и Маргарита”.

⁶⁸ Статья под таким заглавием была опубликована в периодическом издании „Wysokie obcasy”, 28.06. 2012. См.: Z. Ziomecka: *Tak mi dopomóż bank*. http://www.wysokieobcasy.pl/wysokie-obcasy/1,96856,11982975,Tak_mi_dopomoz_bank.html [доступ: март 2013].

Неоспоримую весомость данное слово приобретает на государственном уровне, особенно если речь идет о международных отношениях. Истории однако известны случаи, когда принятые на себя одной из договаривающихся сторон обязательства не были исполнены. В то же время признается, что ответственность за обещанное довольно высока в преступной среде. Причина этого заключается „не в высокой нравственности (по отношению к законопослушным гражданам эти ценности абсолютно не соблюдаются), а в том, что за нарушение криминальной идеологии следует нести ответственность и более сурово, чем по законам правового государства”⁶⁹.

Убеждение о выполнении обещанного среди преступников обусловлено жестокими нравами и неизбежным наказанием в случае несдержания данного слова. Совершенно иной мотивацией руководствуются порядочные люди, для которых выполнение обязательств является делом чести. Поэтому в определенных кругах функционируют отражающие данное признание ценностей пословицы *Ugówor дороже денег; Słowo droższe od pieniędzy; Słowo się rzekło, kobyłka u plotu*. К основополагающим принципам международного и гражданского права относится латинское выражение *Pacta sunt servanda* — ‘договоры должны соблюдаться’. Положительно характеризуются лица с четкими установлениями по выполнению взятых на себя обязательств: *Человек слова: сказал — и сделал; Пацан сказал — пацан сделал*. Противоположная нормативно-этическая оценка с иронической окраской речеповеденческих действий наблюдается, например, во фразе (*Хозяин своего слова*): *слово дал — слово взял*. Крылатыми в русском языке стали слова В. Черномырдина: *Да, я обещал, но я же не сделал!*

Как уже было нами отмечено, о проекции интенции обещаний и обязательств говорится и в более глобальном плане. В таком случае в текстовых образованиях, характерных для определенных типов дискурса, не обязательно наличие глагола

---

⁶⁹ А.М. Столяренко: *Прикладная юридическая психология*. (Раздел: *Психология криминальной среды*). Москва 2001. http://society.polbu.ru/legal_przychology/ch18_all.html [доступ: октябрь 2012].

в перформативной функции⁷⁰. К примеру, в позднюю социалистическую эпоху с характерным для нее дефицитом была популярна фраза *Обещали привезти / Obiecali dostarczyć*. В ней отчетливо выражаются неизвестность отправителя информации, размытость его ответственности, а также неопределенность самого обещанного, что было продиктовано широкой экстралингвистической ситуацией. В то же время функционировало неписаное соглашение, в основе которого лежал принцип *Ты — мне, я — тебе / Coś za coś*, раскрываемый как принятие на себя определенного рода обязательств по обмену труднодоступными в застойный период материальными и нематериальными благами.

Эти высказывания можно признать коммуникемами, под которыми понимаются единицы, „служащие реакцией на различного рода факты объективной действительности и выполняющие в языке прагматические функции”⁷¹. В свою очередь, они могут входить в новые, часто неожиданные контексты. Переигрывая в жанре афоризма характерные для воровского жаргона две формулировки божбы, известный писатель-сатирик В. Шендерович так определяет мировоззренческую позицию и поведенческую норму общества сегодняшней России: «*Клятвы „век воли не видать” и „сукой буду” у нас может смело давать любой*». Конечно, в цитируемых фразах исчезает пресуппозиция условного наклонения с потенциальными причинно-следственными отношениями (т.е. в случае, если я говорю неправду или чего-то не сделаю, то мне *век воли не видать* или же *сукой буду*), но их декларативность в новом текстовом окружении приобретает более универсальный смысл и яркую оценочность.

Данный ракурс аксиологической интерпретации неразрывно связан с релятивно-нормативной стороной разнообразной жиз-

---

⁷⁰ Иное употребление глаголов, лежащих в основе перформативных высказываний, т.е. их употребление в форме прошедшего или будущего времени в любом лице, кроме первого единственного числа, предопределяет объективизацию выражения действия и информативность высказывания без силы изменения действительности. См.: J. Bartmiński, S. Niebrzegowska-Bartmińska: *Tekstologia...*, с. 123.

⁷¹ В.Ю. Меликян: *Словарь. Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи*. Москва 2001, с. 6—7.

недеятельности человека. Формирование оценки декларируемых действий не происходит изолировано от выбираемых субъектом речи комиссивных жанровых форм. Отдельного внимания поэтому заслуживает вопрос об интенсифицированности, направленности коммуникативного акта и условий его реализации, усиления иллокутивной силы и перлокутивного эффекта в зависимости от глагола, который лег в основу жанра. Но не только, так как их пределы расширяются за счет квазиперформативов и перифрастических наименований. То, что приемлемо как обещание, недопустимо, к примеру, в качестве клятвы, в которой изначально содержится ссылка на высшую силу. Никто ведь не требует того, чтобы кто-либо поклялся в том, что будет себя хорошо вести или постарается что-либо сделать — это можно преимущественно обещать. И наоборот, предложение заменить глагол *клянусь* на *обещаю* в тексте российской воинской присяги⁷² вызвало огромное неприятие из-за осознания разной степени их интенсивности, коннотируемых эмоций и производимого перлокутивного эффекта.

Однако даже несдержанное обещание с моральной точки зрения несет за собой некоторые последствия: за это можно стыдиться, упрекать и хулить. Д. Юм утверждал: „Мы порицаем всякий обман, всякое нарушение слова, потому что считаем, что свобода и широта общения между людьми находятся в полной зависимости от верности обещания”. В то же время распространено осознание того, что можно *давать пустые, ложные, несбыточные, туманные, щедрые, красивые, громкие обещания*. Негативная оценка присуща ряду фразеологических сочетаний, соотносимых с функционированием обещаний в культуре: *кормить обещаниями, обещать (сулить) золотые горы, наобещать с три короба*. Низкая прогнозируемость выполнения обещания фиксируется в пословицах и крылатых выражениях: *обещанного три года*

---

⁷² Речь идет о намерении члена Общественной палаты России А. Пчелинцева внести в Госдуму законопроект о замене в тексте воинской присяги слов „клянусь” на „обещаю”, о котором стало известно в декабре 2012 года. По мнению этого юриста, произнесение данного слова вступает в противоречие с религиозными взглядами части военнослужащих. См.: http://www.bbc.co.uk/russian/russia/2012/12/121224_russia_military_oath.shtml [доступ: декабрь 2012].

ждут; обещаниями сыт не будешь; обещать не значит жениться; не можешь сделать, хоть пообещай; обещания как корка от пирога: долго не живут⁷³.

В польском языке также отмечается обилие прилагательных, выражающих оценки разного рода — от утилитарных до эстетических. По оценочной шкале они предполагают коннотацию контекстуального смысла в сторону знака минус (ср. *puste, nieziszczalne, ponętne, piękne obietnice*). Неосуществимость, ирреальность обещаний зафиксирована во фразеологизмах: *obiecować gwiazdkę z nieba, obiecować złote góry*. В связи с этим небезынтересна реакция оппозиции на одно из выступлений польского премьер-министра Дональда Туска, в котором он намечает планы на будущее, а также на последующие за этим заседания министров. Реакцию критики выражает наименование *festiwal pustych obietnic*⁷⁴. Здесь слово *festiwal* с яркой положительной коннотацией, создающей чувство праздника, вступает в некое противоречие с сочетанием *puste obietnice*, обозначающим чисто словесное наполнение⁷⁵ и несущим эмоциональный заряд недоверия по отношению к тому, кто обещает. Такое столкновение придает оценке ироничную и насмешливую окраску. Оценка становится более язвительной, если учесть, что предлагается расшифровывать название правящей партии *PO — Platforma Obywatelska* как *puste obietnice*, по совпадению первых букв.

Все это явно свидетельствует о том, что действительная значимость обещаний невелика. Как русский, так и польский язык работали на базе обещания его жанровые разновидности, *посул* и *obiecanka*, в дефиниции которых уже содержится указание на их ненадежность и на то, что на их выполнение нельзя рассчиты-

---

⁷³ Об их закреплённости в языковом сознании носителей русского языка свидетельствует наличие многих из приведенных выражений в ассоциативных словарях. См., к примеру: Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов: *Русский ассоциативный словарь*. В 2 томах. Т. 1. Москва 2002.

⁷⁴ См., к примеру, статью, озаглавленную *Konferencje ministrów to „festiwal pustych obietnic”*. <http://www.bankier.pl/wiadomosc/Konferencje-ministrow-to-festiwal-pustych-obietnic-2661547.html> [доступ: октябрь 2012].

⁷⁵ *Новый объяснительный словарь...*, с. 688.

вать. Это нашло свое отражение в пословицах: *На посуле, как на стуле: посидишь, да и встанешь, Из посула шубы не сошьешь, Не сули бычка, дай чашку молочка, Не сули журавля в небе, а дай синицу в руки; Obiecanki-cacanki, a głupiemu radość.*

В частной и личной жизни та или иная комиссивная форма выбирается в большинстве случаев спонтанно, реже — преднамеренно. Обещания, в разной степени граничащие с обязательствами, принимаются по отношению к самому себе или к близким. Человек дает их по собственной воле и по своему желанию либо его вынуждают это сделать при разных обстоятельствах. То, что он обещает, может быть вызвано чрезвычайно возвышенным состоянием, возбуждением, страхом, отчаянием. Это во многом свойственно также жанру *клятва* и польскому жанру *przysięga* в обыденной речи. К примеру, слова клятвы в любви *Клянусь при свете луны, что всегда буду любить тебя / Klnę się w blasku księżycy, że zawsze będę Cię kochał* несут прежде всего эмоциональную ценность.

Жанры *клятва* и *przysięga* подкрепляются наиболее важным и святым для человека, так как клянутся как бы перед высшей силой в отличие от того, что обязываются перед людьми⁷⁶. Актуализируемые формы клятв в русской лингвокультуре соотносятся с религиозными ценностями (*Бог, Христос, крест, святая пятница, святой образ, силы небесные*), семейными (*мать, дети, сын, могила отца и матери*), патриотическими (*земля, родина*), витальными (*собственная жизнь, живот, голова, рука*), духовными (*честь, счастье, любовь*), материальными (*хлеб*). В польском языке ценности распределяются по категориям, которые в своем большинстве совпадают с вышеприведенными, ср.: *przysięgać na Biblię, na wszystkie świętości, na Boga, na Chrystusa, na krzyż; przysięgać na matkę, na zdrowie matki, na zdrowie dzieci, na zdrowie syna, na kogoś zmarłego; przysięgać na Polskę, na Ojczyznę; na honor; na swoje życie.*

Несмотря на то, что залогом становится не только само слово, но и другие ценные для человека объекты, *клятва* и *przysięga* с большей или меньшей легкостью способны нарушаться.

⁷⁶ Там же, с. 689.

В особенно трудные и драматические моменты, в переломные исторические периоды, если речь идет о судьбах родины, чаще всего приносятся окказиональные добровольные клятвы или присяги (равнозначные здесь польскому жанру *przysięga*). В таких случаях обычно отмечается сохранение верности данному слову, т.е. перевес моральных ценностей над самой высокой витальной ценностью, жизнью. Клятвы и присяги этого типа исходят из глубины души людей, поддающихся ее романтическим порывам и руководствующихся чувством долга. Это не обозначает, однако, что они совершенно спонтанные и непродуманные — совсем наоборот, поскольку особое значение здесь может приобретать каждое слово. Российской истории известна аннибалова клятва⁷⁷ А. Герцена и Н. Огарева на Воробьевых горах бороться с царским режимом, продолжая дело декабристов:

Садилось солнце, купола блестели, город стлался на необозримое пространство под горой, свежий ветерок подувал на нас, стояли мы, стояли, оперлись друг на друга и, вдруг, обнявшись, присягнули, в виду всей Москвы, пожертвовать нашей жизнью на избранную нами борьбу... Мы не знали всей силы того, с чем вступали в бой, но бой приняли (А. Герцен).

Базирующиеся прежде всего на эмоциях клятвы или присяги наиболее авторитетных лиц, которые стоят во главе других, иногда даются в самой гуще событий, вселяя в народ дух и уверенность в правоте дела. Такой была публичная присяга Тадеуша Костюшко на Рыночной площади в Кракове в связи с началом восстания в борьбе за независимость Речи Посполитой в марте 1794 года. Будучи предводителем восстания, после принятия присяги у своего войска, Костюшко, осознавая огромную ответственность за

---

⁷⁷ Крылатое выражение *аннибалова клятва* происходит от имени карфагенского полководца Аннибала (или Ганнибала, 247—183 гг. до н. э.), которого отец заставил в детстве поклясться быть всю жизнь непримиримым врагом Рима. Эту клятву Аннибал сдержал. В переносном значении данное словосочетание означает «твердую решимость бороться с кем-либо или с чем-либо» (Н.С. Ашукин, М.Г. Ашукина: *Крылатые слова*. Москва 1987, с. 16).

предпринимаемые действия, под влиянием лозунгов французской революции, сам присягал использовать свою власть не для личного притеснения кого-либо, а исключительно для защиты самых важных для того исторического периода ценностей: нерушимости границ, восстановления самовластия польского народа и упрочения всеобщей свободы:

Ja, Tadeusz Kościuszko, przysięgam w obliczu Boga całemu Narodowi Polskiemu, iż powierzonej mi władzy na niczyj prywatny ucisk nie użyję, lecz jedynie jej dla obrony całości granic, odzyskania samodzielności Narodu i ugruntowania powszechnej wolności używać będę. Tak mi Panie Boże dopomóż i niewinna Męka Syna Twego.

Клятвы с подобным воздействием приводятся в художественной литературе. Например, в последней части трилогии Г. Сенкевича, в которой описываются времена турецкого нашествия на Польшу, одной из ключевых сцен является клятва Володыевского и Кетлинга после богослужения в костеле. Они поклялись защищать от захватчиков замок в Каменце до последнего вздоха и до последней капли крови. Так, Володыевский, давая обет и присягая, соотносит ценности, которые он получил в дар от Бога (*величайшие милости и особое покровительство*), с той ценностью, которой он во имя христианства и Отчизны готов пожертвовать (*собственная жизнь*):

Za osobliwe dobrodziejstwa i szczególną protekcję, jaką ja od Pana Boga Najwyższego i Syna Jego Jedyneho otrzymał, do również szczególniejszej poczuwając się wdzięczności, ślubuję i przysięgam, iż jako On i Syn jego mnie wspomogli, tako i ja do ostatniego tchu Krzyża świętego będę bronił. A mając komendę starego zamku sobie powierzoną, pókim żyw i rękoma a kolanami ruchać mogąc, pogańskiego nieprzyjaciela w sprośności żyjącego do zamku nie dopuszczę ni z murów nie ustąpię. Ni szmaty białej nie zatknę, choćby mi też pod gruzami pogrześć się przyszło... Tak mi dopomóż Bóg i święty Krzyż! Amen! (H. Sienkiewicz).

Индивидуальное наполнение клятвы созвучно здесь сакральному и патриотическому. В клятвах такого рода находит яркое про-

явление констатирующая, мобилизующая, интегрирующая, а также магическая функции, характерные прежде всего для ритуала. Не случайно воодушевленные и сподвигнутые словами своих предводителей все рыцари, которые были в костеле, дали клятву лечь костями и не сдать крепости врагу.

Вышеуказанные черты, характерные для функционирования ритуала, с большой силой проявляются в актах обручения Польши с морем (*zaślubiny Polski z morzem*), вызывающих к патриотическим чувствам. Эти символические действия были востребованы в XX веке, когда необходимо было подчеркнуть огромное значение восстановления доступа Польши к Балтийскому морю, утраченного в результате разделов Польши и Второй мировой войны. Во время первой церемонии в 1920 году генерал Ю. Халлер бросил кольцо в море. Соотносящаяся с этим действием церемония в марте 1945 года сопровождалась словами ксендза и солдат, обращенными к персонифицированному морю⁷⁸:

Przyszliśmy, Morze, po ciężkim i krwawym trudzie. Widzimy, że nie poszedł na darmo nasz trud. Przysięgamy, że Cię nigdy nie opuścimy. Rzucając pierścionek w Twoją falę, biorę z Tobą ślub, ponieważ tyś było i będziesz zawsze nasze.

Ślubuję Ci, Polskie Morze, że ja, żołnierz Ojczyzny, wierny syn swego narodu, nigdy Cię nie opuszczę. [...] Niezachwianie stać będę na Twojej straży. W Twojej obronie nie będę szczędzić ani krwi, ani życia, by nigdy Cię nie oddać więcej Niemcom. Przywrócone Ojczyźnie – na wieki pozostaniesz Polskim Morzem.

В официальном пространстве использование и наполнение коммиссивных жанров должно быть тщательно продумано, поскольку нарушение данного слова в ряде случаев преследуется по закону и влечет за собой юридически значимые последствия. Таким образом, отдельно можно говорить о ценности ритуальных жанров в институциональном дискурсе, одной из целей которых является влияние на сознание человека и его духовный облик. Хотя чело-

⁷⁸ <http://twierdzakolobrzeg.pl/pl/rok-1945-walki-o-miasto/163-18-marca-zaslubiny-z-morzem.html> [доступ: апрель 2014].

век в ритуале одновременно является и не является автором собственных действий, он выражает собственное „я”, подчеркивая ангажированность, гордость за себя и уважение к другим. Все это вписывается также в выделяемый рядом исследователей⁷⁹ контекст понимания ритуала как театрализованного представления, в котором параллельно наблюдается воспроизведение культурных значений и образцов поведения. Согласно В. Тэрнеру, именно благодаря драматизации общественных ценностей и общественного порядка, а также динамике ритуала происходят изменения, приводящие к формированию новых взаимосвязей, принятию решений и выработыванию иных взглядов на окружающую действительность. Ученый обращает особое внимание на то, что ритуал, как и символика, обладает онтологической ценностью, имеющей непосредственное отношение к состоянию человека. Как каждый ритуальный акт, эта разновидность комиссивных жанров имеет и общую перлокутивную цель: вызвать положительную реакцию адресатов по отношению к говорящему⁸⁰.

Ритуальные комиссивные жанры, к которым в русской культуре принадлежат *торжественное обещание, клятва, присяга, обет*, в польской — *przysięga, ślubowanie, przysięga*, воплощают самые весомые и общепризнанные аксиологические ориентиры. Волевая позиция адресанта, его готовность совершать действия охватывают требования и оценки, связанные с морально-правовой сферой, а степень их важности определяют различные виды деятельности и культурные коды. Они информируют о стереотипных представлениях о том, какими качествами должен обладать человек, который дает торжественное обещание, клятву или присягу. Тексты этой сферы подкрепляются ответственностью, обращаясь не только к предписаниям, но и к этике. Показательны в этом плане формулы присяги судьи, прокурора, следователя:

---

⁷⁹ См. работы: E. Durkheim: *Elementarne formy życia religijnego. System totemiczny w Australii*. Tł. A. Zadrożyńska. Warszawa 1990; E. Goffman: *Rytuał interakcyjny*. Tł. A. Szulżycka. Warszawa 2006; V. Turner: *Od rytuału do teatru. Powaga zabawy*. Przełożyli M. i J. Dziekanowie. Warszawa 2005.

⁸⁰ Е.М. Вольф: *Функциональная семантика...*, с. 165.

Клянусь быть беспристрастным и справедливым, как велят мне долг судьи и моя совесть; клянусь дорожить своей профессиональной честью, быть образцом неподкупности, моральной чистоты, скромности.

В соотнесении с фундаментальными нравственными и морально-общественными категориями — совестью, справедливостью, честью — создается также в польских ритуальных комиссионных текстах положительный образ лиц, вступающих в новый социальный, профессиональный или семейный статус. Депутаты польского Сейма приносят клятву добросовестно исполнять обязанность по отношению к народу (*ślubuję rzetelnie i sumiennie wykonywać obowiązki wobec narodu*). Председатель Национального банка Польши торжественно клянется, что будет действовать с полной беспристрастностью, считая справедливость первой добродетелью (*przysięgam uroczyście, że będę działać z pełną bezstronnością, sprawiedliwość za pierwszą mieć cnotę*). Польский солдат дает клятву беречь свою честь (*przysięgam strzec honoru żołnierza polskiego*).

Чувство личного достоинства проецируется на достоинство народа, государства, профессионального круга или семьи, так как только от достойного человека можно ожидать выполнения принятых им на себя весомых обязательств. Это положение подтверждают, к примеру, фрагменты присяги польских полицейских, которые клянутся беречь честь, достоинство и доброе имя службы, а также соблюдать принципы профессиональной этики:

Ślubuję strzec honoru, godności i dobrego imienia służby oraz ślubuję przestrzegać zasad etyki zawodowej.

Подобным образом звучат слова клятвы председателя Национального банка Польши:

Przysięgam i ślubuję wszelkie zło i niebezpieczeństwo od tegoż Narodu i Państwa czujnie odwracać, godności imienia tegoż Narodu i Państwa strzec niezachwianie.

Ф. Смуглевич. Присяга Тадеуша Костюшко на Рыночной площади в Кракове. 1797.
Национальный музей. Познань

В польском языке уже само наименование *dostojnik* — сановник, государственный деятель — подразумевает того, кто достоин, выстоит, выдержит до самого конца и в самые трудные моменты не откажется от данного слова⁸¹. Таким образом, эта номинация является одним из ключевых понятий польской культуры, которое, кроме своего реального значения, коннотирует ценностные установки.

В текстах современных русских присяг также отмечается обращение к социальным ценностям, таким, как *Родина, народ, государство, конституция*, но понятие достоинства соотносится только с приносящим присягу. Ср. слова воинской присяги:

Клянусь достойно выполнять воинский долг, мужественно защищать свободу, независимость и конституционный строй России, народ и Отечество.

С ритуальными жанрами человек сталкивается сегодня уже на довольно раннем этапе своего развития. Так, польские ученики на трех этапах среднего образования должны, начиная обучение, произнести текст, принадлежащий жанру *ślubowanie*. Скорее всего, ученик не задумывается над его содержанием, хотя, конечно, оно непосредственно соотносится с общественно-политическим строем. Несмотря на то, что шести-семилетний ребенок не осознает смысла многих включенных в текст ключевых слов (раньше — *socjalizm* или теперь — *demokracja*) и не задумывается над ними, это действие можно считать введением молодого человека в мир государственных ритуалов.

Непроизнесение ребенком по какой-либо причине этого текста не влечет за собой неприятия в школу, поскольку в Польше до определенного возраста существует всеобщая школьная обязанность. По-иному это выглядит, если речь идет о студентах, хотя еще до совсем недавнего времени можно было думать, что данный ритуал в студенческой среде, как и в ученической, не имеет слиш-

⁸¹ E. Kosowska, E. Jaworski: *O godności*. W: *Bezpieczny świat wielu kultur i narodów*. Przewodnik dla nauczycieli. Red. A. Gomółka, M. Kądziała. Będzin 2011, с. 12—13.

ком большого значения. Предполагалось, что качественные изменения происходят только на этапе военной присяги. Однако мировоззренческие позиции представителей отдельных вузов и оказанное на них политическое влияние вызвали горячие споры, связанные с содержанием текста студенческой клятвы (*ślubowanie studenta*), который был утвержден в этих образовательных учреждениях. В общем плане текстовые реализации жанра *ślubowanie studenta* должны соотноситься с наиболее универсальными ценностями. Между тем было выявлено, что иногда они включают формулировки, отражающие односторонний взгляд на мир либо неясные установки проблематичного характера. К примеру, торжественное обещание студентов-медиков в некоторых польских вузах включает фразы, в которых будущие врачи клянутся сохранять наивысшее уважение к жизни человека с момента его зачатия вплоть до естественной смерти: *zachowam najwyższy respekt dla życia ludzkiego od chwili jego poczęcia; ślubuję zachować najwyższą cześć dla życia od chwili jego poczęcia do naturalnej śmierci*. В контексте неустанных дебатов об экстракорпоральном оплодотворении или эвтаназии такие слова приобретают дополнительные ценностные оттенки, которые являются значимыми для будущей врачебной практики сегодняшних студентов. Кроме того, они вызывают вопрос о том, каким образом можно лечить, выражая уважение к человеческой жизни от зачатия.

Конфликт ценностей с особой остротой проявился в стенах Гданьской художественной академии. Молодой человек, поступивший в этот вуз, отказался подписаться под словами студенческой клятвы, которые относились к верности идеалам гуманизма и демократии. Вследствие такого поступка его не приняли в ряды студентов, поскольку в уставе вуза четко сказано, что для того, чтобы кандидат мог стать студентом, он должен дать клятву (*złożyć ślubowanie*). Таким образом, невыполнение формальных требований исключает принятие в студенческую братию, так как, в отличие от школы, не существует всеобщей обязанности учиться в вузе.

Мотивируя свое поведение, несостоявшийся студент сослался на то, что он является сторонником конституционной монархии

и не приемлет научного скептицизма и морального релятивизма. Однако было выяснено, что его замечания по поводу демократических принципов не имеют рационального обоснования, ибо демократия не исключает конституционной монархии как системы правления. Гораздо сложнее обстоит дело с провозглашением идей гуманизма, поскольку его можно рассматривать в двояком плане. Как подчеркивает ксендз Р. Старкович⁸², принявший участие в разгоревшейся в массмедиа дискуссии на эту тему, с одной стороны, гуманизм понимается как поиски добра для человека, но, с другой стороны, ставит в центр своего внимания человека, а не Бога, что идет уже вразрез с христианской религией.

Разного рода споры, касающиеся содержания ритуальных текстов, ставят под сомнение смысл самих ритуалов, частью которых они являются. Но, быть может, в этом проступает личностное начало в культуре, стремление индивида к свободе выбора, которое в последнее время все больше ограничивается культурными устоями определенного социума⁸³. В связи с этим говорится не только о ритуале как театрализованном представлении, но и об обществе спектакля, которое отличает неаутентичность и сугубо инструментальная трактовка межчеловеческих контактов⁸⁴.

Все это вписывается в практику ритуала, где наряду с жесткостью оформления, в том числе вербального, по сути и не ожидается его семантической наполненности. Подтверждением этому могут послужить данные анкетирования, проведенного третьей программой польского радио. 75% респондентов признались, что не задумываются над словами институциональных клятв и присяг, которые хотя бы раз каждому из них приходилось давать в жизни

---

⁸² Его мнение приводится в одной из полемических статей, посвященных данному вопросу: *Nie złożył ślubowania, nie został studentem. „Konflikt wartości”*. http://trojmiasto.gazeta.pl/trojmiasto/1,35636,12726224,Nie_zlozyl_slubowania_nie_zostal_studentem [доступ: октябрь 2012].

⁸³ О двух аспектах культуры подробнее пишет Д.Б. Гудков: *Для чего мы говорим? (К проблеме ритуала и прецедента в коммуникации)*. В: *Язык. Сознание. Коммуникация*. Выпуск 2. Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов, Москва 1997, с. 33.

⁸⁴ P. Kowalski: *Gratulanci i winszownicy...*, с. 20.

(хотя бы *ślubowanie ucznia*), и не сопоставляют их со своими внутренними убеждениями.

Ритуальное использование языка в принципе исключает активность реципиентов, поскольку „голая форма, лишенная языкового содержания, соответственно, и не предполагает декодирования высказывания с целью извлечения этого содержания”⁸⁵. Однако само событие принесения присяги или клятвы является для большинства важным. Значимой для всех оказывается задаваемая текстами общая направленность, которая выражается довольно стандартными, фиксированными структурно-мелодическими показателями, а также словами-сигналами, т.е. глаголами в перформативной функции и абстрактными существительными.

Таким образом, языковые способы оформления комиссивных жанров, в том числе их оценочные элементы, проявляющиеся уже в самом выборе глагола в перформативном употреблении, во многом зависят от того, в какой области жизни они востребованы и каковы роли участников общения. На бытовом уровне наиболее частотны ссылки на утилитарные и нравственные ценности, в возвышенных и драматических ситуациях — на трансцендентные, витальные, эмоциональные, в институциональном дискурсе — на моральные и социальные. В официально-деловом общении на первый план выдвигаются материальные и утилитарные ценностные установки. Исследование в сопоставительном плане дает возможность также выявить отражающуюся в комиссивных текстах иерархию ценностей, связанную с историческими, социальными и культурными составляющими.

---

⁸⁵ Д.Б. Гудков: *Для чего...*, с. 31.

4. Интенция комиссивности в жанрах разных типов

На протяжении истории были выработаны многие разновидности комиссивных жанров, которые функционируют в широкой сфере человеческого общения, сопутствуя отношениям разного типа. Вместе с тем сама интенция комиссивности, передаваемая эксплицитно или имплицитно, отчасти находит свою актуализацию также в иных жанрах. Эти жанры либо находятся на пограничье с комиссивными, либо пересекаются с ними в довольно ограниченной степени, либо их взаимосвязь улавливается только на уровне глубинных смыслов.

Интенциональный смысл, выражающий разные оттенки комиссивности, может выявляться не только на содержательном, но и на идейном уровне организации текста. Отдельные элементы комиссивного плана обнаруживаются при рассматривании жанра с учетом его функционирования в пространстве культуры.

К примеру, в этической окраске русской *просьбы* А. Зализняк усматривает компонент обещания благодарности: во фразе *Я тебя прошу* прослеживается среди прочего значение 'я буду чувствовать, что я тебе обязан'⁸⁶. Возможно, это вытекает из того, что говорящий в ситуации неофициального диалогового общения ставит

---

⁸⁶ А. Зализняк: *Заметки о словах: общение, отношение, просьба, чувства, эмоции*. В: А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев: *Ключевые идеи...*, с. 284.

себя в позиции некоей зависимости от адресата, так как тот может, но не обязан выполнить просьбу. Вместе с тем, по мнению ученой, русская просьба означает вовлеченность в такой тип связи, при котором у каждого из участников предполагается наличие некоторых „добрых чувств” к другому человеку. Можно сказать, что скорее адресант надеется на то, что реципиент действительно обладает такими чувствами и удовлетворит его просьбу.

Любопытно, что к хорошему другу можем обратиться по любому вопросу, и наше намерение отблагодарить его, как правило, является искренним. Но чем острее стоит вопрос, по которому необходимо формулировать просьбу, тем меньше добрых чувств может быть у адресата. В крайних случаях просящий точно осознает, что человек, к которому ему приходится обращаться с просьбой, не испытывает по отношению к нему никаких положительных эмоций, а в обмен за реализацию просьбы придется расплатиться, даже ценой собственной чести. Несмотря на это, он готов обещать принесение такой жертвы.

Подобным образом можно охарактеризовать жанр *prośba* в польской культуре, в которой также отмечается большая привязанность к чувству взаимных обязательств и функционирование отношений взаимозависимости⁸⁷.

Это находит выражение и на языковом уровне. В русском языке высказанная просьба может сопровождаться такими формулами благодарности за будущую услугу, как *Заранее тебя / Вас благодарю; Заранее тебе / Вам благодарен; Буду весьма обязан; Я буду тебе / Вам чрезвычайно благодарен (за...; если...); Я был бы очень благодарен (за...; если...)*. В этом плане состав польского этикетного поведения определяют фразы *Będę (bardzo) zobowiązany; Byłbym ci niezmiernie wdzięczny; Podziękowania z góry; Z góry dziękuję*. Более учтивая форма обещания благодарности при высказывании просьбы заключается в русских конструкциях *Ты меня очень обяжешь / обязал бы; Вы меня весьма обяжете; Я буду / был бы очень*

---

⁸⁷ Е. Jakubowska: *Różnice kulturowe a kultura dialogu*. W: *Kultura dialogu. Tożsamość europejska a edukacja*. Red. E. Borkowska, A. Łyda. Katowice 2004, с. 102.

обязан Вам (за..., если...) и в польских *Będę bardzo zobowiązany (jeśli...)*; *Byłbym wielce zobowiązany (jeśli...)*.

Часто человек однако предпочитает оформить свои ожидания не в этом жанре, а в жанре *предложение / propozycja*. Это происходит именно потому, что человек не хочет быть кому-то обязанным, а жанр *предложение / propozycja* не подразумевает обещания благодарности. Он может порождать в дальнейшем высказывания, которые выражаются в виде договорных условий, сохраняющих коммуникативное равенство между участниками.

Целеустановка обещания реализуется на уровне композиционного оформления текста в устойчивых единицах, инициирующих высказывания. Их принадлежность к определенному жанру детерминирует дальнейшее осуществление данной жанровой формы. К примеру, выражения *У одного короля был сын; В некотором царстве, в некотором государстве жил да был царь с царицей / Pewien król miał syna; Była sobie raz królowna* служат обещанием продолжения сказки, а конструкция *Со мной произошла такая история / Zdarzyła mi się następująca historia* должна начинать рассказ об интересном событии из жизни говорящего. Рассматривая такие традиционные формулировки, А. Вежибicka пишет о том, что они обладают практическим значением только в функции начала повествования. В связи с этим исследовательница описывает гипотетическую ситуацию, что если популярный рассказчик, сидя в группе у костра, высказал бы фразу *Była sobie raz królowna*, после чего встал бы и ушел, слушатели остались бы в недоумении. Они могли бы чувствовать себя обманутыми, так как начало, типичное для сказки, прессупонирует, что будет продолжение. Таким образом, можно сказать, что обещание было дано рассказчиком, поскольку имплицитно включалось в ситуацию, но не было им сдержано⁸⁸.

В отдельных жанрах интенция обещания проявляется на уровне идеи, которая исходит из текста и, можно сказать, «привязана» к нему. К примеру, жанр *утопия / utopia* обещает практически недостижимую награду, т.е. окончательное радикальное решение

⁸⁸ А. Wierzbicka: *Dociekania semantyczne*. Wrocław 1968, с. 150—151.

человеческих проблем, с которыми раньше нельзя было справиться, а также эффективное противодействующее средство от печали и горечи человеческого существования⁸⁹. Явные отзвуки классических утопических идей можно встретить в политическом дискурсе, так как накануне выборов многие политики обещают, что если власть перейдет в их руки, то они способны решить вопросы, которые являются горестью, страданием и болью общества.

Большинство жанров, в основе которых лежит направление на предстоящее, в той или иной степени содержат элемент обещания. Параллели с обещанием, главным образом благодаря использованию глаголов в форме будущего времени и неверифицируемости истинности высказывания на этапе его произнесения, прослеживаются в текстах с магической функцией: *prorocstwo, проорицание, предсказание / proroctwo, przepowiednia, wróżba*. Генологическое родство жанров *obietnica* и *przepowiednia* обнаруживается в тесной близости их значений на определенном этапе истории польского языка: в XVI веке *przepowiednia* обозначала то же самое, что и *obietnica*⁹⁰.

Считается, что информация о грядущих событиях, представляемая в жанрах магического плана, получена с помощью сверхъестественных сил. Она, по предположениям, доступна людям, обладающим даром предвидения и контактирующим с иным миром. Из сакральных знаний выводится также эзотерическое мировоззрение, которое доступно ограниченному кругу лиц и базируется на субъективном познании природы. Поэтому к перечисленным выше типам текстов примыкает жанр *астрологический прогноз / prognoza astrologiczna*, получивший относительно недавно распространение и в российских, и польских массмедиа.

В обоих сопоставляемых языках астрологические прогнозы предваряют конструкции с глаголами *говорить / mówić* и *предсказывать / przepowiadać*, причем в качестве предсказываемого субъекта в высказывании выступает название небесного тела — *звезда*, ср.:

⁸⁹ Z. Bauman: *Kultura w płynnej nowoczesności*. Warszawa 2010, с. 44.

⁹⁰ W. Boryś: *Słownik etymologiczny...*, с. 372.

*Что говорят (предсказывают) нам звезды.
Sprawdź, co przepowiadają (mówią) ci gwiazdy.*

Сочетание *gwiazdy mówią* послужило также названием для эзотерического еженедельника, издаваемого на польском рынке.

Астрологические прогнозы, функционирующие в русском текстовом пространстве, содержат также непосредственную ссылку на обещание:

*Звезды обещают много вдохновения тем, чей знак Зодиака — Рак.
Звезды обещают победу сборной России.*

В кругу польской культуры звезды не обещают, зато могут стать обещанными. Обещание звездочки с неба — очень популярное определение для неисполнимого желания или обещания в польском языке, ср.: *dawać (obiecywać) komuś gwiazdkę z nieba*.

Интенция обещания включается в общую картину всех разновидностей жанра *прогноз / prognoza*. Это относится и к жанру *футурологический прогноз / prognoza futurologiczna*, в котором также предсказываются будущие события. Однако, в отличие от вышеописанных жанров, представляемые в нем сведения опираются на анализ фактов и сопоставление данных, т.е. на научные методы.

На основании объективного анализа данных составляется также *прогноз погоды / prognoza pogody* — один из наиболее востребованных подтипов жанра *прогноз / prognoza*. Авторы прогнозов погоды стремятся к тому, чтобы они, насколько это возможно, соответствовали действительности и обладали очень высоким показателем осуществляемости. Вместе с тем наличие двух жанровых ответвлений прогнозов — краткосрочного и долгосрочного — влияет на то, что они отличаются некоторыми особенностями с точки зрения проявления комиссивности. Первый из них можно в настоящее время считать близким к констатации факта, поскольку, принимая во внимание достижения современной науки и техники, вероятность того, что прогноз сбудется, очень высока. В долгосрочном прогнозе степени вероятности гораздо мень-

ше, поэтому, скорее всего, его следует рассматривать в категориях обещания, которое только может сбыться.

На проявление интенциональности обещания влияет способ представления официального прогноза погоды в русской и польской традиции. В частности, в польских телевизионных прогнозах погоды ведущий во многом отождествляется с сотрудниками научно-исследовательских гидрометеорологических центров, не отстраняясь от передаваемой информации. В России этот жанр оформляется прежде всего как комментарий к тем данным, которые предоставляют метеорологи. Учитывая географическую протяженность России, погрешность ошибки авторов общероссийских прогнозов относительно погоды на конкретной территории может быть выше, чем их польских коллег, так как у них нет возможности передать детальную информацию о погоде для такого большого пространства. Различия данного типа стираются в прогнозах для отдельных городов и их окрестностей. Однако и в тех, и в других текстовых актуализациях жанра *прогноз погоды* в русском языке широко используется глагол *обещать* в неопределенно-личной форме в полипредикативном предложении: *Обещают пасмурную погоду и небольшой дождь*. Таким образом, высказывание реализуется в нарративном режиме и указывает на действия, происходящие независимо от воли говорящего.

Высказываниям на тему погоды в русской разговорной речи также свойствен неопределенно-личный характер глагола в форме настоящего и прошедшего времени:

Что, опять обещают дожди?

На завтра обещали ужасную погоду.

В польской разговорной речи в аналогичных ситуациях используется глаголы *zapowiadać* или *mówić*:

Co, znowu zapowiadają deszcze?

Na jutro zapowiedzieli okropną pogodę.

Mówią, że od czwartku już będzie ciepło.

Mówili, że będzie lato.

В повседневном общении употребляется также глагол *przepowiadać*, который вводит магический элемент в высказывания о погоде (ср. *przepowiadać przyszłość*): *Przepowiadali straszne burze*.

Как и русским, так и польским официальным прогнозам погоды присущи фразематические конструкции с указанием субъекта, носителем предикативного признака. Это соответственно *meteorологи obiecują*, *синоптики przewidują* и *meteorolodzy obiecują*, *synoptycy zapowiadają*, ср.:

Na завтра meteorологи obiecują дожди и грозы.

Синоптики przewidują похолодание.

Meteorolodzy obiecują: w czwartek wróci lato.

Synoptycy zapowiadają powrót zimy.

В русском языке в роли субъекта выступают не только наименования лиц по профессии, но также существительное *погода*:

Погода в начале марта обещает быть не совсем весенняя.

Погода не обещает ничего хорошего.

В неофициальном воплощении анализируемого жанра интенция обещания интенсифицируется лишь с определенной долей вероятности. В таком случае информация на тему предстоящих атмосферных явлений исходит от человека, окказионально привлекаемого в массмедиа. К примеру, в Польше в такой роли иногда выступают жители гор. Несмотря на то, что высказывания подобного рода основаны на многовековом сопоставлении в народе целого ряда примет природного мира и атмосферных явлений, они не воспринимаются как убедительные сведения. В силу этого они становятся близки не только обещаниям, но и предсказаниям. Соотнесение с предсказаниями проявляется в польском языке и в других типах прогнозов, что выражается в использовании в них в качестве базового глагола *wróżyc*, к примеру:

Prognozy pogody na weekend nie wróżą niczego dobrego. / Прогноз погоды на выходные не обещает ничего хорошего.

Prognoza Europejskiego Banku Centralnego nie wróży nic dobrego dla wspólnej waluty. / Прогноз ЕЦБ не обещает ничего хорошего для единой валюты.

To nie wróży nic dobrego. / Это ничего хорошего не обещает. Nie wróżę ci żadnej światlanej przyszłości. / Не обещаю тебе никакого светлого будущего.

Непосредственная близость с обещаниями наблюдается также в прогнозах погоды, на авторов которых преднамеренно оказывают внаучное влияние. Такие случаи известны в скандинавских странах. В представляемых там прогнозах погоды уделяется большее внимание даже малейшим положительным элементам, уменьшая тем самым роль основных, неблагоприятных. Таким образом создается впечатление обещания прекрасной солнечной погоды, что имеет целью улучшить настроение жителей стран с суровыми климатическими условиями. Подобный прием используется при представлении прогнозов погоды в курортных местностях. Локальные прогнозы обещают намного лучшую погоду, чем независимые, чтобы убедить адресатов приехать в качестве туристов.

Видимо, определенное родство жанров *обещание* и *прогноз* стало также основанием для размещения их текстовых воплощений на одном из российских сайтов, в названии которого содержится актуализация только обещания: www.obieschania.ru. На этом сервисе следят за выполнением политических, экономических, финансовых, общественных обещаний и прогнозов, которые дают политики, должностные лица, эксперты в разных областях деятельности и др. Но все же сближение этих жанров, проявляющееся в их информативном характере и установке на будущее, отдаляет основная функция комиссивных текстов, которая заключается во влиянии личности и на создание последующих действий, и на их образ.

Интенция обещания рассматривается также как одна из коммуникативных стратегий, которую широко используют авторы рекламных текстов. Действенность рекламы, по словам Е. Бральчика⁹¹, опирается на представлении обещания — трактуемого сре-

⁹¹ J. Bralczyk: *Język na sprzedaż*. Warszawa 1996, с. 10—11.

ди прочего в качестве персуазивного средства⁹² — интригующим и вместе с тем достоверным образом. В основе рекламного сообщения лежит обещание потребителю определенных благ, связанных с приобретением товара или услуги. Представляя картину мира специфическим образом, реклама в прямом или завуалированном виде обещает красивую и чудесную жизнь, вечную молодость и счастье, успешность и состоятельность. Она показывает будущее, которое вступает в противоречие с буднями, воплощая мечты о «бесконечной сексуальности, далеких странах, других мирах и даже о революции»⁹³. Абстрактность значений понятий *красота, счастье, свобода, чудо, тайна, совершенство, marzenie, miłość, piękno, radość, magia, przyjemność* и т.п., а также ирреальность мечтаний переносит обещания в рекламу в отвлеченную сферу, которая не подвергается верифицируемости⁹⁴, но увеличивает силу воздействия. Размытость этих понятий дает адресату возможность наполнять их смысл собственными семантическими оттенками и вызывает множество коннотаций. Одновременно контекст подсказывает реципиенту, в каком направлении должно происходить декодирование их смыслового содержания. Это касается и тех случаев, когда рекламный текст включает обещание с явной языковой реализацией, и тех, когда интенция комиссивности выражена имплицитно.

Обещания, репрезентируемые как прямым, так и опосредованным образом, преимущественно представляют собой рекламный слоган. Это связано с тем, что слоганы принадлежат к наиболее суггестивному средству персуазивности, истинность которых трудно установить.

---

⁹² J. Lubocha-Kruglik: *Językowe środki perswazji (na materiale polskich i rosyjskich tekstów reklamowych)*. W: *Języki słowiańskie dziś. Nowe fakty. Nowe spojrzenia*. Red. H. Fontański przy współpracy E. Straś. Katowice 2001, c. 148, 150.

⁹³ Д. Рифф: *Джон Берджер. Способы видеть*. <http://os.colta.ru/art/projects/167/details/7253/page5/> [доступ: июнь 2013].

⁹⁴ J. Lubocha-Kruglik: *Kreowanie świata w tekstach reklamowych (na materiale języka polskiego i rosyjskiego)*. W: *Język rosyjski w konfrontacji z językami Europy w aspekcie lingwokulturoznawczym*. Red. P. Czerwiński, H. Fontański. Katowice 2004, c. 309.

Прямые обещания иллюстрируют примеры с использованием глагольных форм будущего времени совершенного вида:

Изменим жизнь к лучшему! (реклама фирмы *Phillips*).

В рекламе проектов в области автоматизации фирмы „Siemens” такое обещание дается во второй части текста:

Не важно, как выглядят Ваши мечты! Bau Solution Partner воплотит их в жизнь.

Воздействие обещаний с использованием абстрактных понятий усиливается при введении в любую часть текста, в том числе в слоган, глаголов из семантического поля обозначения комиссивности, которые создают видимость достоверности сообщаемого. В русских рекламах чаще всего встречается глагол *гарантировать*:

Мы гарантируем ваш успех!
Вебком окрыляет! Гарантируем быстрое привыкание!

В польских рекламных текстах используются глаголы *zapewniać* и *gwarantować*:

Niezależnie od tego, co będziesz na nim robić, procesor Intel core i3 i system Windows 8 zapewnią Ci największe możliwości.

Spełniając marzenia innych gwarantujemy spełnienie Waszych marzeń (реклама турагентства).

В косвенных обещаниях в русских и польских рекламах преобладают глаголы настоящего времени, а также часто наблюдается отсутствие глагола. Поэтому восприятие утверждений такого рода соотносится либо с актуальностью, либо с вневременным характером. Однако, представляя сегодняшний мир, посыл рекламного текста ориентирован на будущность. К примеру, используя слоган *С нами красота вечна*, студия красоты уверяет в том, что

если воспользоваться ее услугами, она обеспечит нам красивый вид на всю жизнь. Косметическая фирма, рекламируя очищающие продукты под лозунгом *Czysta przyjemność 4-stopniowej pielęgnacji*, обещает, что их использование будет чистым удовольствием. Дополнительно здесь внимание адресатов привлекается введением элементов языковой игры, основанной на родственности слов *czystość* и *oczyszczanie*.

Условия, которые следует выполнить, чтобы обещание превратилось в действительность, реконструируются в контексте. Они могут заключаться непосредственно в сложноподчиненных предложениях с условной частью:

Радость от любимых вещей может длиться бесконечно, если стирать их в стиральной машине Bosch.

Jeśli poznasz ich zalety, już nigdy nie będziesz chciał się z nimi rozstać (реклама духовых шкафов).

Условные отношения осложняются также придаточными цели:

В Норвегии ценят и понимают природу, трепетно оберегая ее и с благодарностью принимая ее дары. Чтобы каждый, кто попробует норвежскую рыбу, чувствовал: любовь людей к природе взаимна.

Выражение условий прослеживается в двухчленных лозунгах с императивом и утвердительной частью. В рекламе пива *Spróbuj, a docenisz* за призывом попробовать напиток следует обещание того, что мы его высоко оценим. Рекламируя смартфон с помощью слогана *Dotknij. Świat na wyciągnięcie ręki*, нам обещают, что если прикоснуться к его экрану, то до мира будет рукой подать. На дополняющем рекламу изображении представлено сенсорное устройство со множеством окошек на экране и рука, которая протянута к нему. Таким образом, при совершении определенных действий обещается благоприятное изменение жизненных стандартов, создание комфортных условий и связанное с этим улучшение самочувствия.

Наряду с обещаниями, переносящими нас в заоблачный мир, в рекламной коммуникации функционируют такие его типы, которые связаны с областью конкретных проявлений. При этом в высказываниях со значением комиссивности может вводиться наименование продукта и указываться действие по его назначению: *Steper grzybicy nie przepuści*. В рекламе лекарственного препарата содержится обещание того, что он обязательно справится с грибковыми заболеваниями. В слогане цифровой платформы *Wytropisz każdy szczegół* нам обещают, что мы выследим каждую деталь — благодаря каналам высокой четкости HD. С целью убедить в исполнении обещания приводятся данные в цифрах, как в рекламе средств за уходом для волос и в рекламе крема:

Ваши волосы станут здоровыми, сильными, блестящими после первого применения.

Всего за 6 дней ощутите способность натуральных растительных клеток к бесконечному обновлению.

Несмотря на уточнение информации, ее проверка в большинстве случаев оказывается практически невозможной.

В рекламных текстах часто сталкиваемся с *угрозами* и *обещаниями* как двумя типами комиссивных жанров, которые находятся на разных полюсах. Обычно в первой части таких рекламных сообщений показаны отрицательные последствия, характерные для угрозы, а во второй — положительные, присущие обещанию. Реально представленная в рекламе угроза должна вызывать беспокойство, которое впоследствии снимается посредством обещания положительно справиться с проблемой. Такой прием биполярной организации текста, как средство персуазивности⁹⁵, наблюдается в рекламах лекарственных препаратов, косметики, санитарных, гигиенических и хозяйственных средств и др. Приведем примеры:

При стирке в жесткой воде образуется накипь, которая оседает на внутренних деталях стиральной машины и может привести к ее поломке.

---

⁹⁵ О том, что некоторые виды угроз и обещаний признаются персуазивными средствами, упоминает М. Токаж, см.: М. Tokarz: *Argumentacja. Perswazja. Manipulacja*. Gdańsk 2006, с. 194—197.

Образование накипи внутри стиральной машины снижает эффективность ее работы и со временем может повлиять на результат стирки (угроза).

Calgon 2 в 1 защитит важные детали Вашей стиральной машины от образования накипи.

Calgon 2 в 1 смягчит жесткую воду, поэтому Ваша стиральная машина прослужит дольше и качество работы не снизится со временем (обещание).

Nadwaga, wrazenie obrzmienia, cellulit (угроза).

Składniki suplementu diety Hydrominum usuwają nadmiar wody z organizmu (обещание).

Обещания и угрозы в различных культурах могут наделяться противоположными смыслами. В этом плане интерес представляет реклама таблеток от головной боли, которые продвигались на европейских и арабских рынках сбыта. В графической рекламе были представлены два лица, первое грустное, второе веселое, разделяемые таблеткой. В традициях европейской культуры это воспринимается как обещание значительного улучшения состояния человека. В арабских странах при прочтении изображений справа налево сначала располагается веселое лицо, потом таблетка, а затем грустное. Таким образом, для арабов реклама по применению фармацевтического препарата становится угрозой. Замеченный здесь обратный воздействующий эффект рекламного текста был исправлен перестановкой последовательности символов.

В некоторых типах высказываний степень верифицируемости сказанного повышается путем представления реально ощущаемого эффекта от приобретения рекламируемых товаров или услуг. Это связано с использованием в рекламах глаголов *wyиграть, получить, wygrać, otrzymać, dostać, zdobyć, zyskać*, к которым иногда присоединяется форма второго лица модального глагола *mочь / móc*, выражающего возможность. В русских рекламных текстах чаще всего и смысловой глагол, и модальный выступают в форме будущего времени во втором лице множественного числа. Эта форма может указывать на обращенность рекламы к каждому

члену общества, а вместе с часто сопровождающим ее личным местоимением *Вы* подчеркивает уважительное, почтительное отношение к каждому отдельному адресату:

При покупке двух продуктов VICHY, один из которых крем-уход, получите в подарок 2 недели ухода на выбор. А еще Вы можете выиграть Ipad Mini, приняв участие в конкурсе.

В польских рекламных глаголы появляются в форме будущего времени второго лица единственного числа: *będziesz miał, wygrasz, otrzymasz, dostaniesz, zdobędziesz, możesz wygrać, możesz zyskać*. Присутствие таких глаголов в рекламных сообщениях кажется естественным, так как это напоминает адресату ежедневные уверения доброжелательных ему людей в том, что „будет лучше”⁹⁶. Этому способствует как семантика глаголов, выражающая признак физического владения объектом, так и их форма, т.е. неофициальное обращение к отдельному получателю информации, создающее доверительную атмосферу.

В польских текстах, как и в приведенных выше фрагментах русских рекламных сообщений, глагольные единицы вводят название объекта, который можно получить в свое распоряжение. При этом иногда сначала дается обобщенное название (*приз, сюрприз, награда, nagroda specjalna, prezent*), детализируемое далее:

Grzeczny czy niegrzeczny, i tak dostaniesz prezent! Teraz w abonamencie czekają na Ciebie świąteczne pakiety na rozmowy i SMS-y oraz najnowszy supersmartfon ZTE Grand X In z technologią Intel Inside.

Заботясь о клиентах, оператор мобильной связи обещает им подарок в виде конкретных услуг (пакеты разговоров, смс-сообщений) и товаров (новейшая модель смартфона).

В рекламе другого сотового оператора призывают выбрать определенную услугу, обещая при этом получение компьютер-

---

⁹⁶ J. Bralczyk: *Język...*, с. 140.

ного оборудования, его страхование и расширенное гарантийное обслуживание:

Wybierz usługę IT dla Firm, a otrzymasz sprzęt komputerowy wraz z oprogramowaniem i pomocą informatyczną w ramach miesięcznego abonamentu. Zapewniamy również ubezpieczenie sprzętu, backup danych on-line oraz rozszerzoną gwarancję.

Рекламные сообщения, в которых показана конкретизированная перспектива предоставления благ взамен за покупку товара или воспользования услугой, можно причислить к обязательствам. Обязательства используются для придания фирме большей основательности, солидности и надежности. К ним чаще всего прибегают крупные компании. К примеру, на польском официальном сайте сети гипермаркетов по строительству и ремонту „Касторама”, действующей в европейских и азиатских странах, находится подраздел *Nasze zobowiązania*. Там размещены рекламные тексты, раскрывающие стратегию фирмы. Каждый из элементов стратегии представляется слоганом и его последующим уточнением, например:

Zapewniamy dobrą jakość. Będziesz zadowolony z zakupionych u nas produktów.

Dzień po dniu niskie ceny. U nas nie ma promocji — niskie ceny cały rok.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что информация, выдаваемая за обязательство, не всегда является истинной: трудно установить, будет ли доволен покупатель приобретенным товаром, а также являются ли цены действительно низкими.

Другие описываемые обязательства строго выполняются:

Kupuj bez obaw. Gdy zmienisz decyzję, możesz zwrócić niewykorzystany produkt.

Действительно, при наличии чека в течение определенного срока товар можно беспрепятственно вернуть.

На этом же сайте в виде обязательства представлена наиболее известная рекламная акция „Касторамы”:

Zwrócimy różnicę cen, jeżeli w ciągu 15 dni od daty zakupu znajdziesz w innym miejscu taki sam tańszy produkt.

В массмедиа этому обязательству предшествовало другое, в виде слогана, из которого вытекает также обещание клиенту самых низких цен на рынке:

Nikomui nie pozwolimy pobić naszych cen!

В России подобная акция проходила под лозунгом „За цены ответим!” с еще более убедительной по сравнению с польским вариантом конкретизацией обязательства:

Найдете дешевле — вернем 200% разницы.

Несмотря на это, получение денежной разницы и в России, и в Польше оказалось возможным лишь при выполнении дополнительных условий, не указанных ни в рекламных буклетах, ни в наружной рекламе. На этом основании магазин был обвинен покупателями в даче ложных обещаний. А в деловой сфере, с которой связано функционирование рекламы товаров и услуг, каждое обещание становится своего рода обязательством, за которое отвечают даже перед судом. Поэтому антимонопольная служба признала нарушение российского закона „О рекламе”⁹⁷, а польская комиссия этики рекламы вынесла решение, что в рекламном

---

⁹⁷ Было признано нарушение части 7 ст. 5 Федерального закона „О рекламе”, которая гласит, что „не допускается реклама, в которой отсутствует часть существенной информации о рекламируемом товаре, об условиях его приобретения или использования, если при этом искажается смысл информации и вводятся в заблуждение потребители рекламы”: Федеральный закон „О рекламе” от 13.03.2006. Глава 1. Общие положения. http://www.consultant.ru/popular/advert/26_1.html [доступ: декабрь 2013]. См также: В. Васильченко: „Касторамы” признала, что реклама про возврат 200 процентов разницы нарушала права воронежцев. „Бизнес Воронеж” 03.04.2013.

сообщении должны быть обязательно оговорены условия возращения денег⁹⁸.

Интересно, что приемы, используемые в рекламе, востребованы также в религиозном дискурсе. Это стало возможным в многокультурных странах, например, в США, где существует множество вероисповеданий и церковных общин. В настоящее время плюрализм в области вероисповедания открыл возможности для того, чтобы каждый нашел для себя наиболее подходящую в духовном плане религию. 90% американцев принадлежат к какой-то церкви, причем почти половина из них меняла свою веру⁹⁹. Для того, чтобы определенная религия смогла привлечь потенциальных верующих и удержать свои позиции, ее теологи прибегают также к различным обещаниям. Уже известные обещания, на которые опираются христианские учения, — рай на небесах, вечная жизнь, спасение — представляются в виде неконвенциональных, интригующих, прагматически неожиданных лозунгов, которые во многом сходны со слоганами коммерческой рекламы¹⁰⁰. В их языковом оформлении как на языке оригинала, так и в переводах на русский или польский языки обнаруживаются черты обещания, обязательства и гарантии:

Free coffee. Eternal Life. Membership has its privileges. / Привилегии для прихожан: бесплатный кофе и вечная жизнь. / Darmowa kawa i życie wieczne. Członkostwo w naszym kościele wiąże się z przywilejami.

Salvation guaranteed — or your sins cheerfully refunded! / Гарантируем спасение! В противном случае вернем ваши грехи. / Gwarantujemy zbawienie! W przeciwnym razie zwrócimy wasze grzechy.

---

⁹⁸ *Ceny nie do pobicia w reklamie Castoramy wprowadzają w błąd.* <http://www.wirtualnemedial.pl/arttykul/ceny-nie-do-pobicia-w-reklamie-castoramy-wprowadzaja-w-blad-wideo> [доступ: ноябрь 2013].

⁹⁹ Об этом пишет более подробно М. Валкуски в своей книге, в которой описываются разные стороны американской жизни, см.: М. Wałkuski: *Wąłkowanie Ameryki...*, с. 113—146.

¹⁰⁰ voxfree.narod.ru/slogan/church.html [доступ: декабрь 2013].

Все слоганы создают впечатление достоверности информации, которое, к примеру, осуществляется благодаря столкновению в одном ряду выражений с конкретным лексическим наполнением и с абстрактным значением (*бесплатный кофе* и *вечная жизнь*). В них также подразумеваются условия, которые требуется выполнить, чтобы обещание сбылось, а обязательства были выполнены.

Подобные принципы обеспечивают эффективность речевой коммуникации, связанной с воздействием на адресата, в языке политики. Как уже упоминалось, на интенции комиссивности опираются в своем большинстве тексты предвыборных кампаний. Политические деятели или партии, для того, чтобы набрать большее число голосов избирателей, вынуждены прибегать к разнообразным тактикам и приемам. Среди их компонентов выделяются обещания светлого или просто желанного будущего (к примеру, слоган Жириновского *Я подниму Россию с колен*), обещания сведения счетов с патологическим прошлым (ср. лозунг партии „Яблоко” *Мы вернем вам надежду* или партии КПРФ *Вернем украденную Родину*), а также угрозы, которые могут возникнуть в случае неизбрания данного кандидата. Возможно также столкновение угрозы с противонаправленным ей механизмом обещания. На такой антиномии построен один из слоганов Жириновского: *Жириновский. Или будет хуже. Жириновский. И будет лучше*. Мотивировка выбора обуславливается тем, что если не проголосуем за Жириновского, то будет хуже, а если выберете его, то получите нечто хорошее.

Подытоживая, можно сделать вывод о том, что в рассмотренных нами жанрах, функционирующих в разных культурах, интенция комиссивности проявляется в неодинаковой степени и используется с различными целями. В жанровых подвидах прогнозов, предсказаниях, пророчествах и их польских аналогах выражается прежде всего стремление представить объективный характер обещания, независимый от воли автора. В рекламных сообщениях, в предвыборных лозунгах, слоганах в религиозном дискурсе интенциональный смысл комиссивности сопутствует основной интенции побуждения к действию. Обещания, обязательства, уверения и гарантии используются здесь для того, что-

бы утвердить человека в его предпочтениях и потребностях, убедить его поступить определенным образом, сделать какой-нибудь выбор. Они обладают большим персуазивным потенциалом и оказывают на адресата влияние, конструируя в его сознании образ желаемого будущего.

К языковым показателям выражения интенции комиссивности относятся в этих жанрах глаголы в форме будущего времени; глаголы настоящего времени, принадлежащие к семантическому полю комиссивности; сложноподчиненные предложения с придаточным условия. Интенция комиссивности носит часто имплицитное обоснование, а иногда выражается графическими средствами. На структурном уровне отмечаются противопоставление угрозы и обещания, сочетание обещания и обязательства, обещания и гарантии, обещания и уверения. Независимо от того, какие лингвистические маркеры используются с целью передать интенцию комиссивности в этих жанрах, ролевые отношения адресанта и адресата выстраиваются в рассмотренных жанрах следующим образом: мы обещаем, а вы нам верите и можете проверить.

Заключение

Постулаты лингвистики на данном этапе развития во многом представляют собой обобщение концепций, которые были созданы не только в рамках изучения языка, но и разработаны в других областях науки. К настоящему времени выработался совокупный подход к рассмотрению языковых явлений, не отделяющий семантику от прагматики, а прагматику от генетики (хотя такой подход не всеми одобряется). В связи с этим предлагается изучение специфики жанров с учетом контекстуального окружения его реализаций, говорящих субъектов, а также иллюкутивной составляющей их речевого поведения, в том числе дополняемой невербальными характеристиками. Одним из главных элементов при таком текстовом анализе является ситуативность, которую репрезентируют дискурсивный фактор, языковая компетенция участников общения, их мировоззренческие установки, культура и система ценностей.

Для того, чтобы осуществлять свою жизненную программу, человек должен вписаться, хотя бы частично, в существующие организационные рамки и пользоваться жанрами как разработанными формами культурной коммуникации, реализующей интенциональные речевые действия.

Жанровое пространство, в котором пребывает современный человек, отличается неимоверным многообразием и разнородностью. Появляются совершенно новые или модифицированные жанры, вызванные прежде всего развитием интернет-коммуникации.

Активизируется заимствование жанровых образов из других культур, связанное с углубляющимися глобализационными процессами. В текстовых реализациях отдельных жанров в большей или меньшей степени нарушаются конвенциональные установки. Это приобретает особое значение в контексте постмодернистского видения современного мира. Отходя от канона и играя жанровыми мотивами и формами, такие тексты преимущественно сохраняют свой инвариантный интенциональный смысл, однако позволяют достичь и иные цели высказывания. Вместе с тем на фоне множества видоизменяющихся жанров отчетливо видны типы текстов, которые обладают стабильным и вневременным характером. Такие тексты отдают должное традиции и поддерживают чувство культурно-социальной общности.

Эти положения и тенденции применимы в частности к комиссивным речевым жанрам, которые стали предметом нашего исследования. Они объединяются в одну группу на основании общности передаваемого ими интенционального смысла, который сводится к принятию на себя обязательств разного рода. Отражаемые в них намерения не подвергаются верификации — они лишь прогнозируют вероятность осуществления намеченных действий.

Жанровые формы, в которые в зависимости от ситуации облачаются обязательства, характеризуются иными способами передачи интенции, разным проявлением жесткости структуры, различной степенью ангажированности говорящего субъекта в производимые им речевые действия. Для них также характерна большая или меньшая активизация аксиологических ценностей, поведенческих норм и др.

Комиссивные жанры находятся друг с другом в разных отношениях. Между отдельными их видами прослеживаются довольно четкие границы, выделяемые на разных основаниях, в то время как некоторые из них проникают друг в друга. Одни из них способны взаимозаменяться, область употребления других ограничена узким и специальным кругом.

Обязательства вписаны в жизнедеятельность членов каждого общества, поэтому связанные с этой стороной человеческих

отношений комиссивные жанры получают распространение во всех культурах.

Жанровые модели с интенцией комиссивности, характерные для русской и польской речи, обнаруживают во многом подобное прагматическое и семантическое выражение. Вместе с тем отмечаются определенные расхождения в некоторых контекстах жанровой реализации данной интенции в рассматриваемых культурно-языковых пространствах. За определенными областями сохраняются устойчивые номинации жанров, указывающие на несколько иные оттенки комиссивности, например: *сделка с дьяволом* — *pakt z diabłem*, *непременный (непорушимый) обет* — *przysięga wieczysta*. В своем большинстве они относятся к случаям специального названия документов и как правило не создают возможности синонимии, ср.: *Ниццкий договор* — *traktat z Nicei*, *Варшавский договор* — *Układ Warszawski*, *Шенгенское соглашение* — *układ z Schengen*, *соглашение об ассоциации с ЕС* — *umowa stowarzyszeniowa*.

Наличие в этих культурах подобных коммуникативных ситуаций не всегда сопутствуют параллельные тексты. В католической церкви в Польше обяывает *przysięga małżeńska*, а в польских органах государственной регистрации брака — *przrzeczenie małżeńskie*. В свою очередь, ни в традиции свадебного обряда в православной церкви, ни при церемонии бракосочетания в ЗАГСе в России не произносятся слова супружеской клятвы.

На формирование комиссивных жанров в русской и польской среде оказывают непосредственное влияние речевые практики других культур. Наряду с тем, что в ситуации встречи нового года у славян по отношению к самому себе наиболее востребовано загадывание желаний, в настоящее время распространение получают аналоги текстов на базе жанра *New Year Resolution*, который наибольшей популярностью пользуется в США. Данный жанр стал известным в России и в Польше под разными наименованиями, которые выявляют их неоднозначный характер. В одних из них содержатся указания на комиссивный характер текстов: *новогодние обещания*, *новогодние обязательства* / *przrzeczenia noworoczne*. Другие квалифицируют тексты в жанровом отношении как реализующие декларативные установки: *новогодние резолюции* (но-

вогодняя резолюция), планы на наступающий год / *postanowienia noworoczne*. Все номинации объединяются темпоральной характеристикой, связанной с конкретизацией времени создания и актуализации этого жанра: *новогодний, наступающий год / noworoczny*. Однако в отличие от загадывания желаний, они гораздо меньше соприкасаются с магической функцией текста, связанной с переходом временного рубежа. Реализация планов на будущий год зависит прежде всего от самого субъекта, а при загадывании желаний предполагается их самоосуществление.

Магическое начало свойственно ритуальным комиссивным текстам, к которым в русской лингвокультуре относятся некоторые подвиды жанров *обещание, присяга, клятва, обет*, а в польской — *ślubowanie, przysięga, przyrzeczenie*. Фразематический характер и структурно-композиционная стабильность жанровых моделей обуславливают обращение к их переигрыванию. Новая интерпретация изначального ритуального текста прослеживается в шуточных клятвах в любви, свадебных клятвах, клятвах в день посвящения студентов в России или в день самоуправления в польских школах и др.

Обыгрывание структуры и мотивов ритуальных комиссивных жанров наблюдается в рекламных текстах. Здесь переплетается магическая функция клятв, присяг и рекламных текстов, подчиняясь главенствующей в рекламе персуазивной функции.

Черты и мотивы комиссивных жанров преломляются также в художественной литературе. К примеру, их пародии или пастиши можно найти в произведениях постмодернизма, где они служат высмеиванию устоев общества. Вопросы, касающиеся особенностей функционирования комиссивных текстов в аспекте ритуала и смеховой культуры, ждут своего дальнейшего анализа.

Критерий интенциональности, который лег в основу проводимой нами жанровой идентификации текстов, при воспроизведении их типовых признаков становится дополнительным фактором, который позволяет связать язык и культуру. Описание структурно-семантической и стилистической специфики жанров должно закономерно восполняться информацией об их исторической изменчивости, социальной обусловленности и нормативно-ценностной

ориентации. Сопоставительный план исследования этих аспектов дает также возможность показать сходства и различия в конвенционализованном коммуникативном поведении людей с разной культурной идентичностью и выявить особенности национально-жанрового сознания.

Источники

Литературные источники

- Азольский А.: *Лопушок*. „Новый мир” 1998, № 8.
- Азольский А.: *Диверсант*. „Новый мир” 2002, № 3.
- Акунин Б.: *Пелагия и черный монах*. Москва 2011.
- Алексеев М.: *Драчуны*. Москва 1982.
- Бояшов И.: *Путь Мури*. Санкт-Петербург 2007.
- Булгаков М.: *Мастер и Маргарита*. Москва 1984.
- Василенко С.: *Дурочка*. „Новый мир” 1998, № 11.
- Войнович В.: *Дело № 34840*. В: В. Войнович: *Замысел*. Москва 2004.
- Вольтер: *Простодушный*. <http://www.lib.ru/INOOLD/WOLTER/prostodushnyj.txt>
- Герцен А.: *Былое и думы*. Москва 1979.
- Гиголашвили М.: *Чертovo колесо*. „Знамя” 2010, № 6.
- Дворецкий Л.: *Шакалы*. Москва 2000.
- Достоевский Ф.: *Белые ночи*. В: *Собрание сочинений в пятнадцати томах*. Том 2. Ленинград 1988.
- Дубов Н.: *Небо с овчинку*. Москва 2001.
- Иванов А.: *Географ глобус пропил*. Москва 2003.
- Катаев В.: *Белеет парус одинокий*. Москва 1987.
- Осилов В.: *Страсти по Фоме. Книга первая. Изгой*. Москва 1998.
- Пелевин В.: *Generation „П”*. Москва 2000.
- Пелевин В.: *Зомбификация*. В: В. Пелевин: *Все повести и эссе*. Москва 2009.
- Приставкин А.: *Вагончик мой дальний*. Москва 2004.
- Сергеев М.: *Волиебная галоша, или Необыкновенные приключения Вадима Смирнова, его лучшего друга Паши Кашкина и 33 невидимок из 117-ой школы*. Красноярск 1971.
- Солженицын А.: *В круге первом*. Москва 1990.

- СТАНЮКОВИЧ К.: *Севастопольский мальчик. Повесть из времени Крымской войны*. Москва 1985.
- Цветочки Святого Франциска: <http://s-francesco.narod.ru/21.html>
- ФИЛДИНГ Х.: *Дневник Бриджит Джонс*. Пер. А. Москвичева. Москва 2007.
- ФИЛДИНГ Х.: *Дневник Бриджит Джонс*. Пер. Г. Багдасарян. http://lib.misto.kiev.ua/INPROZ/FILDING_H/bridgite_diary.txt
- BUKOWSKI M.: *Wysłannik szatana*. Warszawa 1999.
- BRZECHEWA J.: *Gdy owoc dojrzewa*. Warszawa 1958.
- DOŁĘGA-MOSTOWICZ T.: *Pamiętnik Pani Hanki*. Warszawa 2010.
- FIELDING H.: *Dziennik Bridget Jones*. Tłum. Z. Naczyńska. Poznań 1996.
- GŁOWACKI J.: *Rose Café i inne opowieści*. Warszawa 1997.
- HEN J.: *J, Michał z Montaigne?* Warszawa 2009.
- КАПУŚЦИŃSKI R.: *Imperium*. Warszawa 2007.
- NIKLEWICZ P.: *Niezwykła kariera Antoniego K.* Warszawa 2006.
- NUROWSKA Z.: *Panny i wdowy: zdrada*. Lublin 1993.
- RITTNER J.: *Міędzy nocą a brzaskiem*. Janki 1995.
- SIENKIEWICZ H.: *Pan Wołodyjowski*. Warszawa 1989.
- STEMPOWSKI J.: *Szkice literackie. Klimat życia i klimat literatury: 1948—1967*. Warszawa 2001.
- WALKUSKI M.: *Walkowanie Ameryki*. Gliwice 2012.
- WORCELL H.: *Zakłete rewiry*. Wrocław 2005.
- ZUKOWSKI D.: *Miłość morderców*. Kraków 2009.

Публицистические источники

- ВАСИЛЬЧЕНКО В.: „Касторама” признала, что реклама про возврат 200 процентов разницы нарушала права воронежцев. „Бизнес Воронеж”, 03.04.2013.
- ГАНАПОЛЬСКИЙ М.: *Лучше или хуже будет России с новым президентом?* <http://www.echo.msk.ru/programs/klinch/500407-echo/>.
- ГРОЗДАНОВ Ф.: Алла Пугачева и Максим Галкин. Тайна имен их „королевских близнецов”. „Отдохни”, 2013, № 44.
- КЛАРКСОН Дж.: *Мой коллега из «Сэнди Таймс»*. „Тор Gear”, русское издание, № 88, ноябрь 2012.
- КОНЬКОВ Н., НАГОРНЫЙ А.: *Путин и «Семёрка»*. zavtra.ru „Газета”. Выпуск № 26 (1023).
- МИКУЛИК С.: *Как Кузьмич месье Валери побыл*. «Огонёк» 1991, № 8. http://papavlad.ucoz.ru/index/zhurnal_ogonek_1991_08_tekst_10/0-936.
- ОРИОВ Г.: *Галерея масонских портретов*. <http://lebed.com/2003/art3440.htm>
- ПРИТУЛА А., ЛЕЩЕНКО С.: *Сергей Ключев: В Киеве меня шокирует, если пожали друг другу руку — это не значит, что договорились*. „Украинская правда” 10 ноября 2006.

- CHEBAB M.R.: *Pisarska lista plac, czyli ile zarabiają pisarze i w jaki sposób*. „Gazeta Wyborcza”, 14.03.2014.
- „Gazeta Wrocławska”, 05.11. 2001.
- STUHR M: *Jestem w nastroju epistolarnym* — wywiad z Joanna Derkaczew. „Gazeta Wyborcza” — „Gazeta Telewizyjna”, 4.11.2011.
- „Tygodnik Rybnicki”, 22.04.2008.
- WALEWSKA D.: *Finnair zagrożony strajkami*. <http://www.ekonomia.rp.pl/artukul/1065320.html>
- WIERZBICKI J.: *Bardzo angielski polski kryminal*. „Gazeta Wyborcza” — „Gazeta Telewizyjna”, 13.01.2012.
- ЗИОМЕЦКА Z.: *Tak mi dopomóż bank*. http://www.wysokieobcasy.pl/wysokie-obcasy/1,96856,11982975,Tak_mi_dopomoz_bank.html

Юридические источники

- Комментарий к Конституции Российской Федерации*. Под общей ред. Л.В. Лаза-рева. Москва 2009. <http://constitution.garant.ru/science-work/comment/5366634/chapter/4/>
- Конституция Российской Федерации*. Москва 2002.
- Федеральный закон „О рекламе”* от 13.03.2006. http://www.consultant.ru/popular/advert/26_1.html
- Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej*. Warszawa 1997.

Фильмы и сериалы

- Русский Прованс. Плёс*. Из цикла „Письма из провинции”, телеканал „Культура”. 2008.
- BANEK D.: *Samo życie*, серия 236. 2002—2010.
- MACHULSKI J., WEREŚNIAK P, ZATORSKI R.: *Kiler*. 1997
- DEJCZER M: *Ojciec Mateusz*, серия 58. 2008—2014.
- CHĘCIŃSKI S.: *Sami swoi*. 1967.

Интернет-сайты

- <http://search.ruscorpora.ru> [доступ: октябрь 2012 — апрель 2014].
- <http://www.proza.ru/2011/01/12/478> [доступ: январь 2014] <http://rebekah.viewy.ru/page/24> [доступ: март 2014]

- <http://di-via.ru/post194211917/> [доступ: октябрь 2013]
- <http://ru.wikipedia.org/wiki> [доступ: февраль 2014].
- http://www.trud.ru/article/12-05-2005/87558_dmitrij_marjanov_muzhik_dolzhen_byt_v_xoroshеj_for/ [доступ: апрель 2013].
- iwilldoit.ru [доступ: январь 2014].
- <http://www.usa-day.ru/prisyaga-v-below-dome> [доступ: июнь 2012].
- форум «Красота, здоровье, отдых: Медицина и здоровье», 2005
- http://www.bbc.co.uk/russian/russia/2012/12/121224_russia_military_oath.shtml [доступ: декабрь 2012].
- <http://nkjp.pl> [доступ: октябрь 2012 — апрель 2014].
- форум 46451 — Piekielni.pl [доступ: март 2014].
- <http://addeson.livejournal.com/10741.html> [доступ: январь 2014].
- <http://air-we-inspire.livejournal.com/55799.html> [доступ: январь 2014].
- <http://muzeumharcerstwa.pl/strefa-druynowego/przyrzeczenie-i-prawo-harcerskie/wersje-prawa-i-przyrzeczenia/117-wersje-przyrzeczenia-harcerskiego.html> [доступ: апрель 2014].
- <http://wizaz.pl/forum/showthread.php?t=582781> [доступ: январь 2014].
- <http://www.bankier.pl/wiadomosc/Konferencje-ministrow-to-festiwal-pustych-obietnic-2661547.html> [доступ: октябрь 2012].
- <http://trojmiasto.gazeta.pl/trojmiasto/> [доступ: ноябрь 2013].
- Nie_zlozyl_slubowania__nie_zostal_studentem [доступ: октябрь 2012].
- <http://zpravy.idnes.cz/zeman-podepsal-znovu-slib-prezidenta-kvuli-gramaticke-chybe> [доступ: март 2013].
- <http://twierdzakolobrzeg.pl/pl/rok-1945walkiomiasto/163-18-marca-zaslubiny-z-morzem.html> [доступ: апрель 2013].

Библиография

- АПРЕСЯН Ю.Д., ГЛОВИНСКАЯ М.Я.: *Обещать, давать (честное) слово, сулить, клясться, обязываться*. В: *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*. Ред. Ю.Д. Апресян. Москва; Вена 2004, с. 687—692.
- АРУТЮНОВА Н.Д.: *Аксиология в механизмах жизни и языка*. В: *Проблемы структурной лингвистики*. 1982. Москва 1984, с. 5—23.
- АРУТЮНОВА Н.Д.: *От редактора*. В: *Логический анализ языка. Язык речевых действий*. Ред. Н.Д. Арутюнова, Н.К. Рябцева. Москва 1994, с. 3—5.
- АРУТЮНОВА Н.Д.: *Язык и мир человека*. Москва 1999.
- БАРАНОВ А.Г.: *Когнитивность текста. К проблеме уровней абстракции текстовой деятельности*. В: *Жанры речи*. Выпуск 1. Ред. В.Е. Гольдин. Саратов 1997, с. 4—12.
- БАРАНОВ А.Н.: *Лингвистическая экспертиза текста. Теоретическое основание и практика*. Москва 2009.
- БАРАНОВ А.Н., ДОБРОВОЛЬСКИЙ Д.О.: *Аспекты теории фразеологии*. Москва 2008.
- БАХТИН М.М.: *Проблема речевых жанров*. В: *Бахтин М.М.: Эстетика словесного творчества*. Москва 1986, с. 250—296.
- БАХТИН М.М.: *Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса*. Москва 1990.
- БЕЗЯЕВА М.Г.: *Семантика коммуникативного уровня звучащего текста*. Москва 2002.
- БОРЕК М.: *Регистровая характеристика жанра репортажа в современном русском языке*. „Prace Językoznawcze” Т. 20. Katowice 1993, с. 71—79.
- БОРЕК М.: *Композитивы в „Стихотворениях в прозе” И. Тургенева*. В: *Gramatyka a tekst*. Т. II. Ред. Н. Fontański, J. Lubocha-Kruglik. Katowice 2009, с. 94—107.
- БОРУЦКИ Т.: *О русском переводе Dzienniczka św. Faustyny*. В: *Русистика и современность. Языкознание 4*. Ред. Z. Czapiga. Rzeszów 2006, с. 231—238.

- ВЕЖИЦКА А.: *Русские культурные скрипты и их отражение в языке*. В: А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев: *Ключевые идеи русской языковой картины мира*. Москва 2005, с. 467—499.
- ВОЙВОДИЧ Д.: *О темпоральном характере пропозиции перформативных высказываний*. В: *Традиции и тенденции в современной грамматической науке*. Ред. Г.А. Золотова. Москва 2005, с. 100—109.
- ВОЛЬФ Е.М.: *Функциональная семантика оценки*. Москва 2002.
- ГАЙДА Ст.: *Жанры разговорных высказываний*. Пер. В.В. Дементьева. В: *Жанры речи*. Выпуск 2. Ред. В.Е. Гольдин. Саратов 1999, с. 103—111.
- ГАЛЛЯМОВА Н.Ш.: *Речевой акт «обещание, клятва» в русской языковой картине мира: лингвокультурологический, функционально-прагматические аспекты*. „Вестник Томского государственного университета”, серия „Язык и культура”, № 3(11) 2010, с. 16—32.
- ГИНДИН С.И.: *Речевые действия и речевые произведения*. В: *Логический анализ языка. Язык речевых действий*. Ред. Н.Д. Арутюнова, Н.К. Рябцева. Москва 1994, с. 59—63.
- ГИПШИУС А.А.: *Наблюдения над этикетными формулами берестяных грамот*. В: *Стереотипы в языке, коммуникации и культуре*. Ред. Л.Л. Федорова. Москва 2009, с. 279—300.
- ГЛОВИНСКАЯ М.Я.: *Семантика глаголов речи с точки зрения речевых актов*. В: *Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект*. Под ред. Е.А. Земской, Д.Н. Шмелева. Москва 1993, с. 158—218.
- ГОДДАРД К.: *„Исрай лучше, Мартина!” (ирония „с каменным лицом” и этнопрагматика австралийского варианта английского языка)*. Пер. В.В. Дементьева и Е.Б. Ковельевой. В: *Жанры речи*. Выпуск 5. *Жанр и культура*. Ред. В.В. Дементьев. Саратов 2007, с. 159—183.
- ГОЛЬДИН В.Е.: *Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи*. В: *Жанры речи*. Выпуск 1. Ред. В.Е. Гольдин. Саратов 1997, с. 23—33.
- ГОРБАЧЕВА Е.Н.: *Речевой жанр «пару»/«betting»: дискурсивные и лингвокультурные характеристики*. В: *Жанры речи*. Выпуск 6. Ред. В.В. Дементьев. Саратов 2009. <http://www.sgu.ru/structure/philological/linghist/sbornik-zhanry-rechi/materialy-vypuskov/vypusk-6>
- ГРАУДИНА Л.К., ШИРЯЕВ Е.Н.: *Культура русской речи*. Москва 2001.
- ГРИГОРЬЕВА В.С.: *Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагматический и когнитивный аспекты*. Тамбов 2007.
- ГРИНЕНКО Г.В.: *Сакральные тексты и сакральная коммуникация*. Москва 2000.
- ГУДКОВ Д.Б.: *Для чего мы говорим? (К проблеме ритуала и прецедента в коммуникации)*. В: *Язык. Сознание. Коммуникация*. Выпуск 2. Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. Москва 1997, с. 26—40.
- ДЕЙК Т.А. ван, КИНЧ В.: *Стратегии понимания связного текста*. Пер. с англ. В.Б. Смиренского. В: *Новое в зарубежной лингвистике*. Выпуск XXIII. *Когнитивные аспекты языка*. Москва 1988, с. 155—211.

- Дейк Т.А. ван: *Контекст и познание: Фреймы знаний и понимание речевых актов*. В: Ван Дейк Т.А.: *Язык. Познание. Коммуникация*. Пер. с англ. В.В. Петрова. Москва 1989, с. 12—40.
- Дементьев В.В.: *Непрямая коммуникация*. Москва 2006.
- Дементьев В.В.: *Теория речевых жанров*. Москва 2010.
- Добровольский Д.О., Падучева Е.В.: *Высказывания от первого лица: семантика и прагматика*. В: *Моно-, диа-, полилог в разных языках и культурах*. Ред. Н.Д. Арутюнова. Москва 2010, с. 104—121.
- Зализняк А.А.: *Заметки о словах: общение, отношение, просьба, чувства, эмоции*. В: А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев: *Ключевые идеи русской языковой картины мира*. Москва 2005, с. 280—288.
- Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю.: *Коммуникативная грамматика русского языка*. Москва 1998.
- Золотова Г.А.: *Лексикографические заметки*. В: *Язык в движении. К 70-летию Л.П. Крысина*. Ред. Е.А. Земская, М.Л. Каленчук. Москва 2007, с. 194—200.
- Ивин А.А.: *Логика. Учебник для гуманитарных факультетов*. Москва 2002.
- Иссерс О.С.: *Коммуникативные стратегии и тактики русской речи*. Москва 2006.
- КАРАБЫКОВ А.В.: *Проблема функционирования языка в ее отношении к динамике жанровой системы речи*. „Вестник Томского государственного университета”, № 327 (октябрь), 2009, с. 11—18.
- КАРАБЫКОВ А.В.: *Система сакральных перформативов и их роль в культуре и жизни Рима I в. до н.э. — I в. н.э.* „Вестник Томского государственного университета. Филология”, № 3 (11), 2010, с. 26—40.
- КАРАСИК В.И.: *Язык социального статуса*. Москва 1992.
- КАРАСИК В.И.: *Языковые ключи*. Москва 2009.
- Кожина М.И.: *Стиль и жанр: их вариативность, историческая изменчивость и соотношение*. «Stylistyka» VIII. Red. S. Gajda. Opole 1999, с. 5—36.
- Кормина Ж.В.: *Воинская присяга: к истории одного перформатива*. „Неприкосновенный запас”, № 1 (33) 2004, „Журнальный зал”. <http://magazines.russ.ru/nz/2004/1/korm16.html>
- Крейдлин Г.Е.: *Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык*. Москва 2002.
- Кронгауз М.А.: *Русский язык на грани нервного срыва*. Москва 2008.
- КУСТОВА Г.И., ПАДУЧЕВА Е.В.: *Перформативные глаголы в неперформативных употреблениях*. В: *Логический анализ языка. Язык речевых действий*. Ред. Н.Д. Арутюнова, Н.К. Рябцева. Москва 1994, с. 30—37.
- ЛАДОВ В.А.: *Интенциональность в философии Д. Серла*. <http://philosophy.ru/library/ladov/inten2.htm>
- ЛОТМАН Ю.М.: *«Договор» и «вручение себя» как архетипические модели культуры*. В: Лотман Ю.М.: *Чему учатся люди. Статьи и заметки*. Москва 2010, с. 376—396.

- МАЛЫСА О.: *Жанровые особенности присяги (на материале русских и польских текстов)*. «Мова». Науково-теоретический часопис, 2003, № 3, с. 157—160.
- МАЛЫСА О.: *От обещания к присяге: русское и польское жанровое сознание*. В: *Русистика и современность*. Языкознание 4. Red. Z. Czapiga, Rzeszów 2006, с. 113—121.
- МАЛЫСА О.: *Жанровые особенности супружеской клятвы (на материале русских и польских текстов и их переводов на русский язык)*. В: *РКИ в современной образовательной и геополитической парадигме*. Москва 2010, с. 259—261.
- МАЛЫСА О.: *Преломление комиссивных жанров в межкультурном и межстилевом пространстве*. „Rossica Olomunensia” L. Red. L. Vobořil. Olomouc 2011, с. 197—202.
- МАЛЫСА О.: *Уверения, обещания, обязательства: от слова к тексту*. „Opera Slavica”, Ročník XXII 2/2012, с. 1—10.
- МАЛЫСА О.: *Комиссивные жанры в кругу институционального дискурса*. В: *Konfrontacje składniowe. Nowe fakty, nowe idee*. Księga jubileuszowa poświęcona Profesorowi Henrykowi Fontańskiemu z okazji 65. rocznicy urodzin. Red. J. Lubocha-Kruglik, M. Borek. Katowice 2013, с. 126—134.
- МАСЛОВА В.А.: *Введение в лингвокультурологию*. Москва 1997.
- МАСЛОВА В.А.: *Введение в прагмалингвистику*. Москва 2010.
- МЕЧКОВСКАЯ Н.Б.: *Лавина семиозиса, частично фиксируемая языком (по данным анализа символики креста и мотивированных им знаков)*. В: *Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура*. Сборник статей в честь Н.Д. Арутюновой. Ред. Ю. Д. Апресян. Москва 2004, с. 575—588.
- МЕЧКОВСКАЯ Н.Б.: *Язык и религия*. Москва 1998.
- НОВОЖЕНОВА З.: *Эзотерический дискурс в современной России: жанры и языковые особенности*. „Rossica Olomunensia” L. Red. L. Vobořil. Olomouc 2011, с. 231—234.
- ОСТИН ДЖ.: *Как совершать действия при помощи слов?* В: Дж. Остин: *Избранное*. Пер. с англ. Макеевой Л.Б., Руднева В.П., Москва 1999, с. 13—135.
- ПОСПЕЛОВА А.Г.: *Речевые приоритеты в английском языке*. Дисс. докт. филол. наук. Москва 2001.
- ПРОХОРОВ Ю.А., СТЕРНИН И.А.: *Русские: коммуникативное поведение*. Москва 2006.
- РАНЧИН А.М.: *„Житие Иоанна Новгородского”* В: *История древнерусской литературы. Аналитическое пособие*. Москва 2008, с. 348—355.
- РЕЖАБЕК Е.Я., ФИЛАТОВА А.А.: *Когнитивная культурология*. Санкт-Петербург 2010.
- РИНЕКЕР Ф., МАЙЕР Г.: *Библейская энциклопедия Брокгауза*. Пер. с нем. Москва 1994.
- РИФФ Д.: *Джон Берджер. Способы видеть*. <http://os.colta.ru/art/projects>
- РОЗАНОВА Н.Н., КИТАЙГОРОДСКАЯ М.В.: *Городская коммуникация в стереотипных ситуациях и жанрах*. В: *Стереотипы в языке, коммуникации и культуре*. Ред. Л.Л. Федорова. Москва 2009, с. 450—467.

- Ройтер Т.: *О перифрастических наименованиях речевой деятельности*. В: *Логический анализ языка. Язык речевых действий*. Ред. Н.Д. Арутюнова, Н.К. Рябцева. Москва 1994, с. 76—82.
- РЯБЦЕВА Н.К.: *Субъектные компоненты речи (к постановке проблемы)*. В: *Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура*. Сборник статей в честь Н.Д. Арутюновой. Ред. Ю. Д. Апресян. Москва 2004, с. 451—458.
- Ж.Ж. Руссо: *Об общественном договоре, или Принципы политического права*. Пер. с фр. А.Д. Хаютина и В.С. Алексеева-Попова. В: Ж.Ж. Руссо: *Об общественном договоре. Трактаты*. Москва 1998.
- САЛИМОВСКИЙ В.А.: *Речевой акт*. В: *Стилистический энциклопедический словарь*. Под ред. М.Н. Кожинной. Москва 2003, с. 351—352.
- САЛИМОВСКИЙ В.А.: *Речевой жанр*. В: *Стилистический энциклопедический словарь*. Под ред. М.Н. Кожинной. Москва 2003, с. 352—354.
- СЕДОВ К.Ф.: *Становление дискурсивного мышления языковой личности. Психологические и социолингвистические аспекты*. Саратов 1999.
- СЕМЕНЮК Н.Н., БАБЕНКО Н.С.: *Жанр текста как лингвистическая реальность*. В: *Горизонты современной лингвистики. Традиции и новаторство. Сборник в честь Е.С. Кубряковой*. Ред. В.А. Виноградов, В.Ф. Новодранова, Н.К. Рябцева. Москва 2009, с.713—722.
- СЕРЛЬ ДЖ.: *Что такое речевой акт?* Пер. с англ. И.М. Кобозевой. В: *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 17. *Теория речевых актов*. Москва 1986, с. 151—169.
- СЕРЛЬ ДЖ.: *Классификация иллокутивных актов*. Пер. с англ. В.З. Демьянкова, В: *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 17. *Теория речевых актов*. Москва 1986, с. 170—194.
- СИДОРОВА М.Ю.: *Интернет-лингвистика. Русский язык. Межличностное общение*. Москва 2006.
- СТОЛЯРЕНКО А.М.: *Прикладная юридическая психология*. Москва 2001.
- ТЕР-МИНАСОВА С.Г.: *Война и мир языков и культур*. Москва 2008.
- ТОЛСТАЯ С.М.: *К семантической истории слав. *mirъ и *svěť**. В: *Эволюция понятий в свете истории русской культуры*. Ред. В.М. Живов, Ю.В. Кагарлицкий. Москва 2012, с. 58—74.
- ТОДОРОВ Цв.: *Введение в фантастическую литературу*. Пер. с французского Б. Нарумова. Москва 1997.
- ТОПОРОВ В.Н.: *Праславянская культура в зеркале собственных имен (элемент *mir-)*. В: *История, культура, этнография славянских народов*. IX Международный съезд славистов. Братислава, сентябрь 1993 г. Докл. рос. делегации. Москва 1993, с. 3—118.
- УСПЕНСКИЙ Б.А.: *Поэтика композиции. Структура художественного текста и типология композиционной формы*. Москва 1970.
- ФЕДОРОВА Л.П.: *Типология речевого воздействия и его место в структуре общения*. „Вопросы языкознания”, № 6, 1991, с. 46—51.

- ФИЛЛМОР Ч.: *Фреймы и семантика понимания*. Пер. с англ. А.Н. Баранова. В: *Новое в зарубежной лингвистике*. Выпуск XXIII. *Когнитивные аспекты языка*. Москва 1988, с. 52—92.
- ФОНТАНСКИЙ Х.: *Методологические вопросы регистрового анализа*. В: *Традиции и тенденции в современной грамматической науке*. Ред. Г.А. Золотова. Москва 2005, с. 168—177.
- ХЛЕБДА В.: *Фразеология жанров речи — ресурсы русского языка в новом освещении*. „Studia Rossica Posnaniensia”. Vol. XXIV. Poznań 1993, с. 161—166.
- ЦУРИКОВА Л.В.: *Когнитивно-дискурсивная парадигма как новое направление описания и анализа речемыслительной деятельности*. В: *Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство*. Сборник в честь Е.С. Кубряковой. Ред. В.А. Виноградов, В.Ф. Новодранова, Н.К. Рябцева. Москва 2009, с. 76—92.
- ШИМОНИУК М.: *Преподавание стилистики на Русском отделении в Сосновце*. В: *Współczesne problemy dydaktyki języka rosyjskiego na różnych poziomach nauczania*. Red. M. Szymoniuk. Katowice 1995, с. 46—54.
- ШИРЯЕВ Е.Н.: *Глаголы речи, восприятия и мысли в роли разговорных модальных средств*. В: *Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура*. Сборник статей в честь Н.Д. Арутюновой. Ред. Ю.Д. Апресян. Москва 2004, с. 459—466.
- ШМЕЛЕВА Т.В.: *Повседневная речь как лингвистический объект*. В: *Русистика сегодня. Функционирование языка: лексика и грамматика*. Ред. Ю.Н. Караулов. Москва 1992, с. 5—15.
- ШМЕЛЕВА Т.В.: *Модель речевого жанра*. В: *Жанры речи*. Выпуск 1. Ред. В.Е. Гольдин. Саратов 1997, с. 89—98.
- ШМЕЛЕВА Т.В.: *Жанроведение? Генристика? Генология? «Речевое общение»*. Вестник Российской риторической ассоциации. Выпуск 8—9 (16—17), 2006. http://library.krasu.ru/ft/ft/_articles/0114396.pdf
- ШМИД В.: *Нарратология*. Москва 2008.
- ЯНКО Т.Е.: *К типологии иллокутивных актов*. В: *Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура*. Сборник статей в честь Н.Д. Арутюновой. Ред. Ю. Д. Апресян. Москва 2004, с. 479—488.
- AITCHISON J.: *Ssak, który mówi. Wstęp do psycholingwistyki*. Tłum. Maria Czarnecka. Warszawa 1991.
- AITCHISON J.: *Ziarna mowy. Początki i rozwój języka*. Przeł. M. Sykurska-Derwojed. Kraków 2002.
- AWDIEJEW A., HABRAJSKA H.: *Wprowadzenie do gramatyki komunikacyjnej*. T. 1. Łask 2004.
- BALBUS S.: *Miedzy stylami*. Kraków 1996.
- BARTMIŃSKI J.: *Tekst folkloru jako przedmiot folklorystyki*. W: *Nowe problemy metodologiczne literaturoznawstwa*. Red. H. Markiewicz, J. Sławiński, Kraków 1992, s. 246—271.

- BARTMIŃSKI J.: *Tekst jako przedmiot tekstologii lingwistycznej*. W: *Tekst. Problemy teoretyczne*. Red. B. Boniecka, J. Bartmiński, Lublin 1998, s. 9—25.
- BARTMIŃSKI J.: *Gatunki folkloru*. W: *Współczesna polszczyzna. Wybór opracowań*. T. 3. *Akty i gatunki mowy*. Red. J. Bartmiński, S. Niebrzegowska-Bartmińska, J. Szadura. Lublin 2004, s. 169—175.
- BARTMIŃSKI J., NIEBRZEGOWSKA-BARTMIŃSKA S.: *Tekstologia*. Warszawa 2009.
- BARTMIŃSKI J.: *Jak opisywać gatunki mowy?* W: *Język a Kultura*. T. 23. *Akty i gatunki mowy w perspektywie kulturowej*. Red. A. Burzyńska-Kamieniecka. Wrocław 2012, s. 13—32.
- BAUMAN Z.: *Kultura w płynnej nowoczesności*. Warszawa 2010.
- de BEAUGRANDE R., DRESSLER W.: *Wstęp do lingwistyki tekstu*. Tłum. A. Szwedek. Warszawa 2010.
- BERGER J.: *Sposoby widzenia*. Przeł. Mariusz Bryl. Warszawa 2008.
- BIEŃKOWSKA D.: *Biblijna przysięga jako akt religijny i rytualny. Na materiale polskich translacji „Pisma Świętego”*. B: *Rytuał. Język — religia*. Red. R. Zarębski. Łódź 2005, c. 29—40.
- BRALCZYK J.: *Język na sprzedaż*. Warszawa 1996.
- CHARCIAREK A.: *Polskie wyrażenia metatekstowe o funkcji fatycznej i ich odpowiedniki rosyjskie i czeskie*. Katowice 2010.
- CHLEBDA W.: *Fatum i nadzieja. Szkice do obrazu samoświadomości językowej współczesnych Rosjan*. Opole 1995.
- CHUDZIK A.: *Mowne zachowania magiczne w ujęciu pragmatyczno-kognitywnym*. Kraków 2002.
- CZAPIGA Z.: *Rosyjskie operatory metatekstowe i ich polskie odpowiedniki*. Rzeszów 2006.
- DĄBROWSKI A.: *Intencjonalność i semantyka*. Kraków 2013.
- DOBRYŃSKA T.: *Gatunki pierwotne i wtórne. (Czytając Bachtina)*. W: *Typy tekstów. Zbiór studiów*. Red. T. Dobrzyńska. Warszawa 1992, s. 75—80.
- DOBRYŃSKA T.: *Tekst — w perspektywie stylistycznej*. W: *Tekst i jego odmiany. Zbiór studiów*. Red. T. Dobrzyńska. Warszawa 1996, s. 125—143.
- DRABIK B.: *Językowe rytuały tworzenia więzi interpersonalnej*. Kraków 2010.
- DURKHEIM E.: *Elementarne formy życia religijnego. System totemiczny w Australii*. Tłum. A. Zadrożyńska. Warszawa 1990.
- DUSZAK A.: *Tekst, dyskurs, komunikacja kulturowa*. Warszawa 1998.
- ENGELKING A.: *Kłątwa. Rzecz o ludowej magii słowa*. Wrocław 2000.
- JAKUBOWSKA E.: *Różnice kulturowe a kultura dialogu*. W: *Kultura dialogu. Tożsamość europejska a edukacja*. Red. E. Borkowska, A. Łyda, Katowice 2004, s. 97—106.
- JARZĄBEK K.: *Znaki kinetyczne wspomagające komunikację mowną i ich miejsce w nauczaniu języków obcych (na przykładzie komunikacji Polaków i Rosjan — ujęcie konfrotatywne)*. Katowice 1989.
- JĘDRZEJKO E., KITA M.: *Wszystkiego najlepszego! Życzenia jako akty językowo-kulturowe: konwencje i kreatywność*. W: *Śląskie studia lingwistyczne*. Red. K. Kleszczowa. Katowice 2003, s. 197—207.

- GAJDA S.: *Podstawy badań stylistycznych nad językiem naukowym*. Wrocław 1982.
- GAJDA S.: *Gatunki wypowiedzi potocznych*. W: *Współczesna polszczyzna. Wybór opracowań*. T. 3. *Akty i gatunki mowy*. Red. J. Bartmiński, S. Niebrzegowska-Bartmińska, J. Szadura. Lublin 2004, s. 144—152.
- GAJDA S.: *Gatunkowe wzorce wypowiedzi*. W: *Polska genologia lingwistyczna*. Red. D. Ostaszewska, R. Cudak. Warszawa 2008, s. 130—142.
- GOFFMAN E.: *Rytuał interakcyjny*. Tłum. A. Szulżycka. Warszawa 2006.
- GRODZIŃSKI E.: *Wypowiedzi performatywne. Z aktualnych zagadnień filozofii języka*. Wrocław 1980.
- GRZEGORCZYKOWA R.: *Świat widziany poprzez słowa. Szkice z semantyki leksykalnej*. Warszawa 2012.
- HEJWOWSKI K.: *Kognitywno-komunikacyjna teoria przekładu*. Warszawa 2009.
- FONTAŃSKI H.: *Gramatyczne wyznaczniki kompozycyjne opowiadań i humoresk lemkowych Teodora Kuziaka*. W: *Gramatyka a tekst*. Red. H. Fontański, J. Lubocha-Kruglik. Katowice 2007, s. 69—94.
- FRASER B., NOLEN W.: *The association of deference with linguistic form*. „*International Journal of the Sociology of Language*”, nr 27. The Hague, 1981, s. 93—109.
- KITA M.: *Użytkownik języka wobec niewyraźnego, niewyrażanego i niewyraźnego*. „*Stylistyka*” XI. *Stylistyka a poetyka*. Red. S. Gajda. Opole 2002, s. 101—119.
- KITA M.: *Tekstowy status modułu rozmowy*. W: *Gatunki mowy i ich ewolucja*. T. 2. *Tekst a gatunek*. Red. D. Ostaszewska. Katowice 2004, s. 405—413.
- KITA M.: *Kulturowe osadzenie gatunku wobec globalizacji kulturowej (na przykładzie gatunków etykietalnych)*. W: *Język a kultura*. T. 23. *Akty i gatunki mowy w perspektywie kulturowej*. Red. A. Burzyńska-Kamieniecka. Wrocław 2012, s. 151—164.
- KLESZCZOWA K.: *Verba dicendi w historii języka polskiego. Zmiany znaczeń*. Katowice 1989.
- KOSOWSKA E., JAWORSKI E.: *O godności*. W: *Bezpieczny świat wielu kultur i narodów. Przewodnik dla nauczycieli*. Red. A. Gomółka, M. Kądziała. Będzin 2011, s. 9—19.
- KOWALSKI P.: *Gratulanci i winszownicy. Zarys komunikacyjnej historii winszowania*. Wrocław 2010.
- LEWICKI R.: *Obcość w odbiorze przekładu*. Lublin 2000.
- LEVINSON S. C.: *Pragmatyka*. Przeł. T. Ciecierski, K. Stachowicz. Warszawa 2010.
- LORENZ K.: *Rytuały zwierzęce i kulturowe*. Przeł. A.D. Tauszyńska. W: *Antropologia widowisk. Zagadnienia i wybór tekstów*. Red. L. Kolankiewicz. Warszawa 2010, s. 101—115.
- LUBOCHA-KRUGLIK J.: *Językowe środki perswazji (na materiale polskich i rosyjskich tekstów reklamowych)*. W: *Języki słowiańskie dziś. Nowe fakty. Nowe spojrzenia*. Red. H. Fontański przy współpracy E. Straś. Katowice 2001, s. 134—150.
- LUBOCHA-KRUGLIK J.: *Kreowanie świata w tekstach reklamowych (na materiale języka polskiego i rosyjskiego)*. W: *Język rosyjski w konfrontacji z językami Europy*

- w aspekcie lingwokulturoznawczym. Red. P. Czerwiński, H. Fontański. Katowice 2004, s. 306—311.
- LUKSZYN J.: *Стилистический анализ русского текста. Analiza stylistyczna tekstu rosyjskiego*. Warszawa 1990.
- MAKUCHOWSKA M.: *O języku modlitwy*. W: *Czterechsetlecie Unii Brzeskiej. Zagadnienia języka religijnego*. Red. Z. Leszczyński. Lublin 1998, s. 157—167.
- MAŁYSKA A.: *Rytuały sejmowe w latach 1980—1982 i 1991—1993*. Lublin 2003.
- MARCJANIK M.: *Magiczne funkcje słów w kulturach pierwotnych i w działaniu językowym współczesnego człowieka*. „Przegląd Humanistyczny”, 1981, nr 10—12, s. 11—16.
- MICHAŁOWSKI P.: *Polskie imitacje haiku*. W: *Polska genologia. Gatunek w literaturze współczesnej*. Red. R. Cudak. Warszawa 2009, s. 165—175.
- NIEBRZEGOWSKA-BARTMIŃSKA S.: *Miejsce wartości w opisie gatunków mowy*. B: *Język a kultura*. T. 23. *Akty i gatunki mowy w perspektywie kulturowej*. Red. A. Burzyńska-Kamieniecka. Wrocław 2012, s. 33—41.
- ONG W.: *Oralność i piśmienność. Słowo poddane technologii*. Przełożył i wstępem opatrzył J. Japola. Lublin 1992.
- PLUWAK A.: *Geneza i ewolucja pojęcia framing w naukach społecznych*. „Global Media Journal — Polish Edition”, No 1(5) 2009, s. 49—79.
- PUZYNINA J.: *Język wartości*. Warszawa 1992.
- REJTER A.: *Kształtowanie się gatunku reportażu podróżniczego w perspektywie stylistycznej i pragmatycznej*. Katowice 2000.
- RYBARCZYK-DYJEWSKA J.: *Język jako narzędzie magii na przykładzie zaklęć rosyjskich*. Kraków 2013.
- SEARLE J.: *Intentionality: An Essay in the Philosophy of Mind*. Cambridge 1983.
- SKWARCZYŃSKA S.: *Wstęp do nauki o literaturze*. T. 3. Warszawa 1965.
- SKWARCZYŃSKA S.: *Geneza i rozwój rodzajów literackich*. W: *Genologia polska. Wybór tekstów*. Wybór, opracowanie i wstęp E. Miodońska-Brookes, A. Kulawik, M. Tatała. Warszawa 1983, s. 47—76.
- SŁAWIŃSKI J.: *O opisie*. W: *Studia o narracji*. Red. J. Błoński, St. Jaworski, J. Sławiński. Wrocław 1982, s. 215—240.
- SZYMONIUK M.: *O wyborze w działaniu komunikacyjnym w kręgu styl — gatunek*. W: *Gatunki mowy i ich ewolucja*. T. III. *Gatunek a odmiany funkcjonalne*. Red. D. Ostaszewska. Katowice 2007, s. 176—183.
- TOKARSKI R.: *Pola znaczeniowe i ramy interpretacyjne — dwa spojrzenia na język*. „LingVaria”, Rok I (2006), nr 1, s. 35—46.
- TOKARZ M.: *Argumentacja. Perswazja. Manipulacja*. Gdańsk 2006.
- TRZYNADŁOWSKI J.: *Zmienność i stałość gatunku literackiego*. W: *Genologia polska. Wybór tekstów*. Wybór, opracowanie i wstęp E. Miodońska-Brookes, A. Kulawik, M. Tatała. Warszawa 1983, s. 38—46.
- TURNER V.: *Od rytuału do teatru. Powaga zabawy*. Przełożyli M. i J. Dziekanowie. Warszawa 2005.

- WIERZBICKA A.: *Dociekania semantyczne*. Wrocław 1968.
- WIERZBICKA A.: *Genry mowy*. W: *Tekst i zdanie. Zbiór studiów*. Red. T. Dobrzyńska, E. Janus. Wrocław 1983, s. 125—137.
- WIERZBICKA A.: *Moje podwójne życie: dwa języki, dwie kultury, dwa światy*. „Teksty Drugie”, nr 3(45), 1997, s. 73—93.
- WIERZBICKA A.: *Język — umysł — kultura*. Wybór prac pod red. J. Bartmińskiego. Warszawa 1999.
- WIERZBICKA A.: „Akty mowy”. W: *Współczesna polszczyzna. Wybór opracowań*. T. 3. *Akty i gatunki mowy*. Red. J. Bartmiński, S. Niebrzegowska-Bartmińska, J. Szadura. Lublin 2004, s. 33—50.
- WILKOŃ A.: *Spójność i struktura tekstu*. Kraków 2002.
- WITOSZ B.: *Pragmatyczny wymiar opisu*. W: *Tekst. Problemy teoretyczne*. Red. B. Boniecka, J. Bartmiński. Lublin 1998, s. 197—211.
- WITOSZ B.: *Genologia lingwistyczna. Zarys problematyki*. Katowice 2005.
- WITOSZ B.: *Gatunek jako gramatyka (?) tekstu*. W: *Gramatyka a tekst*. T. II. Red. H. Fontański, J. Lubocha-Kruglik. Katowice 2009, s. 49—63.
- WOJTAK M.: *O początkach stylu religijnego w polszczyźnie*. W: „Stylistyka” I, Opole 1992, s. 90—97.
- VAZQUES-ORTA I. i in.: *Kognitywna klasyfikacja aktów mowy*. W: *Współczesna polszczyzna. Wybór opracowań*. T. 3. *Akty i gatunki mowy*. Red. J. Bartmiński, S. Niebrzegowska-Bartmińska, J. Szadura. Lublin 2004, s. 51—53.
- ZĄSKO-ZIELIŃSKA M.: *Przez okno świadomości. Gatunki mowy w świadomości użytkowników języka*. Wrocław 2002.
- ZĄSKO-ZIELIŃSKA M., MAJEWSKA-TWOREK A., PIEKOT T.: *Wzory tekstów użytkowych*. W: *Polszczyzna na co dzień*. Red. M. Bańko. Warszawa 2006, s. 659—800.
- ZDUNKIEWICZ-JEDYNAK D.: *Wykłady ze stylistyki*. Warszawa 2008.
- ŻYDEK-BEDNARCZUK U.: *Tekst w Internecie i jego wyznaczniki*. W: *Dialog a nowe media*. Druga Internetowa Konferencja Naukowa. Uniwersytet Śląski, Katowice, marzec-kwiecień 2003, <http://uranos.cto.us.edu.pl/~dialog/archiwum/zydek-bednarczuk.pdf>

Словари и энциклопедии

Азбука веры: <http://azbyka.ru/dictionary>

АШУКИН Н.С., АШУКИНА М.Г.: *Крылатые слова*. Москва 1987.

Большой юридический словарь. Ред. А.Я. Сухарев, В.Я. Крутских. Москва 2003.

БЫСТРОВА Е.А., ОКУНЕВА А.П., ШАНСКИЙ Н.М.: *Учебный фразеологический словарь*. Москва 1997.

ДАЛЬ В. И.: *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. 1—4. Москва 1978.

- ЕЛИСТРАТОВ В.С.: *Словарь русского арго*. Москва 2002.
- ЕФРЕМОВА Т.Ф.: *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Москва 2000.*
- КАРАУЛОВ Ю.Н., ЧЕРКАСОВА Г.А., УФИМЦЕВА Н.В., СОРОКИН Ю.А., ТАРАСОВ Е.Ф.: *Русский ассоциативный словарь*. В 2 томах. Т. 1. Москва 2002.
- КВЕСЕЛЕВИЧ Д.И.: *Толковый словарь ненормативной лексики русского языка*. Москва 2003.
- МЕЛИКЯН В.Ю.: *Словарь. Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи*. Москва 2001.
- НИКИТИНА Т.Г.: *Толковый словарь молодежного сленга*. Москва 2004.
- ОЖЕГОВ С.И.: *Толковый словарь русского языка*. <http://project.phil.spbu.ru/lib/data/slovari/ozhegov/ozhegov.html>
- Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*. Ред. Ю.Д. Апресян. Москва; Вена 2004.
- РОМАНОВА Н.Н., ФИЛИППОВ А.В.: *Словарь. Культура речевого общения: этика, прагматика, психология*. Москва 2009.
- Русский семантический словарь*. Т. 3. Под общей ред. Н.Ю. Шведовой. Москва 2003.
- Словарь русского языка в 4-х томах*. Под ред. А.П. Евгеньевой. Москва 1985—1988.
- Стилистический энциклопедический словарь русского языка*. Ред. М.Н. Кожина. Москва 2003.
- Толковый словарь русского языка*. Под ред. Д.Н. Ушакова. Москва 2000.
- Толковый словарь русских глаголов. Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы*. Под ред. Л.Г. Бабенко. Москва 1999.
- ФАСМЕР М.: *Этимологический словарь русского языка*. Т. 1—4. Москва 1986.
- ШАНСКИЙ Н.М., БОБРОВА Т.А.: *Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов*. Москва 2004.
- ШАПОШНИКОВ А.К.: *Этимологический словарь современного русского языка: в 2 томах*. Т. 2. Москва 2010.
- Фразеологический словарь русского литературного языка*. Сост. А.И. Федоров. Москва 2008.
- Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и Е.И. Ефрона*. http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron.
- BIERNACKI M., PAWLUS M.: *Słownik gatunków literackich*. Bielsko-Biała 2005.
- BAŃKO M.: *Słownik dobrego stylu, czyli wyrazy, które się lubią*. Warszawa 2007.
- BORYŚ W.: *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Kraków 2005.
- BRÜCKNER A.: *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Warszawa 1996.
- Encyklopedia kultury polskiej XX wieku*. Т. 2. Red. J. Bartmiński. Wrocław 1993.
- GŁOWIŃSKI M., KOSTKIEWICZOWA T., OKOPIEŃ-SŁAWIŃSKA A., SŁAWIŃSKI J.: *Słownik terminów literackich*. Pod red. J. Sławińskiego. Wrocław 2000.

- KARŁOWICZ J., KRYŃSKI A., NIEDŹWIECKI W.: *Słownik języka polskiego*. T. 2. Warszawa 1904—1927 (1952—1953). T. 1—7.
- LINDE S.B.: *Słownik języka polskiego*. Warszawa 1807—1814.
- Polszczyzna na co dzień*. Red. M. Bańko. Warszawa 2006.
- Słownik języka polskiego PWN*. Wydanie elektroniczne (CD). Warszawa 2004.
- Słownik polskich zwrotów werbo-nominalnych. Zeszyt próbny*. Pod red. E. Jędrzejko. Warszawa 1998.
- Słownik rodzajów i gatunków literackich*. Red. G. Gazda, S. Tyniecka-Makowska. Kraków 2006.
- Słownik wyrazów obcych*. Pod red. J. Kamińskiej-Szmaj. Wrocław 2002.
- Rada Języka Polskiego*. <http://www.rjp.pan.pl>
- Wielka Encyklopedia PWN*. T. 22. Warszawa 2004.

Oksana Małysa

Komisyjne gatunki mowy Aspekt porównawczy rosyjsko-polski

Streszczenie

Niniejsza praca sytuuje się w nurcie badań genologicznych uwzględniającym w opisie gatunków zarówno kategorie pragmatyczno-semantyczne, jak też założenia stylistyki, dyskursu oraz aksjologii. Dynamika rozwoju form gatunkowych rozpatrywana jest więc w kontekście procesów historycznych, zmian technologicznych oraz uwarunkowań społeczno-kulturowych.

Celem opracowania jest porównanie komisyjnych gatunków mowy zakorzenionych w przestrzeni komunikacyjnej kultury rosyjskiej i polskiej.

Rozdział pierwszy monografii poświęcony jest prezentacji aparatu pojęciowego genologii lingwistycznej. Szczegółowo omówiono koncepcję gatunków mowy M. Bachtina, poruszono kwestię zestawienia aktów i gatunków mowy, zwrócono uwagę na specyfikę form wypowiedzi z punktu widzenia gramatyki komunikacyjnej.

W tej części pracy prezentowane są też typologie gatunków z uwzględnieniem różnych ich aspektów, m.in. intencjonalnego, retorycznego, funkcjonalnego. Zróżnicowanie parametrów gatunkowych interpretowane jest również z perspektywy kulturowej.

W rozdziale drugim omówiono etymologię nazw gatunków komisyjnych. Szczególną uwagę poświęcono też czasownikom performatywnym. Czasowniki te determinują właściwości poszczególnych aktów i gatunków mowy z kręgu komisyw na tle wypowiedzi asertywnych i deklaratywnych. Kolejnym zagadnieniem podjętym w tym rozdziale jest specyfika związków peryfrastycznych w aspekcie ich potencji konotacyjnych. Przedmiotem rozważań autorki stały się również niewerbalne akty komunikacji towarzyszące komisyjnym gatunkom mowy.

W rozdziale trzecim zaprezentowano systemowy charakter poddanych analizie gatunków oraz omówiono kryteria wytyczające ich ramy. Istotną rolę odgrywają tu pierwotność i wtórność gatunków, ustna i pisemna forma wypowiedzi, relacje nadawczo-

-odbiorcze oraz zależności pomiędzy komponentami illokucyjnymi. Uwzględnienia wymaga również czynnik emocjonalny.

W dalszej części pracy uwaga autorki koncentruje się na miejscu wartości w opisie gatunków komisywnych. Na podstawie analizy wybranych typów tekstów wyodrębniono typy wartości na poziomie przedstawieniowym oraz interakcyjnym. Omówiono tu również sposoby aktualizacji intencji komisywności w różnych typach gatunków.

Zarysowane w książce spojrzenie na gatunki mowy pozwala odejść od tradycyjnych metod ich badania. Umożliwia to przede wszystkim osadzenie gatunku w kontekście sytuacyjnym oraz traktowanie go jako kategorii scalającej elementy strukturalne wypowiedzi z jej podmiotem wraz z wyznawanym przez niego systemem wartości. Taki kierunek badań daje możliwość uchwycenia dynamicznego modelu rozmaitych form komunikacji, w tym również komisywnych.

Oksana Małysa

**Commissive speech genres
Russian-Polish comparative aspect**

Summary

This study constitutes a part of genological research into the genre description including pragmatic and semantic categories as well as the assumptions of stylistics, discourse and axiology. Thus the dynamics of genres development is analysed in terms of historical processes, technological changes and sociocultural determinants.

The purpose of the study is a comparison of commissive genres rooted in the communication space of the Russian and Polish culture.

The first chapter of the monograph is devoted to the key notions of the linguistic genology. It includes a detailed description of M. Bakhtin's concept of the speech genres. It also juxtaposes speech acts and genres and discusses the specificity of utterance forms from the perspective of communicative grammar. Besides, this part of the monograph provides genre typologies and their various aspects — intentional, rhetorical and functional, among others. The diversification of genre parameters is also interpreted from the perspective of culture.

The second chapter presents the etymology of genre names. Particular attention has been paid to performative verbs. These verbs determine properties of specific commissive speech acts and genres, as opposed to assertives and declarations. Another issue discussed in this chapter is the specificity of periphrastic forms in terms of their connotative potential. The author also analyses non-verbal communication acts accompanying the commissive speech genres.

The third chapter focuses on the systemic character of the discussed genres and the criteria constituting their framework. A significant role is attributed here to genre primariness and secundariness, oral and written utterances, transmitter-recipient relationships and dependencies between illocutionary components. An emotional component is also to be considered.

In the next part of the monograph the author concentrates on the role of values in the description of the commissive genres. On the basis of the selected types of

texts, it was possible to distinguish the types of values h at the representational and interactive levels. In addition, the ways of commissive intention updating in various types genres have been discussed.

The view on the speech genres presented in this book allows for the rejection of traditional research methods employed in their investigation. Due to this, it is possible to place the genre in a situational context and treat it as a category unifying utterance structural elements with its subject and its system of values. Adopting this research direction allows to define the dynamic model of various forms of communication including the commissive ones.

Na okładce: Barbara Strykowska, Bez tytułu, 2010

Korekta: Inna Jakutina
Projekt okładki: Katarzyna Wojdyła
Redaktor techniczny: Barbara Arenhövel
Łamanie: Bogusław Chruściński

Copyright © 2014 by
Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego
Wszelkie prawa zastrzeżone

ISSN 0208-6336
ISBN 978-83-8012-258-1
(wersja drukowana)
ISBN 978-83-8012-259-8
(wersja elektroniczna)

Wydawca
Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego
ul. Bankowa 12B, 40-007 Katowice
www.wydawnictwo.us.edu.pl
e-mail: wydawus@us.edu.pl

Wydanie Ark. druk. 15,25 + 2 wklejki. Ark. wyd. 14,0.
Papier offset. kl. III, 90 g   Cena 24 zł (+ VAT)

Druk i oprawa: „TOTEM.COM.PL Sp. z o.o.” Sp.K.
ul. Jacewska 89, 88-100 Inowrocław

Więcej o książce

CENA 24 ZŁ
(+ VAT)

ISSN 0208-6336
ISBN 978-83-8012-258-1